

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2018, №4

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г. выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гришачев С.В., к.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Крупянка М.И., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Мазурик В.П., к.филол.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симотомаи Нобуо, проф. (Япония); Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.; Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Овчинникова Л.В., к.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (*главный редактор*)

Редакция: Белилина Е.В.; Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кириченко М.А.; Нелидов В.В.; Суркова Т.И. (*зав. редакцией*)

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical *Japanese Studies in Russia* has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science
(in Russian Federation):

07.00.00 History and
Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Corresponding member of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Grishachev Sergei V., PhD (History); Gurevich Tatiyana M., DSc (Culturology), PhD (Philology); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Korchagina Tatiyana I., PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Kuznetsov Sergei I., DSc (History); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Louzianin Sergei G., DSc (History); Mazurik Victor P., PhD (Philology); Nechaeva Lyudmila T., DSc (Pedagogy); Nosov Mikhail G., DSc (History), Corresponding member of the RAS; Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Shnyrko Aleksandr A., PhD (Philology); Shodiev Fattah K., PhD (Political Science); Shulatov Yaroslav A., PhD (History); Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Simonova-Gudzenko Ekaterina K., DSc (History); Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Vojtishkek Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Ovchinnikova Lyubov V., PhD (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Belilina Elena V.; Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

Requirements for authors: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2018, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Магера Ю.А. История появления первых японских комиксов на русском языке	6
Кульнева П.В. Экономическая терминология в японском и китайском языках: сходство и различия	24
Стрельцов Д.В. Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года»	44
Лебедева И.П. Япония: проблемы занятости пожилых работников	60
Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно- политической обстановки в Северо-Восточной Азии	78
Тимонина И.Л. Университетские стартапы и венчуры и конкурентоспособность страны: опыт Японии	92
<i>Научная жизнь</i>	
«Я – переводчик». Беседа с В.С. Сановичем о переводе «Стародавних повестей» и многом другом	111
Детлова Е.В. «Короткая песня» о Цунода Бунъэй и его европейских коллегах	124
Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2018 год	135

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2018, № 4

CONTENTS

Magera Yu.A. The history of the first Russian language publications of Japanese comics.....	6
Kulneva P.V. Economic terminology in Japanese and Chinese languages: similarities and differences	24
Streltsov D.V. Political corruption in Japan during the “1955 system”	44
Lebedeva I.P. Japan: the problems of employment of elderly workers.....	60
Panov A.N., Nelidov V.V. Japan’s foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia.....	78
Timonina I.L. University startups and ventures and the competitiveness of the country: experience of Japan.....	92
<i>Academic Events</i>	
“I am a translator”. Interview with Viktor Sanovich about the translation of the Konjaku monogatari shū and many other things	111
Detlova E.V. «Short song» about Tsunoda Bun-ei and his European colleagues	124
The bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” for 2018.....	135

Японские исследования. 2018. № 4. С. 6–23.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 6–23.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10025

История появления первых японских комиксов на русском языке

Ю.А. Магера

Аннотация. После распада Советского Союза в Россию хлынула зарубежная массовая культура. Начинают издаваться книги ранее запрещённых писателей, а также активно продвигаются комиксы, в том числе – японские комиксы «манга», о которых бывшие советские граждане слышали впервые. Распространение самой манги (и аниме) за рубежом начинается только в середине 1980-х годов, а уже в 1990-е годы первые её образцы добираются до России. Так, в 1995 г. на русском языке выходит первый том манги Накадзава Кэйдзи «Босоногий Гэн», приуроченный к 50-й годовщине атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Но годом ранее была выпущена ещё одна манга, которую на сегодняшний день можно считать самой первой мангой, изданной на русском языке. Символично, что ею оказалась манга Тэдзука Осаму «Блэк Джек». Именно благодаря Тэдзука Осаму в послевоенные годы манга развилась в огромную индустрию, которая впоследствии смогла конкурировать с американскими комиксами и французскими *банд десине*. Тэдзука по образованию был врачом и в этом произведении он продемонстрировал как свои медицинские познания, так и выдающиеся способности профессионального писателя жанра манга. Персонаж Блэк Джек стал своеобразным альтерэго самого Тэдзука Осаму и снискал огромную любовь читателей. Впрочем, о существовании такого персонажа, в отличие, например, от американского Микки Мауса, едва ли было известно в России, поэтому первые выпуски японских комиксов особым спросом не пользовались. Несмотря на это, в узком кругу отечественных поклонников японской анимации и манги (*отаку*) назревала потребность в такого рода культурной продукции. В конце 1990-х годов с развитием компьютерных технологий получают широкое распространение любительские переводы манги в Сети, в том числе и в русскоязычном сегменте Интернета. Появляются неофициальные издательства, которые публикуют на бумаге нелегальную мангу (пиратку). Впоследствии некоторые из них перекавалифицируются в официальные компании, что ознаменует появление первых российских издательств манги в начале 2000-х годов. В связи с этим важно проследить содержание этих произведений и специфику их публикации, а также опыт издательств, которые решили взяться за перевод азиатских комиксов на русский язык.

Ключевые слова: аниме, Блэк Джек, босоногий Гэн, комикс, манга, отаку, пиратские издания, сканлейт.

Автор: Магера Юлия Александровна, старший преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ; ассистент курсов японского языка в АНО «Японский центр» МГУ. E-mail: juliam14@yandex.ru

The history of the first Russian language publications of Japanese comics

Yu.A. Magera

Abstract. After the dissolution of the Soviet Union, a powerful flood of foreign culture poured into Russia. Books by previously banned writers started to be published, and comic books were also being actively promoted, including Japanese manga that former Soviet citizens had not heard about before. The spread of manga (and anime) outside Japan began only in the mid-1980s, but it was already in the 1990s when its first examples were presented to the Russian audience. In 1995, the first volume of Nakazawa Keiji's "Barefoot Gen", timed to the 50th anniversary of the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki, was published in Russian. But a year earlier another manga had been released, the one that today can be considered the very first manga translated into Russian. Symbolically, it was Tezuka Osamu's "Black Jack". In the postwar period, due to Tezuka Osamu's efforts, the manga genre developed into a huge industry that was later able to compete with American comic books and the French *bande dessinée*. Tezuka had received medical education, and in the "Black Jack", he combined his medical knowledge with his brilliant talent of a manga creator (*mangaka*). The main character of the book, Black Jack, became somewhat of Tezuka Osamu's alter ego, receiving immense affection from the readers. However, unlike, for example, the American Mickey Mouse, this character was hardly known in Russia, so the first Russian language issues of Japanese comics were not in particular demand. Despite this, in the narrow circle of Russian fans of Japanese animation and manga (*otaku*), the need for such kind of cultural products was brewing. In the late 1990s, with the development of computer technologies, amateur translations of manga became widespread on the Internet, including its Russian language segment. There appeared underground publishers which produced unlicensed paper editions of manga (*piratka*). Subsequently, some of them evolved into legal companies, which lead to the appearance of the first official Russian manga publishers in the early 2000s. In this regard, it is important to trace the contents of these works and the specific features of the way they were published, as well as the experience of publishers who undertook the task of translating Asian comics into Russian.

Keywords: anime, Black Jack, Barefoot Gen, comics, manga, otaku, piracy, scanlate.

Author: Magera Yulia A., Senior Lecturer, Faculty of Humanities, Institute for Oriental and Classical Studies HSE; assistant, Japanese language courses at ANO "The Japan Center" at Moscow State University. E-mail: juliam14@yandex.ru

Уже на протяжении практически двадцати лет в России выпускаются японские комиксы. За свою недолгую историю они испытали как периоды спада, так и периоды подъёма, но в целом интерес российской молодёжи к этому виду книжной продукции растёт с каждым годом. В настоящее время выпуском манги занимаются как крупные компании, наподобие питерской «Азбуки», так и небольшие специализированные издательства – «Истари Комикс», «XL Media» (ЭксЭл Медиа), «Фабрика комиксов» и «Альт Граф». Каждый год они радуют своих читателей приобретением лицензий на выпуск новых серий манги, среди которых следует особенно отметить популярные во всём мире «Атаку на титанов» Исаема Хадзимэ, «Ванпанчмена» Мурата Юскэ и Оне, «Сэйлор Мун» Такэути Наоко, «Бакумана» Обата Такэси и Ооба Цугуми, «Волчицу и пряности» Коумэ Кэйто и Хасэкура Исунэ. Но что предшествовало этому процессу, и почему отечественная молодёжь так полюбила данный вид культурной продукции?

Причина этого кроется, по всей видимости, в том, что после распада Советского Союза и до сегодняшнего дня на отечественном рынке практически отсутствуют художественные произведения, нацеленные на подростков и молодое поколение. Поэтому такие явления японской массовой культуры, как манга и аниме, стали своеобразной альтернативой и смогли заполнить пустующую нишу. Их роль особенно актуализировалась в постсоветский период, когда молодёжь чувствовала себя «потерянной» и искала новые формы для самовыражения.

В формировании сообщества отечественных поклонников аниме и манги большую роль сыграли, прежде всего, показы детских классических мультфильмов японской анимационной студии «Тозэй» ещё в советское время. Одной из первых оказалась трилогия о приключениях «Кота в сапогах» (長靴をはいた猫, *Нагагуцу о хайта нэко*)¹ по мотивам одноимённой сказки Шарля Перро и «Трёх мушкетеров» Александра Дюма, впервые дублированная на студии «Союзмультфильм» в 1971 г. [Каталог фильмов действующего фонда, 1972, с. 108]. Также в 1970-е годы были дублированы на русский язык японские мультфильмы «Али-Баба и сорок разбойников» (アリババと40匹の盗賊, *Ари-Баба то ёндзюппики-но тодзоку*) и мелодраматическая история «Без семьи» (ちびっ子レミと名犬カピ, *Тибикко Рэми то мэикэн Капи*) о бездомном мальчике Реми по одноимённому роману французского писателя Гектора Мало.

Но особой популярностью пользовался мультфильм 1969 г. «Корабль-призрак» (空飛ぶゆうれい船, *Сора тобу юрэйсэн*), шедший в советском кинопрокате в 1980-е годы [Иванов, 2001, с. 190]. Многие отечественные поклонники аниме и манги старшего поколения отсчитывают свой стаж фанатства именно с этого произведения. В целом, 1980-е годы отмечены появлением совместных проектов СССР и Японии в области анимации, например, мультфильм 1980 г. «Двенадцать месяцев» (в оригинале – «Живущие в лесу» 森は生きている, *Мори ва икитэиру*) по одноимённой сказке Самуила Маршака. Его производством занимались студии «Тозэй» и «Союзмультфильм», а музыку, которую исполнил Ленинградский филармонический оркестр, написал советский композитор Владимир Кривцов. Ещё один мультфильм – «Приключения пингвинёнка Лоло» (小さなペンギンロロの冒険, *Тисана пэнгин Роро-но бокэн*) – был создан студией «Союзмультфильм» и японской компанией «Лайфвок корпорейшн» при участии «Совинфильма» и «Аист корпорейшн» (Япония). Премьера состоялась в 1987 г. на советском телевидении, в Японии же мультфильм был выпущен на видеокассетах год спустя.

Но в отличие от японской анимации, которую демонстрировали в советских кинотеатрах или транслировали по советскому телевидению, манга испытывала определённые преграды. С одной стороны, было широко распространено мнение о пагубности и несерьёзности чтения комиксов, с другой – существовали проблемы исключительно технического характера. Как отмечает японовец Юлия Михайлова: «В отличие, например, от рок-музыки, которая достаточно легко попадала к советским слушателям благодаря наличию у населения звукозаписывающих устройств, с мангой дела обстояли иначе. Для воспроизведения изображений хорошего качества требовались фотокопировальные аппараты, но они

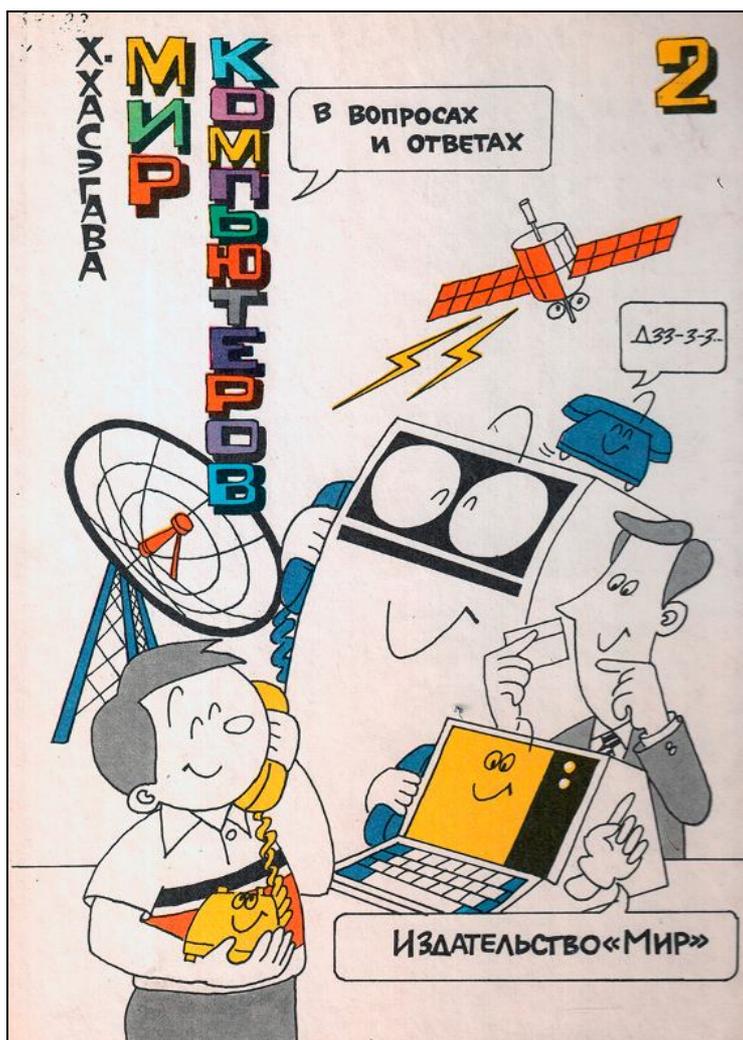
¹ В трилогию вошли мультфильмы под названием «Кот в сапогах» (1969), «Возвращение кота в сапогах» (1972) и «Кругосветное путешествие кота в сапогах» (1976).

находились под контролем государства, и их стали применять некоторые совместные предприятия только в самом конце 1980-х годов» [Михайлова, 2015, с. 152].

Распространение самой манги (и аниме) в Европе и Америке начинается только в середине 1980-х годов, поэтому интерес к этим явлениям современной японской культуры возникает у нас в стране приблизительно в эпоху Перестройки (1986–1991). Уже тогда Япония привлекала к себе внимание, прежде всего, как страна с высокоразвитыми технологиями и вековыми традициями. Так, крупнейшим государственным издательством «Мир», занимавшимся переводами на русский язык иностранной научной литературы и учебных пособий, был выпущен двухтомный справочник в картинках «Мир компьютеров в вопросах и ответах» в 1988 и 1990 г. Это издание представляло собой перевод книги Хасэгава Хисахико «Передача данных в картинках: знакомство с LAN, VAN и INS» (絵ときデータ通信—LAN・VAN・INSへの招待, «Этоки дэта цусин: LAN, VAN, INS э-но сётай»), проиллюстрированной М. Ваки. И хотя это не были привычные нам комиксы-манга, но, тем не менее, многие коллекционеры и поклонники японской поп-культуры отмечают книгу «Мир компьютеров в вопросах и ответах» как первое знакомство с японской манерой рассказа в картинках, представленной в виде образовательного комикса для детей.

Обложка первого тома книги «Мир компьютеров в вопросах и ответах» (1988),
издательство «Мир»

Обложка второго тома книги «Мир компьютеров в вопросах и ответах» (1990),
издательство «Мир»

В целом, конец советской эпохи отмечен возросшим интересом к комиксам, о чём, к примеру, свидетельствует появление в 1988 г. комикс-студии «КОМ» при газете «Вечерняя Москва», начало бурного выпуска отечественных («Муха», «Велес») и переводных журналов комиксов, а также проведение в 1990 г. Первого всесоюзного конкурса комикса при поддержке московского Детского фонда [Ярыгин, 2002, с. 6]. Главным победителем конкурса стал Никита Ярыгин (р. 1967) – в будущем известный художник и иллюстратор. Таким образом, была подготовлена почва и наметились дальнейшие шаги для распространения не только отечественных, но и зарубежных комиксов таких стран, как Америка, Франция и Япония.

Украинский след, или Всё началось с «бога манги»

Задаваясь вопросом, какое произведение мы можем считать самой первой мангой на русском языке, мы обнаружим, что она была издана вовсе не в России, а на территории бывшей советской республики. Так, в 1994 г. в Харькове издательством художественной литературы «Рубикон» была выпущена манга «Блэк Джек. Короткие рассказы», которую на

сегодняшний день можно считать самой первой переводной мангой. Как и в случае со многими комиксами 1990-х годов, она была выпущена большим тиражом десять тысяч экземпляров.

Неудивительно, что украинское издательство решило начать выпуск японских комиксов с произведения Тэдзука Осаму (1928–1989), ещё при жизни получившего титул «бога манги» (マンガの神様, *манга-но камисама*). Именно благодаря Тэдзука Осаму в послевоенные годы манга развилась в огромную индустрию, которая впоследствии смогла конкурировать с американскими комиксами и французскими *банд десине* (*bande dessinée*). Тэдзука Осаму по профессии был врачом и в этой манге он соединил свои медицинские знания с талантом непревзойдённого рассказчика. Персонаж Блэк Джек стал своеобразным альтерэго самого Тэдзука Осаму и снискал огромную любовь читателей. Согласно данным Министерства культуры Японии за 2007 г., манга «Блэк Джек» занимает 7-е место среди лучшей манги всех времён.

Она рассказывает о гениальном хирурге по прозвищу Блэк Джек (наст. имя – Хадзама Куро), который способен творить чудеса и исцелять неизлечимо больных, но при этом работает нелегальным образом, без медицинской лицензии. Сам Блэк Джек в юном возрасте пережил серьёзную операцию. Об этом напоминает кусок искусственной бледной кожи на его лице, а также цвет волос – на одной половине головы волосы чёрные, на другой – светлые. Тем не менее, в своей «незаконной» деятельности Блэк Джек всегда руководствуется высокими моральными принципами. Он не берёт денег с бедняков, всегда поступает по совести и помогает слабым. Его внешний вид несколько старомоден, на что указывают тёмный плащ и рубашка в эдвардианском стиле, да и по натуре он немногословен и предпочитает держаться в стороне. По этой причине в образе Блэка Джека часто видят самого Тэдзука Осаму, который тоже был гением и «одиноким волком», порой смущаясь того, что не получил специального художественного образования (как и Блэк Джек – медицинской лицензии). Именно в манге «Блэк Джек» принцип драматичности, которым так славились произведения Тэдзука, нашёл своё лучшее воплощение, вылившись в увлекательную «больничную драму».

Интересно, что украинское издательство в целях продвижения новой продукции использовало отсылки к культуре американских комиксов, сравнивая в предисловии Тэдзука Осаму с Уолтом Диснеем: «Как Уолт Дисней в Америке, так он [Тэдзука] в Японии, стал одним из первых создателей мультипликационных фильмов и сразу же приобрёл большую известность. Надеемся, что комиксы японского Уолта Диснея доставят вам удовольствие и помогут лучше понять эту далёкую страну» [Тэдзука, 1994, предисловие]. Издательство также поместило на обложку книги надпись «настоящий японский комикс», избегая при этом употребления слова «манга», которое в то время было практически не известно и могло отпугнуть потенциального покупателя. При этом манга имела зеркальную композицию и читалась в европейской раскладке слева направо, а не справа налево, как это принято у японцев. Всего в книге было собрано девять коротких историй.

Изначально манга «Блэк Джек» (ブラック・ジャック, *Буракку Дзякку*) была создана Тэдзука Осаму в 1970-е годы и публиковалась на страницах юношеского журнала «Сёнэн чемпион» с 1973 по 1983 г., параллельно с этим она выпускалась отдельным изданием в формате *танкобон* (книга размером 12,5 на 17,6 см). Манга была настолько популярна, что

переиздавалась много раз. Сначала она выходила в издательстве «Акита сётэн» (журнал «Сёнэн чемпион»), затем эстафету перехватило издательство «Коданся» (серия «Полное собрание сочинений Тэдзука Осаму»), после чего произведение неоднократно выпускалось в различных форматах и новых обложках.

При этом издательства могли по-своему компоновать наполнение томов и выпускать серии, состоящие, например, из 25 или 18 *танкобонов*. Это было связано прежде всего с тем, что каждая глава манги «Блэк Джек» представляла собой законченную историю и не имела привязки к предыдущей или последующей главе. Поэтому истории можно было по-разному группировать (а какие-то и вовсе пропускать), также существовала возможность включать в один том разное количество историй – девять, двенадцать и т.д.

Что же представляет собой первый том «Блэк Джека», изданный на Украине? Ниже представлена таблица, в которой сравнивается содержание манги «Блэк Джек» на русском языке с японскими изданиями.

«Блэк Джек» (1 том), 1994, изд-во «Рубикон»	«Блэк Джек» (1–3 тома), 1974, изд-во «Акита сётэн»	«Блэк Джек: Полное собрание сочинений Тэдзука Осаму» (1–22 тома), 1977–1996, изд-во «Коданся»
Ищите доктора (<i>Ися ва доко да!</i>)	Том 1	Том 19
Миюки и Вен (<i>Миюки то Бэн</i>)	Том 1	Том 15
Анафилаксия (<i>Анафиракиси</i>)	Том 1	Том 22
Сын Кисибоджин (<i>Кисибодзин мусуко</i>)	Том 1	Том 4
Аномальная киста (<i>Кикэй носю</i>)	Том 2	Том 14
Мальчик, умерший 2 раза (<i>Нидо синда сёнэн</i>)	Том 2	Том 2
Спазм (<i>Хосса</i> , в оригинале – «Припадок»)	Том 3	Том 12
Гемофилия (<i>Кэцу га томаранай</i>)	Том 3	–
Болезнь львиной маски (<i>Сиси мэмбё</i>)	Том 3	Том 9

Как видно из вышеприведённой таблицы, наполнение первого тома «Блэк Джека» на русском языке не соответствует какому-либо конкретному тому на японском. Далее мы более детально рассмотрим истории, отобранные харьковским издательством.

Открывает сборник история «Ищите доктора», которая появилась на страницах самого первого выпуска «Блэк Джека» в 1973 г. Здесь показаны те моральные принципы, которыми руководствуется подпольный хирург в своей работе. Богач, который обращается

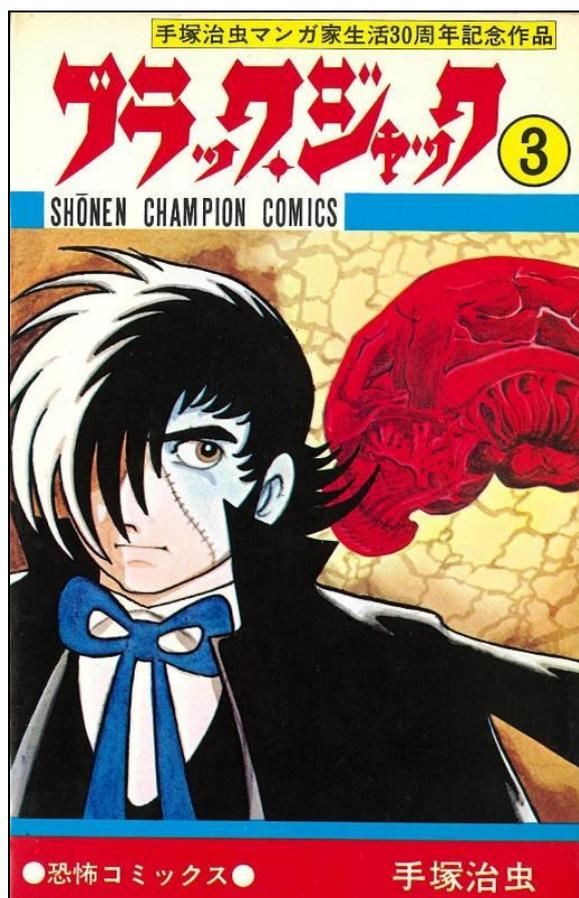
к Блэк Джеку с просьбой спасти жизнь своему сыну, попавшему в аварию, готов пойти на всё – он обвиняет ни в чём не повинного портного, что именно тот стал причиной автокатастрофы. Молодого человека приговаривают к смертной казни, что на самом деле становится предлогом для того, чтобы добыть для пересадки нужные органы. Блэк Джек берётся за дело, запросив немалую сумму за свои услуги. Но вместо того, чтобы спасти сына богача, он делает пластическую операцию бедному портному. Теперь портной как две капли воды похож на попавшего в аварию юношу и возвращается к богатому «папаше». Но вскоре он сбегает вместе со своей матерью в другую страну, используя деньги, которые дал им Блэк Джек. Поступок хирурга продиктован его моральными принципами – он отказывается жертвовать жизнью простого рабочего ради никчёмной жизни богатого повесы.

Далее, начиная с пятой истории под названием «Аномальная киста», следуют главы из второго оригинального тома, выпущенного издательством «Акита сётэн». В истории «Аномальная киста» показано, как у гениального хирурга появилась маленькая девочка-помощница Пиноко. Ещё одна история, «Мальчик, умерший два раза», демонстрирует, что не всегда мастерство врача окупается сполна: того, кого он совсем недавно вернул к жизни, приговаривают к смертной казни как преступника.

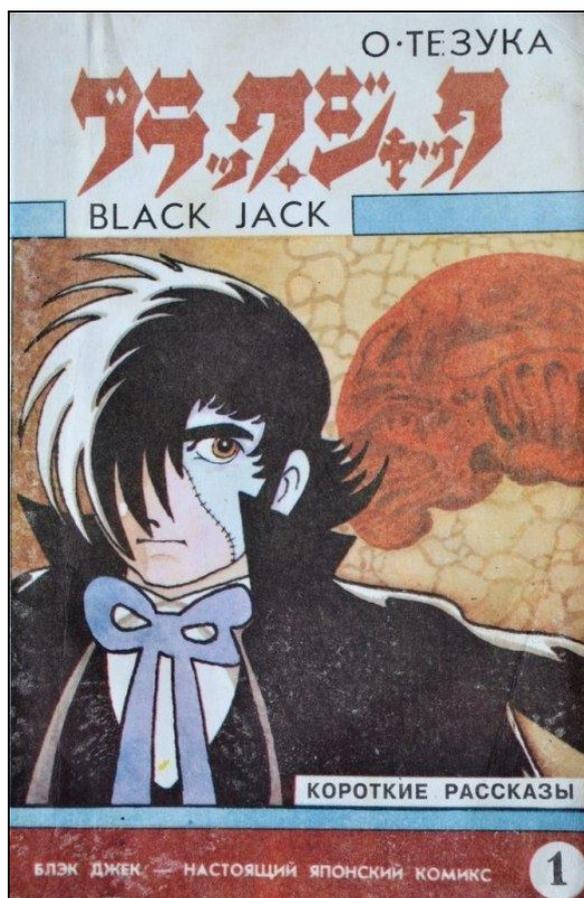
В конце книги следуют истории из третьего тома оригинального японского издания. Завершает первый том «Блэк Джека» на русском языке история «Болезнь львиной маски», в которой затрагивается тема того, почему гениальный хирург работает без лицензии. Несмотря на то, что он вылечил мальчика от страшной болезни, медицинское сообщество отказывается выдавать Блэк Джеку разрешение на профессиональную деятельность, ссылаясь на то, что он угрожает своим пациентам, вымогает у них большие суммы денег и оттачивает свои навыки на людях, как на подопытных кроликах.

Сложно сказать, планировало ли издательство продолжать выпуск «Блэк Джека», но очевидно, что при выборе историй для первого тома оно хорошо было знакомо с содержанием данного произведения Тэдзука, поместив в книгу ключевые истории, раскрывающие характер и моральные принципы Блэк Джека, а также знакомящие с его ближайшим окружением и персонажами-камео (мальчик Атом в «Сын Кисибодзин», старичок Хигэоядзи в «Анафилаксии»). Немалую роль в такой осведомлённости, по всей видимости, сыграл и переводчик Мацуда Ясуси. Имея дело с новым жанром книжной продукции, издательство решило поручить перевод носителю языка.

К тому же, если сравнить оригинальные обложки издательства «Акита сётэн», то можно обнаружить, что для первого тома русскоязычного издания 1994 г. была выбрана обложка третьего тома японского издания «Блэк Джека» 1974 г. Таким образом, украинское издание «Блэк Джека» представляет собой оригинальный набор историй, который не соответствует японским томам, выпущенным в издательствах «Акита сётэн» или «Коданся».

Тэдзука Осаму «Блэк Джек» (3 том), 1974, издательство «Акита сэтэн».

Тэдзука Осаму «Блэк Джек. Короткие рассказы» (1 том), 1994, издательство «Рубикон».

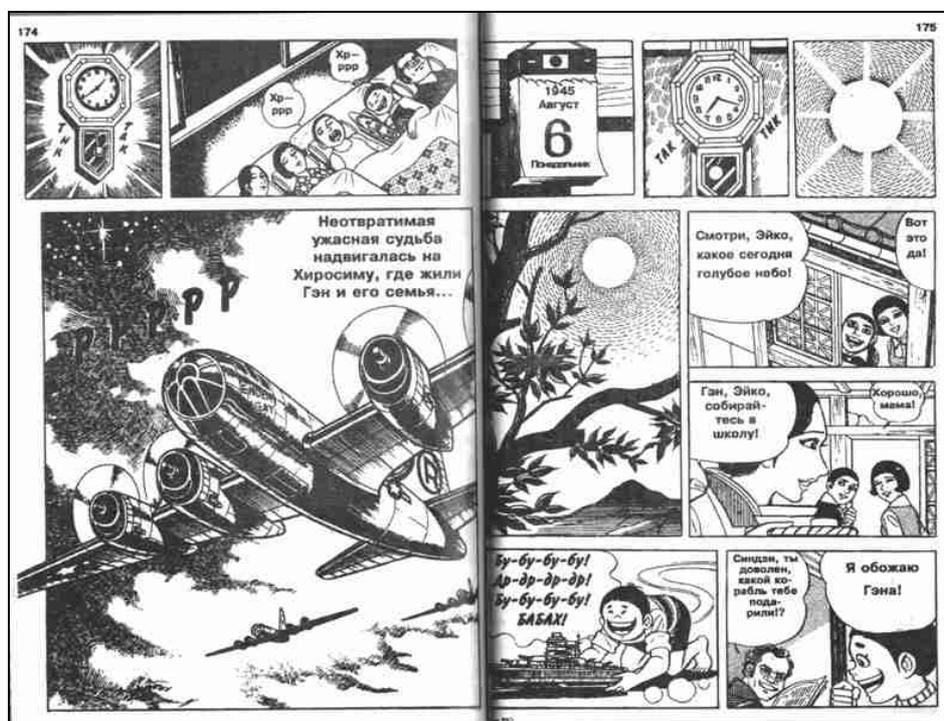
Антивоенная драма как первая попытка продвижения японских комиксов за рубежом

В 1990-е годы был опубликован ещё один культовый японский комикс: в 1995 г. на территории России выходит первый том манги Накадзава Кэйдзи «Босоногий Гэн» (はだしのゲン, *Хадаси-но Гэн*). Выпуск книги был приурочен к 50-й годовщине атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. С этим произведением, в отличие от истории про Блэк Джека, отечественная публика могла познакомиться благодаря одноимённому анимационному фильму, который в 1980-е годы показывали в советских кинотеатрах [Наймушина, 2015, с. 176]. Советские зрители были глубоко тронуты полнометражным мультфильмом про шестилетнего мальчика по имени Гэн и его семью, переживших последствия атомного взрыва в городе Хиросима. Один из зрителей, Александр Рославлев, так описывает свои чувства от увиденного на экране: «Посмотрел “Босоногий Гэн” году в 1986, когда мне было 11 лет. Демонстрировали в доме отдыха на утреннем детском сеансе. Никто не был предупреждён, о чём фильм. Мультик и мультик. Да и название соответствующее. А там дети были и младше меня. Родители их запустили в кинозал и пошли на пляж. Когда вернулись забирать, застали рыдающую и бьющуюся в истерике ребятню. Один мальчик всё повторял, что у собачки глазки вывалились. Остального, похоже, его психика просто не восприняла... То, что я был потрясён, это ничего не сказать».

Но досмотрел, прищуриваясь, до конца. Запомнился контраст между мирной жизнью и начавшимся кошмаром. И могу сказать, что фильм мне понравился, несмотря на испытанный шок. Особенно запало в сердце, что жизнь всё равно возрождается из пепла» [Лесин, 2018, Интернет-ресурс]. Это автобиографическое произведение, вышедшее в Японии в 1973–1974 гг., стало главной антивоенной драмой за всю историю японских комиксов.

Изданием и переводом манги Накадзава Кэйдзи на различные языки мира занималась группа волонтеров «Проект Гэн». Этот проект был создан для того, чтобы как можно большее количество людей смогло узнать о страшных последствиях применения атомного оружия. Очень часто именно с «Босоногого Гэна» начинался выпуск японских комиксов в той или иной зарубежной стране. Так, «Босоногий Гэн» стал первой полноценной японской мангой, переведённой на английский язык и опубликованной в Америке в 1976 г. После этого мангу переводили на немецкий, французский, итальянский, португальский, норвежский, шведский, эсперанто и индонезийский языки.

В России эта манга тоже стала первой, если не принимать в расчёт мангу Тэдзука Осаму, вышедшую на Украине. Согласно информации, содержащейся в первом томе, выпуск манги был начат на деньги японской студентки Танабэ Минако, проживавшей в то время в Москве и ставшей главным представителем русско-японского «Проекта Гэн». Второй том планировалось выпустить на средства, полученные от продажи первого тома, а также на частные пожертвования. Но уже после выхода третьей книги возникли финансовые трудности, в связи с чем выпуск манги было решено продолжить в Японии в городе Канадзава. Под руководством переводчиков Юлии Тачино и Асадзума Намиэ были выпущены оставшиеся семь томов. В итоге с 1995 по 2001 г. были изданы все десять томов манги «Босоногий Гэн».

Накадзава Кэйдзи «Босоногий Гэн» (1 том), 1995, издательство «Япония сегодня», стр. 174–175 (чтение слева направо). В переиздании от «Альт Граф» эти картинки расположены на стр. 245–246, что указывает на отсутствующие страницы в издании 1995 г.

Новость о выходе первых трёх томов манги «Босоногий Гэн» на русском языке была опубликована в 45-м номере журнала «Великий Дракон», который был посвящён видеоиграм и одним из первых стал освещать современную японскую культуру в разделе «Мир Anime» [Великий Дракон, 1999, с. 77]. Книжки были изданы в зеркальной композиции и читались слева направо, в конце шла информация о проекте, и, в частности, давалось объяснение слова «манга». Но само издание оказалось неполным: по неизвестным нам причинам в первом томе не хватает более 80 страниц, причём по одной-две страницы изымалось на протяжении всей истории.

К сожалению, самое первое издание манги в России, которым оказался «Босоногий Гэн», не было сколько-нибудь успешным. Впрочем, уже в 2000-е годы эту историю смогла оценить более многочисленная и подготовленная аудитория. В 2013 г. молодое издательство «Альт Граф» берётся за переиздание манги «Босоногий Гэн». Оно решает выпустить мангу в пяти книгах – т.е. в одной книге публиковалось сразу два тома, а оформление обложек поручает отечественному комиксисту Николаю Писареву. В результате, всего за два года были переизданы все десять томов манги, теперь уже в полном объёме. «Босоногий Гэн» неоднократно лидировал в списках продаж и дважды побеждал в премии «КомиксБума» 2014 и 2015 гг. в номинациях «Лучшая манга».

Первый том манги «Босоногий Гэн» (1995),
издательство «Япония сегодня»

Первый том манги «Босоногий Гэн» (2013),
издательство «Alt Graph» (репринт)

От пиратских изданий к легализации процесса

И хотя первый выпуск манги на постсоветском пространстве не завоевал особой популярности у тогдашних читателей, он, тем не менее, сигнализировал о заинтересованности некоторых издательств или отдельных энтузиастов в продвижении подобного рода культурной продукции.

В конце 1990-х годов значительно растёт количество отечественных поклонников аниме и манги. Об этом можно судить благодаря появлению многочисленных филиалов клуба «Р.Ан.Ма» (Российской ассоциации аниме и манги) в городах по всей России и государствах бывшего СССР. Задачей этого клуба, основанного в Москве в 1996 г., было налаживание связей между поклонниками японской поп-культуры различных возрастов и мест проживания. По аналогии с фанатами аниме и манги в Японии и за рубежом они стали называть себя «*отаку*» (お宅). Как правило, этим словом в японском языке обозначали человека, страстно увлечённого чем-либо, но впоследствии оно закрепилось исключительно за поклонниками манги, аниме и видеоигр.

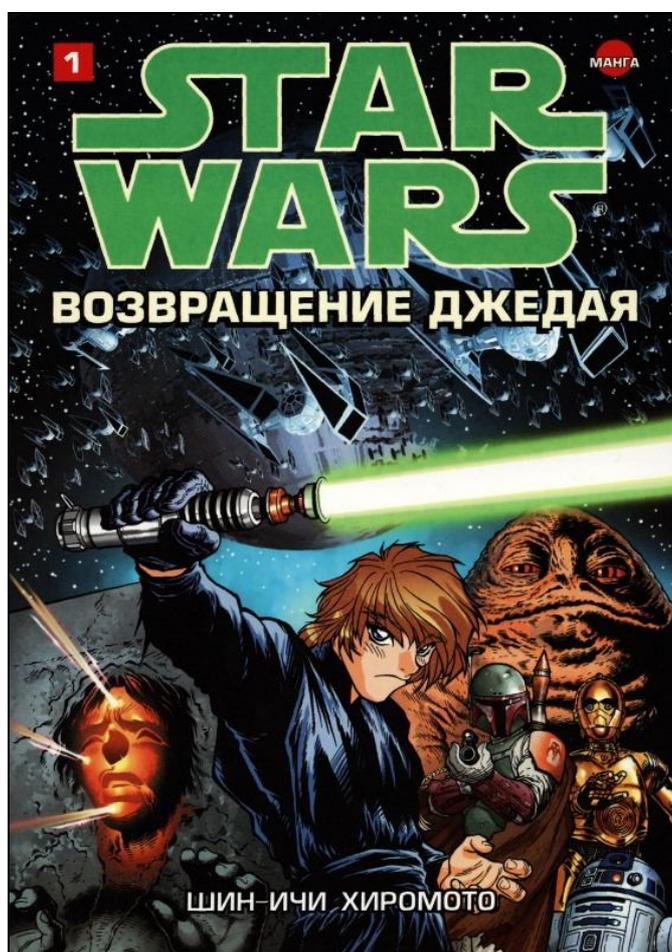
В отличие от официальных издательств, которые старались публиковать значимую ретро-мангу, как, например, «Блэк Джек» или «Босоногий Гэн», *отаку* скорее были заинтересованы в современных популярных японских комиксах. Именно недостаток товаров, который мог бы удовлетворить их культурные потребности, привёл к тому, что отечественные *отаку* стали сами принимать участие в создании такого рода продукции, что привело к появлению пиратских изданий или так называемой пиратки. Как отмечает в своей монографии киновед Борис Иванов: «Параллельно с возникновением *отаку* начал развиваться и подпольный бизнес по обеспечению их желанной продукцией. Появились первые пираты, специализирующиеся как на нелегальных переводах аниме и манги, так и на продаже более состоятельным *отаку* лицензионных зарубежных изданий» [Иванов, 2001, с. 193].

Именно с появлением русскоязычного Интернета на рубеже XX–XXI вв. среди российских *отаку* набирает популярность такое явление, как «сканлейт» (от англ. *scanlate*, состоящего из двух слов – *scan* «скан» и *translate* «перевод»), другими словами – любительские переводы манги, созданные на безвозмездной основе и выкладываемые в свободный доступ в Сети. Это занятие было перенято от американских коллег, которые сначала сканировали томик японской манги, затем чистили сканы на компьютере и вставляли в словесные пузыри переведённый текст. Поэтому очень часто первые отечественные сканлейтеры переводили мангу с английского языка, заимствуя сканы у своих братьев из Америки. Их главной целью был не только перевод, но и выпуск манги в печатном виде. Но желание отечественных сканлейтеров донести до широкого круга читателей японские комиксы шло в разрез с их финансовыми возможностями, поэтому часто выпуск таких книг осуществлялся нелегальным способом.

Так, в 1999 г. компанией NuregionAnime была выпущена первая нелицензионная манга «Тенчи не нужен!»² (天地無用!, *Тэнти муё!*) Окуда Хитоси, отпечатанная в московской типографии № 9. Это произведение было рассчитано, прежде всего, на мужскую аудиторию. В центре сюжета главный герой был окружён целым гаремом привлекательных женских

² В названии издательством использована транскрипция по Хепберну. Причина этого в том, что часто мангу на русский язык переводили с английских сканов.

персонажей. Изначально история появилась как анимационный сериал (1992–1993, 6 серий) в формате OVA (*о-ви-э*), т.е. «аниме для продажи на видеокассетах», что и обеспечило его быстрое распространение за рубежом, а уже после была создана манга (1994–2000, 12 томов). На русском языке был опубликован только первый том манги из семи глав, представляющий собой адаптацию аниме-сериала. И хотя в выходных данных книги указан тираж десять тысяч экземпляров, такое сложно представить для фанатского самиздата. После этой книги начинают появляться и другие пиратские издания манги, среди которых самые известные тайтлы³, такие, как «Берсерк» (Дом мысли, 2001), «Евангелион» (Mangaproject, 2003), «Хеллсинг» (Нева-Грейт, 2005), «Видео-девушка Ай» (NeoManga, 2006) и др. [Магуро, 2015, с. 261–268]. И хотя сейчас на отечественном рынке существует множество качественной лицензированной манги, но «пиратка» как явление культуры *отаку* не изжило себя до сих пор.

Комикс в стиле манга Хиромото Синъити «Звёздные войны. Возвращение джедая» (1 том), 2004, издательство «Прайм-Еврознак»

Таким образом, если самые первые попытки издания японских комиксов на русском в 1990-е годы носили преимущественно легальный характер, то пережив волну пиратского

³ Тайтл (от англ. title – «заголовок») – понятие, объединяющее различные виды продукции: от кинофильма до романа, созданные на основе конкретного произведения, за которым закреплено строго определённое название.

самиздата, манга в XXI в. снова стала издаваться официально. Первым, кто взялся за лицензирование манги в 2000-е годы, стал издательский дом «Прайм-Еврознак», который в начале 2003 г. провозгласил одной из своих стратегических задач создание и продвижение комиксов в России. Первым их проектом в этом направлении стал комикс в стиле манга Хиромото Синъити «Звёздные войны. Возвращение джедая» (スター・ウォーズジェダイの復讐, *Ста водзу джедай-но фукусю*), созданный по мотивам сценария Джорджа Лукаса и Лоуренса Кэздана. В центре этой космической эпопеи – рыцарь-джедай⁴ Люк Скайуокер, принцесса Лея и их подопечные (роботы и представитель одной из космических рас – Чубакка), которые пытаются вызволить из плена своего друга Хана Соло. Все четыре тома манги вышли на русском языке в 2004 г.

Затем в 2005 г. появилось первое официальное издательство манги «Сакура-пресс», во главе которого стояли Сергей Харламов и Михаил Ульянов – люди, увлекающиеся мангой и всеми силами старавшиеся донести её до русского читателя. Свою деятельность они начали с выпуска комедийно-роматической манги Такахаси Румико «Ранма 1/2», что стало неким символическим жестом в сторону клуба «Р.Ан.Ма», который и был назван в честь этого популярного произведения. Поскольку манга в то время была ещё в новинку, «Сакура-пресс» опиралась на американский опыт: «отзеркаливала» мангу и перерисовывала японские звуки на русский язык. Но, к сожалению, из 38-томной истории было издано лишь 15 томов манги «Ранма 1/2». Издательство «Сакура-пресс» явно не рассчитало свои силы, выбрав для публикации такую длинную серию. Впоследствии отечественные издательства манги стали делать выбор в пользу коротких произведений, отличающихся небольшим количеством томов (приблизительно от 1 до 10).

И хотя в дальнейшем «Сакура-пресс» прекратила свою деятельность, именно её появление на российском рынке подало пример для других компаний, задумывающихся о лицензировании манги. Это привело к целому буму возникновения издательств, специализирующихся на выпуске азиатских комиксов – японской манги, корейской *манхвы* и китайской *маньхуа*. В 2006 г. заработало екатеринбургское издательство «Фабрика комиксов», в следующем году за выпуск манги взялся питерский издательский дом «Домино» (ныне «Комикс-Арт») при поддержке крупной компании «Эксмо», а с 2008 г. появились московские «Палма Пресс» и «Истари Комикс». И хотя не все из вышеперечисленных издательств сохранили свои позиции, те, что остались, в условиях конкуренции стремятся повысить качество выпускаемых книг, и сейчас на российском рынке всё чаще появляются коллекционные издания с цветными страницами и прочими бонусами, а также манга в твёрдом переплете.

Заключение

Если говорить о стратегии, которой пользовались издательства в самом начале выпуска манги на русском языке, то для продвижения новой продукции они, прежде всего, ссылались на экранизации японских комиксов или популярные франшизы (как в случае со «Звёздными

⁴ Джедай (англ. Jedi) – по одной из версий создатель «Звёздных войн» Джордж Лукас придумал это слово, отталкиваясь от названия жанра японской исторической драмы «*дзидайгэки*». Также у джедаев есть атрибуты, связывающие их образ с самураями: они носят световые мечи и придерживаются Кодекса из пяти истин, в чём можно усмотреть отсылки к «Книге пяти колец» легендарного воина Миямото Мусаси.

войнами»), которые в то время были более доступны и известны. Даже «бог манги» Тэдзука Осаму упоминается не как автор комиксов, а как создатель японской мультипликации. Впрочем, такой стратегии некоторые отечественные издательства придерживаются до сих пор, выпуская мангу под премьеру анимационного или игрового фильма. К тому же, для продвижения японских комиксов издательства поначалу пытались уйти от экзотики и непонятных терминов. Поэтому в 1990-е годы слово «манга» употреблялось за редким исключением, а книги часто оформлялись традиционным для европейского читателя способом – корешком слева. Ещё одной отличительной чертой являлось то, что подобную книжную продукцию было тяжело сбыть, ведь в 1990-е годы ещё не сформировалась целевая аудитория, которой были бы интересны японские комиксы, а немногочисленное сообщество фанатов, зарождавшееся со второй половины 1990-х годов, имело свои вкусы, направленные на более развлекательные жанры. И, конечно, была очень важна роль японцев (Мацуда Ясуси, Танабэ Минако и др.), по инициативе которых выпускались первые японские комиксы в постсоветский период и которые становились проводниками в неизведанный мир современной японской поп-культуры.

И хотя отношение к комиксам после распада Советского Союза у большей части населения было скептическим, первая манга на постсоветском пространстве отличалась драматизмом и серьёзностью поднимаемых тем. Ни «Босоногий Гэн», ни «Блэк Джек» не были просто смешными или развлекательными историями. И хотя в визуальном плане они были выполнены упрощённо и даже карикатурно, эти рисованные истории несли важное послание, передавали сильные эмоции и сокровенные чувства, заставляли задуматься над последствиями тех или иных действий.

Но основной преградой на пути более широкого распространения манги являлась её сериализация. Будучи, прежде всего, элементом массовой культуры, манга в большинстве своём является многотомным произведением и призвана привлекать читателей на протяжении достаточно долгого времени. Но ни одно отечественное издательство на заре появления манги в России было не в состоянии выпустить выбранную ими серию в полном объёме. Даже заявленный десяти томный «Босоногий Гэн» не смог окупить себя в России, и его выпуск был продолжен в Японии. Что характерно, эта ситуация сохраняется до сих пор, по этой причине многие популярные манга-произведения были заброшены или так и не были изданы на русском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Великий Дракон. – № 45. – 1999.

Волкова А.А. Выпуск манги в России: инструкция к применению // Манга в Японии и России: Субкультура отаку, история и анатомия японского комикса. Москва; Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2015. С. 225–241.

Иванов Б. Введение в японскую анимацию. М.: Фонд развития кинематографии, 2001. 336 с.

Издательство «Мир» // Википедия. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%80_\(%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%80_(%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE)) (дата обращения: 16.09.2017).

Издательство «Рубикон» // Лаборатория фантастики. URL: <http://fantlab.ru/publisher406> (дата обращения: 16.09.2017).

Караулов А. Аниме: на злобу дня. Сканлейтеры // Мир Фантастики. URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art3708.htm> (дата обращения: 16.09.2017).

Каталог фильмов действующего фонда. Выпуск II: Зарубежные художественные фильмы. М.: Инф.-рекл. бюро упр. кинофикации и кинопроката комитета по кинематографии при СМ СССР, 1972. 328 с.

Корабль-призрак // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/korabl-prizrak-1969-79841/> (дата обращения: 16.09.2017).

Лесин А. Мальчик, который выжил // WarSpot. 11.03.2018. URL: <https://warspot.ru/11430-malchik-kotoryu-vyzhil> (дата обращения: 20.04.2018).

Магуро Ю. История манги в России (1988–2014) // Манга в Японии и России: Субкультура отаку, история и анатомия японского комикса. Москва; Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2015. С. 256–294.

Михайлова Ю.Д. Зарождение субкультуры аниме и манги в российском обществе и образ Японии // Манга в Японии и России: Субкультура отаку, история и анатомия японского комикса. Москва; Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2015. С. 149–173.

Наймушина А.Н. История аниме в России // Манга в Японии и России: Субкультура отаку, история и анатомия японского комикса. Москва; Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2015. С. 174–183.

Накадзава К. Босоногий Гэн, том 1. М.: АО Япония сегодня, 1995. 206 с.

Накадзава К. Босоногий Гэн, том 1. М.: Alt Graph, 2013. 528 с.

Окуда Х. Тенчи не нужен! М.: ООО Бумажная галерея, 1999. 190 с.

Прайм-Еврознак: Комиксы. URL: <http://p-evro.spb.ru/books/?fid=14> (дата обращения: 16.09.2017).

Премия КомиксБума 2014. Результаты голосования жюри. Итоги и победители! // ComicsBoom. URL: <http://comicsboom.net/blog/2321-premiya-komiksbuma-2014-rezultaty-golosovaniya-zhyuri-itogi-i-pobediteli.html> (дата обращения: 16.09.2017).

Премия КомиксБума 2015. Итоги и победители! // ComicsBoom. URL: <http://comicsboom.net/blog/3119-premiya-komiksbuma-2015-itogi-i-pobediteli.html> (дата обращения: 16.09.2017).

Тэзука О. Блэк Джек. Короткие рассказы. Харьков: ИМП Рубикон, РИП Оригинал, 1994. 208 с.

Темплин Т. Чтобы играть в Блэк Джек, нужна система // Манга и философия / пер. с англ. С.Титовой. М.: Эксмо, 2011. С. 13–29.

Тэдзука О. Буракку Дзякку 3 [Блэк Джек. Том 3]. Токио: Акита сётэн, 1974. 206 с.

Тэдзука О. Буракку Дзякку: Тэдзука Осаму манга дзэнсю.: 1-18 : [Блэк Джек: Полное собрание сочинений Тэдзука Осаму. Тома 1-18]. Токио: Коданся, 1977–1983.

Тэдзука О. Буракку Дзякку: Тэдзука Осаму манга дзэнсю.: 19-22 : [Блэк Джек: Полное собрание сочинений Тэдзука Осаму. Тома 19-22]. Токио: Коданся, 1995–1996.

Хасэгава Х. Мир компьютеров в вопросах и ответах. Кн. 1 / пер. с яп. Ю.Н. Чернышова. М.: Мир, 1988. 119 с.

Хронология отечественного комикса // Комиксолет (2001). URL: <https://www.comicsnews.org/articles/chronology/xronologiya-otechestvennogo-komiksa> (дата обращения: 16.09.2017).

Ярыгин Н.В. Книжка с картинками: Графический альбом. М.: Натюрморт: ООО «Млесна», 2002. – 224 с.

Black Jack volume list // Ja-f.tezuka. URL: http://web.archive.org/web/20050819182028/http://ja-f.tezuka.co.jp:80/manga/backlist/hu12/hu12_00120.html (дата обращения: 16.09.2017).

Japan Probe Lists Top 50 Manga Series // ComiPress: Manga News and Information (2007). URL: <https://comipress.com/news/2007/06/08/2082.html> (дата обращения: 16.09.2017).

REFERENCES

Black Jack volume list, Ja-f.tezuka, http://web.archive.org/web/20050819182028/http://ja-f.tezuka.co.jp:80/manga/backlist/hu12/hu12_00120.html (accessed: 16 September 2017).

Hasegawa, Hisahiko (1988). *Mir komp'yuterov v voprosah i otvetah. Kniga 1* [The world of Computers in Questions and Answers. Vol. 1], Moscow: Mir, 119 p.

Hronologiya otechestvennogo komiksa [Chronology of Russian Comics], *Komiksolet*, 2001, <https://www.comicsnews.org/articles/chronology/xronologiya-otechestvennogo-komiksa> (accessed: 16 September 2017).

Ivanov, Boris (2001). *Vvedenie v yaponskuyu animaciyu* [Introduction to Japanese Animation]. Moscow: Fond razvitiya kinematografii, 336 p.

Izdatel'stvo «Mir» [Publishing house “Mir”], Wikipedia, [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%80_\(%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%80_(%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE)) (accessed: 16 September 2017).

Izdatel'stvo «Rubikon» [Publishing house “Rubicone”], *Laboratoriya fantastiki*. URL: <http://fantlab.ru/publisher406> (accessed: 16 September 2017).

Japan Probe Lists Top 50 Manga Series, ComiPress: Manga News and Information, 2007, <https://comipress.com/news/2007/06/08/2082.html> (accessed: 16 September 2017).

Karaulov, Aleksey. *Anime: na zlobu dnya. Skanleitery* [Anime: For the Rage of the Day. Scanlaters], *Mir Fantastiki*, URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art3708.htm> (accessed: 16 September 2017).

Katalog fil'mov deistvuyuschego fonda (1972). *Vypusk II: Zarubezhnye hudozhestvennye fil'my* [Catalog of films of the active collection. Vol. 2: Foreign fiction films], Moscow: Inf.-rekl. byuro upr. kinofikacii i kinoprokata komiteta po kinematografii pri SM SSSR, 328 p.

Korabl'-prizrak [“Flying Phantom Ship” anime], *Kinopoisk*, URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/korabl-prizrak-1969-79841/> (accessed: 16 September 2017).

Lesin, Aleksey. (2018). *Mal'chik, kotoryi vyzhil* [The boy who survived], WarSpot, 11.03.2018, URL: <https://warspot.ru/11430-malchik-kotoryy-vyzhil> (accessed: 20 April 2018).

Maguro, Yuki (2015). *Istoriya mangi v Rossii (1988–2014)* [History of Manga in Russia (1988–2014)], in Yu. Magera (ed.), *Manga v Yaponii i Rossii: Subkul'tura otaku, istoriya i anatomiya yaponskogo komiksa* [Manga in Japan and Russia: Otaku Subculture, History and Anatomy of Japanese Comics], Moscow, Yekaterinburg: Comics Factory: 256–294.

Mikhailova, Yulia. (2015). *Zarozhdenie subkul'tury anime i mangi v rossiiskom obshchestve i obraz Yaponii* [Origin of Anime and Manga Subculture in Russian Society and the Image of Japan], in Yu. Magera (ed.), *Manga v Yaponii i Rossii: Subkul'tura otaku, istoriya i anatomiya yaponskogo komiksa* [Manga in Japan and Russia: Otaku Subculture, History and Anatomy of Japanese Comics], Moscow, Yekaterinburg: Comics Factory: 149–173.

Naimushina, Anna. (2015). Istoriya anime v Rossii [History of Japanese Animation in Russia], in Yu. Magera (ed.), *Manga v Yaponii i Rossii: Subkul'tura otaku, istoriya i anatomiya yaponskogo komiksa* [Manga in Japan and Russia: Otaku Subculture, History and Anatomy of Japanese Comics], Moscow, Yekaterinburg: Comics Factory: 174–183.

Nakazawa, Keiji. (1995). Bosonogiy Gen, tom 1 [Barefoot Gen. Vol. 1], Moscow: AO Yaponiya segodnya, 206 p.

Nakazawa, Keiji. (2013). Bosonogiy Gen, tom 1 [Barefoot Gen. Vol. 1 & 2], Moscow: Alt Graph, 528 p.

Okuda, Hitoshi. (1999). Tenchi ne nuzhen! [No Need for Tenchi!], Moscow: OOO Bumazhnaya galereya, 190 p.

Praim-Evroznak: Komiksy [Publishing House “Praim-Evroznak”: Comics], URL: <http://p-evro.spb.ru/books/?fid=14> (accessed: 16 September 2017).

Premiya KomiksBuma 2014. Rezul'taty golosovaniya zhjuri. Itogi i pobediteli! [ComicsBoom Award 2014: The Jury Voting. Results and Winners!], URL: <http://comicsboom.net/blog/2321-premiya-komiksbuma-2014-rezultaty-golosovaniya-zhyuri-itogi-i-pobediteli.html> (accessed: 16 September 2017).

Premiya KomiksBuma 2015. Itogi i pobediteli! [ComicsBoom Award 2015: Results and Winners!], URL: <http://comicsboom.net/blog/3119-premiya-komiksbuma-2015-itogi-i-pobediteli.html> (accessed: 16 September 2017).

Tamplin, Tristan. (2011). Chtoby igrat' v Blek Dzhek, nuzhna sistema [You Need a System to Play Black Jack], in *Manga i filosofiya* [Manga and Philosophy], Moscow: Eksmo: 13–29.

Tezuka, Osamu (1994). Blek Dzhek. Korotkie rasskazy [Black Jack: Short Stories], Har'kov: IMP Rubikon, RIP Original, 208 p.

Tezuka, Osamu. (1974). Black Jack 3. Tokyo: Akita shoten, 206 p.

Tezuka, Osamu. (1977–1983). Black Jack: Tezuka Osamu manga zenshū, Vol. 1–18, Tokyo: Kōdansha.

Tezuka, Osamu. (1995–1996). Black Jack: Tezuka Osamu manga zenshū, Vol. 19–22, Tokyo: Kōdansha.

Velikiy Drakon [Journal “Great Dragon”], # 45, 1999.

Volkova, Aleksandra. (2015). Vypusk mangi v Rossii: instrukciya k primeneniyu [Publishing Japanese Manga in Russia: A Manual], in Yu. Magera (ed.), *Manga v Yaponii i Rossii: Subkul'tura otaku, istoriya i anatomiya yaponskogo komiksa* [Manga in Japan and Russia: Otaku Subculture, History and Anatomy of Japanese Comics], Moscow, Yekaterinburg: Comics Factory: 225–241.

Yarygin, Nikita. (2002). Knizhka s kartinkami: Graficheskiy al'bom [Picture book: Graphic album], Moscow: Natyurmort: OOO «Mlesna», 224 p.

Поступила в редакцию 31.05.2018

Received 31 May 2018

Для цитирования: Магера Ю.А. История появления первых японских комиксов на русском языке // Японские исследования. 2018. №4. С. 6–23. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10025

For citation: Magera Yu.A. (2018). Istoriya poyavleniya pervykh yaponskikh komiksov na russkom yazyke [The history of the first Russian language publications of Japanese comics], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2018, 4: 6–23. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10025

Японские исследования. 2018. № 4. С. 24–43.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 24–43.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10026

Экономическая терминология в японском и китайском языках: сходство и различия

П.В. Кульнева

Аннотация. В статье на примере экономической терминологии проиллюстрированы сферы совпадения, пересечения и лексических расхождений значений терминов в японском и китайском языках. В общественных науках сходство терминологии особенно заметно благодаря широкому использованию слов с китайскими корнями (*канго*) при переводе специальной литературы на японский язык во второй половине XIX – первой половине XX в. Основой для схождения японской и китайской терминологии стала иероглифическая письменность, а способность японцев к усвоению китайской логики словообразования позволила создать целый пласт новой лексики, применимой в обоих языках. В результате многие термины в японской и китайской специальной литературе имеют не только одинаковое написание, но и совпадающие или пересекающиеся сферы употребления. С одной стороны, это позволяет понимать содержание японских и китайских текстов специалистам, владеющим только одним из языков. С другой стороны, кажущееся сходство терминологии создаёт определённые сложности. Во многих случаях специфика принимающей языковой среды при двусторонних заимствованиях привела к неполному совпадению сферы употребления терминов и даже к тому, что слова имеют противоположные коннотации при одинаковом написании. Заметные расхождения в терминологии обусловлены также особенностями экономической среды двух стран, в результате которых возникла лексика, отражающая их уникальные экономические реалии. Распространение в языках (особенно в японском) фонетических заимствований из европейских языков также приводит к расхождениям терминологии и затрудняет японско-китайский лексический обмен, основой для которого всегда были *канго*.

Ключевые слова: «китайский мир», японо-китайские отношения, экономическая терминология, *канго*, *васэй-канго*, лексические различия, эволюция языка.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: kpoline@list.ru

Economic terminology in Japanese and Chinese languages: similarities and differences

P.V. Kulneva

Abstract. The article illustrates lexical similarities and differences in Japanese and Chinese languages using economic terminology as an example. Similarities are particularly obvious in social sciences due to wide use of words with Chinese roots (*kango*) by Japanese authors when translating specialized Western literature during the latter half of the 19th and the beginning of the 20th century. The ability of Japanese translators to master Chinese logic of word formation made it possible to create a large amount of vocabulary that was later incorporated in the Chinese language and is currently used in both languages. As a result, many terms in Japanese and Chinese professional literature not only look similar but have the same meaning and usage. On the one hand, this makes it easier for specialists who know only one of the languages to understand texts in both languages. On the other hand, in many cases subtle differences in usage or even opposite connotations of the terms may lead to misunderstanding and grave mistakes in translation. Most differences that appeared in the process of borrowing terms result from specific features of economic environment in the recipient country. The divergence of terminology also has its roots in different social and economic environments of both countries and in the practice of phonetic borrowing, which is widespread mostly in contemporary Japanese language.

Keywords: Sinosphere, Japan-China relations, economic terminology, *kango*, *wasei-kango*, lexical differences, evolution of language.

Author: Kulneva Polina V., PhD (Economics), Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kpoline@list.ru

Общность иероглифической письменности японского и китайского языков, сходство не только написания, но и значения многих слов с китайскими корнями (в японском языке – *канго*) одновременно и облегчают, и осложняют востоковедам понимание восточных текстов. С одной стороны, владея японским языком, можно примерно понять содержание китайской газеты (как и содержание японской газеты, владея китайским). В первую очередь это справедливо для статей официально-делового стиля или научной направленности, где китаизмов особенно много.

Как известно, своей письменностью и появлением целого пласта новой лексики японский язык обязан именно Китаю. Китайские корни сыграли неоценимую роль в поглощении информационного потока, хлынувшего в Японию после реставрации Мэйдзи. За пореформенные годы (1867–1909) доля *канго* в японско-английских словарях увеличилась в той же мере, в какой она выросла за 800 предшествующих лет со времен «Гэндзи моногатари» [Чэнь Ливэй, 2012, с. 219]. Масштабная работа по переводу западных трудов по экономике, политологии, медицине и другим наукам заметно трансформировала японский язык и привела к «лексической революции» [Маевский, 2005].

Известно также, что большой объем специальной западной литературы переводился на китайский язык именно с японского языка, а не из первоисточников [Каткова, Чудодеев, 2001, с. 92–100, 311]. Это пополнило китайский язык созданными на базе китайских корней собственными японскими сложениями (*васэй-канго*). Хотя оценки их влияния на китайский язык разнятся (от вызвавшего много дискуссий заявления профессора Нанкинского университета Ван Бинбин о том, что 70 % терминов, используемых в современном китайском языке в социальных и гуманитарных науках, пришли из Японии [Ван, 1998, с. 71–72], до практически полного отрицания какого-либо влияния японского языка на китайский «лексическими националистами», считающими лексические нововведения в странах с иероглифической письменностью продуктом китайской культуры), сходство японской и китайской терминологии коренится именно в этом.

Даже если считать, что число заимствований из японского среди китайских словарных единиц невелико, исследователи отмечают высокую продуктивность и большой словообразовательный потенциал *васэй-канго*. К примеру, среди них много китайских морфем, применённых японцами в качестве суффиксов (китайский исследователь Чэнь Шэнбао приводит 23 таких суффикса, среди которых – 化, – 式, – 力 и др.) [Чэнь Шэнбао]. Кроме того, исследования показывают, что большая часть *васэй-канго* относится к терминологии общественных и естественных наук, причём среди них преобладает экономическая лексика [Гу, 2011, с. 7–8]. В этом отношении изучение экономической терминологии является не только актуальным, но и показательным.

При сравнении японских и китайских терминов можно увидеть иногда значительные, а иногда еле заметные лексические различия. Они объясняются разными причинами. Работа по переводу специальной литературы с европейских языков велась параллельно как в Японии, так и в Китае. Иногда появление нового термина было связано с потребностью назвать явление, возникшее в определённой среде или определённых условиях, соответственно для другой среды он был неактуален. Но даже если заимствование слова было оправдано и действительно произошло в ходе перевода литературы или иным способом, процесс его адаптации в новом языке был сложным и мог сопровождаться различными преобразованиями. Иногда слово не вписывалось в язык грамматически, иногда уже существовал более удачный и привычный синоним, иногда слово менялось в процессе употребления на тот вариант, который по тем или иным причинам больше соответствовал логике принимающей языковой среды.

Здесь необходимо отметить, что часто японский перевод иностранного термина был удачным и хорошо ложился на китайскую почву. Со свойственной им способностью к усвоению всего, что заимствуют, японцы мастерски овладели инструментами китайской грамматики и во многих случаях следовали китайской, а не японской грамматической логике. Например, модель словообразования **глагол+дополнение** (投資 / *то:си*, инвестиции; 投機 / *то:ки*, спекуляция; 免稅 / *мэндзэй*, освобождение от налогов и ряд других терминов, относимых к *васэй-канго*) не соответствует принятому порядку слов в японском предложении [Чэнь Шэнбао]. Кроме того, сами сочетания иероглифов, подобранные японскими переводчиками, оказывались порой

удачнее китайских. Так, в обоих языках экономика стала называться появившимся в Японии словом 經濟 (яп.) / 经济 (кит.), которому было отдано предпочтение по сравнению с вариантами, предложенными китайским политическим деятелем Лян Цичао (資生學 / *цзышэнсюэ*, 富國學 / *фугосюэ*, 平准學 / *пинчжуньсюэ*) и китайским писателем и переводчиком Янь Фу (計學 / *цзисюэ*) [Кульнева, 2018].

Тем не менее, по целому ряду причин термины, имеющие одно и то же значение в китайском и японском языках, могут не совпадать по написанию, а термины с одинаковым или похожим написанием – иметь различные сферы употребления. Порой еле заметные различия вводят в ещё большее заблуждение из-за кажущегося сходства терминологии. В этой статье на примере экономической терминологии будут проиллюстрированы сходство и лексические различия японского и китайского языков.

Области совпадения и пересечения

Понимание содержания японских и китайских текстов при условии владения письменностью хотя бы одного из языков становится возможным благодаря существованию слов с похожим или одинаковым написанием (яп. *до:кэйго*, кит. *тунсинцзы*)¹, которые обычно делят на слова с совпадающим или очень близким значением, слова с пересекающимися значениями, но имеющие другой смысл в китайском и/или японском языке, и слова, полностью различающиеся по смыслу и употреблению при одинаковом написании (омографы). Расчёты по различным выборкам показывают, что у примерно 2/3 слов с одинаковым написанием набор значений в двух языках если не совпадает, то, по крайней мере, пересекается [Шэн, 2013; Цзинь, 2017].

Если говорить об экономической терминологии, то в одном из исследований студентка японского университета Хитоцубаси Ниситани Мари проанализировала 300 *канго* из двух иероглифов, которые наиболее часто встречаются в десяти репрезентативных экономических трудах на японском языке, и сравнила их с совпадающими по написанию китайскими словами. Оказалось, что из исследованных *канго* 205 слов совпадают как по написанию, так и по употреблению. У 52 слов сферы употребления пересекаются, при этом у 15 из них есть дополнительные значения в китайском языке, у 17 более широкая сфера употребления в японском языке, а у 20 есть собственные значения и в японском, и в китайском языках. Таким образом, в экономической терминологии *канго* с совпадающими или пересекающимися сферами употребления встречаются даже чаще, чем по более широким выборкам слов (в исследовании М. Ниситани их оказалось 85 %) [Ниситани, 2004, с. 18–20].

¹ В середине XX в. написание иероглифов в КНР, а затем и в некоторых других странах с иероглифической письменностью было упрощено. Тайвань, Макао и Гонконг сохранили традиционное написание. Япония упростила написание некоторых иероглифов в 1946 г. При этом некоторые упрощения совпадали с китайскими, но написание по-прежнему осталось близким к традиционному. Далее, говоря о том, что написание слов совпадает, мы будем иметь в виду, что они записываются одними и теми же иероглифами, будь они упрощёнными или традиционными.

По крайней мере 20 % слов из списка М. Ниситани значатся в китайском словаре заимствованных слов [Ханьюй вайлайцы цыдянь] как имеющие японское происхождение². Среди них можно отметить следующие *васэй-канго*, часто употребляющиеся в китайской экономической литературе и имеющие ту же сферу употребления, что и в японском:

- предприятие (яп. – 企業 / *кигэ*:, кит. – 企业 / *цие*);
- экономика (яп. – 經濟 / *кэйдзай*, кит. – 经济 / *цзинцзи*);
- производство (яп. – 生産 / *сэйсан*, кит. – 生产 / *шэнчань*);
- рынок (яп. – 市場 / *сидзэ*:, кит. – 市场 / *шичан*);
- инвестиции (яп. – 投資 / *то:си*, кит. – 投资 / *тоуцзы*);
- капитал (яп. – 資本 / *сихон*, кит. – 资本 / *цзыбэнь*);
- труд (яп. – 労働 / *ро:до*:, кит. – 劳动 / *лаодун*);
- потребление (яп. – 消費 / *сэ:хи*, кит. – 消费 / *сяофэй*);
- финансы (яп. – 金融 / *кинъю*:, кит. – 金融 / *цзиньжун*);
- банк (яп. – 銀行 / *гинко*:, кит. – 银行 / *иньхан*);
- ценные бумаги (яп. – 証券 / *сэ:кэн*, кит. – 证券 / *чжэнцюань*);
- промышленность (яп. – 工業 / *ко:гэ*:, кит. – 工业 / *гунъе*);
- объявление / реклама (яп. – 広告 / *ко:коку*, кит. – 广告 / *гуангао*);
- распределение (яп. – 分配 / *бумпай*, кит. – 分配 / *фэньпэй*);
- бюджет (яп. – 予算 / *ёсан*, кит. – 预算 / *юйсуань*);
- деньги в обращении / валюта (яп. – 通貨 / *цу:ка*, кит. – 通货 / *тунхо*);
- статистика (яп. – 統計 / *то:кэй*, кит. – 统计 / *тунцзи*);
- право на востребование долга (яп. – 債権 / *сайкэн*, кит. – 债权 / *чжайцюань*).

Эти и многие другие слова, вероятно, были заимствованы в конце XIX – первой половине XX века, когда Япония опередила Китай в модернизации политической, экономической и социальной сфер по западному образцу, что также означало превращение Японии в лидера и в лингвистической сфере (особенно заметно это стало после поражения Китая в китайско-японской войне 1904–1905 гг.). В этот период Япония стала поставщиком новой актуальной лексики, которая прижилась в китайском языке, не имевшем тогда других подходящих аналогов.

Как было отмечено выше, употребление нескольких десятков слов из списка совпадает в японском и китайском языках только частично. Однако существующие различия касаются в основном сочетаемости, оттенков смысла, позиции слова в предложении. В большинстве случаев знание этих нюансов влияет лишь на грамотность, а для пассивного понимания текста

² Для некоторых слов в словаре приводятся цитаты из древнекитайских источников, подтверждающие китайское происхождение слова, что означает, что японцы лишь наделили уже существующее слово новым смыслом. «Лексические националисты» нередко подчёркивают, что даже слово «экономика» – 經濟 (яп. *кэйдзай*, кит. *цзинцзи*), точнее данное сочетание иероглифов, используется в письменных источниках династий Цзинь («История династии Цзинь», 648 г. н.э.), Суй, Тан и Мин, то есть начинает встречаться более чем за тысячелетие до появления японского термина.

достаточно знакомства с лексикой и морфемами, тем более что часто они являются синонимичными, например: 分業 (яп.) / 分工 (кит.), 当事者 (яп.) / 当事人 (кит.), 国際労働機関 (яп.) / 国际劳工组织 (кит.).

Если взять ещё более современные примеры заимствований из японского языка, то можно заметить сходство структуры в сложных словах, например: 不良債権 (яп.) / 不良贷款 (кит.) и バブル経済 (яп.) / 泡沫经济 (кит.). Здесь о смысле различающихся частей также помогают догадаться синонимичные составляющие: «пена» в термине «экономика мыльного пузыря», которая записывается сейчас по-японски *гайрайго* バブル, раньше называлась в письменном японском китайским словом 泡沫; в термине «плохие долги» иероглиф 貸 так же связан с понятием долга, как 債権, причём и в японском, и в китайском языке (иероглиф 款 в японском языке практически не используется и японцу ни о чём не говорит, но наличие морфемы 貸 позволяет провести параллель).

По некоторым оценкам, для 30–40 % *канго* части речи, которыми они могут быть в японском и китайском языках, не совпадают [Сюн, Тамаока, 2014, с. 25]. Например, слово может быть существительным в японском языке, а в китайском – глаголом, прилагательным в японском языке, а в китайском – наречием и т.п. Некоторые лексические различия, вероятно, обусловлены грамматическими рамками. Например, «узнаваемость» торговой марки (яп. – ブランド認識, кит. – 品牌知名度) не могла бы называться по-китайски словом 认识 / *жэньши* («узнавать»), так как в китайском языке это слово чаще является глаголом (чтобы образовать соответствующее существительное необходимо добавить суффикс -度). Производительность называется по-китайски 生产率, а не 生産性, как по-японски, поскольку суффикс -性 в китайском языке скорее означает качество или свойство, и слово 生産性 занимает в китайском предложении позицию определения (напр., 生産性就业 – продуктивная занятость, 生産性支付 – операционные затраты) [Большой китайско-русский словарь].

Совпадающие по написанию термины могут иметь в одном из языков более широкую сферу употребления. Но даже если она отличается, о смысле часто помогает догадаться семантическое сходство. Например, японский глагол «исследовать» 研究する / *кэнкю: суру* (по-китайски 研究 / *яньцзю*) также используется в китайском языке в значениях 検討する / *кэнто: суру* (изучать, рассматривать) и 考慮する / *ко:рё суру* (обдумывать, принимать в расчёт)³.

Можно также привести примеры слов с более широкой сферой употребления в японском языке. Так, 成長 / *сэйтё:* по-японски может обозначать и экономический рост, и рост/развитие человека или растений. В китайском языке слово 成长 / *чэнчжан* уместно, когда речь идёт о человеке или растениях, но для обозначения экономического роста используются слова 增长 / *цзэнчжан* или 发展 / *фачжэнь*. Слово 採用 / *сайё:* может быть использовано в японском языке в значениях приёма на службу, зачисления в университет или применения чего-либо,

³ Дальнейший анализ в этой части статьи сделан на основе примеров из [Ниситани].

в китайском же языке 采用 / *цайюн* обозначает «применение», а в первых двух случаях используются слова 任用 / *жэньюн* и 录取 / *луцзюй*.

Интересны также случаи, когда при частичном пересечении сфер употребления собственные значения у совпадающих по написанию слов есть и в японском, и в китайском языке. Например, 輸入 / *юню*: (кит. 輸入 / *шужу*) состоит из морфем 輸 / 输 – «перевозить, транспортировать» и 入 – «входить, проникать (внутри)», которые подразумевают похожий характер и одну и ту же направленность действия. «Импорт» капитала действительно называется 輸入 / 输入 в обоих языках. Однако «импорт» товаров по-японски 輸入, а по-китайски 进口 / *цзинькоу* – что выглядит более буквальным переводом слова im-port (进 «заходить» + 口 от слова «порт» 港口). В японском же языке слово 进口 не встречается. В то же время в китайском языке у слова 输入 есть значение, не встречающееся в японском: ввод текста в компьютере (по-японски «ввод» текста называется практически не употребляющимся в китайском языке словом 入力).

Наконец, существует группа слов, обладающих только внешним сходством, но в современном языке не пересекающихся по смыслу. К ним можно отнести пары слов 組合 (яп.) / 组合 (кит.), 販売 / 贩卖 и 差別 / 差别.

В начале XX в. профсоюзы назывались по-китайски так же, как по-японски: 労働組合. До 1925 г. в Китае существовал Секретариат профсоюзов Китая (中国劳动组合书记部). Однако с тех пор, как он был переименован в 中华全国总工会, профсоюзы стали называться 工会 / *гунхуэй* [Энциклопедия Байду], а у 组合 / *цзухэ* сохранились только глагольные значения «объединять, комбинировать; объединение».

Ссылаясь на китайского исследователя Гао Вэйцзяня, М. Ниситани отмечает, что наиболее сложными и важными для изучения являются случаи, когда слова имеют разные коннотации в японском и китайском языках [Ниситани, 2004, с. 17], как, например, в парах 販売 / 贩卖 и 差別 / 差别. 販売 / *хамбай* в японском языке означает в общем смысле «сбыт» или «продажу» чего-либо, в то время как в китайском языке 贩卖 / *фаньмай* подразумевает продажу через нелегальные каналы сбыта и может употребляться применительно к торговле людьми, наркотиками и т. п. Слово 差別 / *сабэцу*, наоборот, имеет негативную коннотацию в японском языке («дискриминация»), а в китайском является нейтральным (差別 / *чабе* – «разница, отличие»). В этих примерах сходство слов является только внешним, и непонимание нюансов употребления может привести к критической ошибке.

Особые пути возникновения терминологии

Многочисленные совпадения и пересечения возникли в японском и китайском языках в процессе длительного взаимодействия, начавшегося после того, как в японский язык проникла иероглифическая письменность. На протяжении почти двух тысячелетий страны то сближались, то отдалялись друг от друга, но наиболее заметно результаты их взаимодействия стали проявляться на волне глобализации. В условиях активного самостоятельного поиска новой

лексики в каждой из стран именно глобализация создала благоприятные условия для обмена и заимствования ими друг у друга соответствующего опыта.

Однако даже будучи вовлеченными в процесс глобализации, Япония и Китай сохраняли свою самобытность и продолжали идти по собственному пути развития, определявшему расхождения в используемых *канго* и другую специфику. Особого внимания в этом отношении заслуживает вторая половина XX в., когда в материковом Китае в связи с выбором новым руководством социалистического пути развития появился большой массив новых слов, актуальных для китайской социально-экономической среды.

С японской стороны отдалению от китайского языка во второй половине XX в. в наибольшей степени способствовало изменение модели заимствования иностранных слов (а именно – всё более широкое использование азбуки *катакана*), которое началось ещё на рубеже XIX и XX в. и ускорилось после Второй мировой войны в результате поворота страны в сторону американских ценностей. Здесь глобализация, которая способствовала сближению японской и китайской терминологии, проявила себя с другой стороны и привела к её расхождению. В то же время как и в Китае, в Японии существуют примеры терминов, возникших как отражение своих, уникальных экономических реалий.

Рассмотрим подробнее эти явления, чтобы понять, как соотносится японская и китайская экономическая терминология во второй половине XX в., когда глобализация возобновилась в ускоренном темпе.

Экономическая терминология как отражение социально-экономических реалий. Социально-экономические реалии, несомненно, являются причиной многочисленных расхождений в лексике даже между странами, народы которых говорят на одном языке. Трансформация языка, происходившая в Китае во второй половине XX в., была связана с кардинальным изменением политической, экономической и культурной жизни страны после прихода к власти Мао Цзэдуна. Огромное влияние на язык оказало наличие идеологии и обилие присущих ей лозунгов и штампов.

До 1978 г., за 30 лет, предшествующих политике «реформ и открытости», в китайской экономике появилось много новых категорий, связанных с планированием, коллективизацией, индустриализацией, но экономика существовала в жёстких рамках государственной собственности, и можно считать, что в этот период более динамично развивалась политическая сфера, происходило ускоренное обогащение политической терминологии. После объявления Дэн Сяопина о начале политики «реформ и открытости» приоритеты сместились в сторону экономических преобразований, частичной либерализации, модернизации и более активного взаимодействия с внешним миром, что способствовало обогащению китайского языка соответствующей экономической терминологией [Тянь].

Одновременно после достаточно продолжительного периода отсутствия контактов (по причине интервенции и агрессии Японии в Китае в 1930-е – 1940-е годы) возобновилось взаимодействие Японии с Китайской Народной Республикой (КНР) в политической, экономической и культурной сферах. Япония, переживающая в 1970-е – 1980-е годы экономический бум, вновь послужила для своего соседа поставщиком актуальной экономической лексики, пополнив его словарь, по крайней мере, сотней новых *васэй-канго*

(среди них – 市场经济 / рыночная экономика, 不景气 / плохая конъюнктура, 保护主义 / протекционизм, 内需 / внутренний спрос, 新登场⁴ / предложение нового товара и др.) [Цзян, 2014].

В то же время в результате возобновившихся контактов Китая и Японии произошло столкновение терминологии, связанное с различиями социально-экономических реалий. Наличие иероглифов во многом упрощает задачу письменного перевода с одного языка на другой и часто позволяет оставить написание слова как есть с минимальными изменениями. Но когда понятия универсальны, даже разные по написанию слова с синонимичными морфемами позволяют догадаться о смысле. Однако этого нельзя сказать о словах, описывающих совершенно незнакомое читателю явление. По этой причине в японском тексте китайские термины, относящиеся исключительно к китайской действительности, даются в кавычках или с пояснениями. Например:

農業の近代化、農村の発展、農民の豊かさ向上といういわゆる「三農」を推進するために同協同組合が主導的な役割を担う。[Нихон кэйдзай симбун. 03.04.2015].

Данный кооператив играет ведущую роль в модернизации сельского хозяйства, развитии деревни, повышении благосостояния крестьян, то есть в продвижении так называемой [политики] «саньнун».

21世紀に入り、中国は「走出去」（海外進出）の戦略の下で、国内企業の海外投資を積極的に押し進めてきた。[Санкэй бизнес. 22.09.2017].

С наступлением 21-го века Китай активно стимулирует зарубежные инвестиции национальных предприятий в рамках стратегии «цзоучуцой» (выхода за рубеж).

習氏は共産党創設100周年（21年）の前年までに「小康社会」（ややゆとりのある社会）を全面完成する目標を掲げる。[Майнити симбун. 06.03.2018].

Господин Си поставил своей целью всестороннее построение «общества сяокан» (среднезажиточного общества) к столетней годовщине основания Коммунистической партии (к 21-му году).

То же самое относится к терминам, описывающим явления, специфические для Японии, в китайских источниках:

日本企业的“加班文化”世界闻名，上班族“过劳死”已不是新闻。[Агентство Синьхуа. 11.07.2017.]

Японская культура «переработки» известна во всём мире, и «смерть от переутомления» офисных сотрудников уже не является новостью.

⁴ Даны китайские написания иероглифов.

今后，日本劳动力市场的改革重点是打破“年功序列”和“终身雇用”，让企业可以根据经营实际需要确定岗位和员工报酬。[Жэньминьван. 19.01.2017].

В дальнейшем ключевым направлением реформы японского рынка труда будет избавление от [системы] «продвижения по старшинству» и [системы] «пожизненного найма», чтобы дать возможность предприятиям определять должность и вознаграждение сотрудника в соответствии с фактическими потребностями.

Многие слова и словосочетания со временем становятся привычными для читателей и начинают приводиться без кавычек в специализированной литературе или газетных статьях, где по контексту понятно, что речь идет о Японии/Китае. Этот контекст задают сами слова, своим похожим, но необычным написанием, подсказывающие, что текст связан с соседней страной. Иероглифы часто помогают интуитивно догадаться о смысле, и пояснение не является необходимым.

Более того, некоторые категории становятся актуальны в принимающей среде и начинают употребляться в связи с местными реалиями. Так, с распространением офисной культуры и рыночных ценностей, ростом конкуренции и сопутствующего ей давления в крупных городах Китая «смерть от переутомления» сотрудников офисов и других учреждений с фиксированным графиком работы стала заметным явлением и в этой стране. В китайских СМИ, например, можно встретить такой заголовок:

安徽六安 31 岁医生**过劳死** 当地卫计委发文向其学习 [Чжунго синьвэнь ван. 06.02.2018].
31-летний врач умер от переутомления в городе Луань провинции Аньхой. Местное отделение Государственного комитета по делам здравоохранения и планового деторождения КНР призывает брать пример с его трудолюбия.

Японское слово в этой статье приводится без кавычек в не связанном с Японией идеологическом нравоучительном контексте, то есть совершенно оторвано от японских реалий.

Если говорить об обратном процессе, то есть применении китайской терминологии к японской действительности, то можно привести такую цитату из японской статьи:

1998 年以降、沖縄に**経済特区**の設立が集中し、「特別自由貿易地域」をはじめとした金融や情報通信産業の特区が設置された。[Даймонд онлайн. 27.09.2013].

После 1998 г. строительство особых экономических зон сосредоточилось на Окинаве, где создавались особые зоны для [компаний] финансовой и информационно-коммуникационной отраслей, в первую очередь, в форме «свободных торговых зон».

Понятие «особой экономической зоны» (ОЭЗ) пришло в японский язык из китайского (经济特区 / *цзинцзи тэцюй*). Аббревиатура «特区» словосочетания 特別区域 / *токубэцу куики* (особая территория) раньше в японском языке не использовалась. Опыт КНР по созданию ОЭЗ в южных и восточных провинциях в 1980-е – 1990-е годы заинтересовал многие страны мира, в

том числе Японию. В приведённой выше статье об ОЭЗ словосочетание 經濟特区 упоминается в связи с китайской политикой «реформ и открытости», но применительно к японской префектуре Окинава, без кавычек и пояснения.

Данные примеры являются скорее исключением, чем правилом, поскольку лексика, отражающая социально-экономические реалии страны, по определению специфична для конкретной среды. Её заимствование связано с переносом культурных ценностей, образа мышления, моделей поведения. Даже если такое слово и становится частью другого языка, оно либо несёт в себе ассоциации со страной происхождения, либо употребляется уже в другом культурном контексте, который искажает его смысл.

В случае Японии и Китая языковая среда каждой из этих стран, с одной стороны, восприимчива к новой лексике благодаря иероглифике, а с другой стороны, сопротивляется и сохраняет следы окружающей действительности. Это заметно даже на примере территорий, значительно более близких друг к другу с точки зрения письменности, таких, как материковый Китай и Гонконг / Макао / Тайвань.

После возвращения Гонконга в состав КНР в качестве особого административного района в 1998 г. в материковый Китай проник большой объём лексики, связанной с трудовыми отношениями, корпоративным управлением, валютно-кредитными и финансовыми отношениями (в частности, с фондовым рынком). Сравнительно недавно заметную роль в качестве канала заимствования лексики стал играть и Тайвань. Либерализация отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, имевшая место в период правления президента Ма Инцзю на Тайване (2008–2016), способствовала укреплению сотрудничества тайваньского и китайского бизнеса и привела к росту туристических потоков. Это особенно интересно, если иметь в виду продолжительное присутствие Японии на острове и влияние японского языка на язык его жителей. Такие японские слова, как 弁当 / *бэнто*: (кит. 便當 / *бяньдан*) или 宅急便 / *таккю:бин* (кит. 宅急便 / *чжайцзибянь*)⁵, попали в КНР из Тайваня и уже не являются для жителей крупных городов чем-то незнакомым. Вместе с популярными телепередачами, песнями и книгами в Китай попадает современная молодёжная лексика.

Таким образом, вслед за укреплением политических и экономических связей, активизацией социального и культурного обмена, происходит сближение языков. Вместе с тем язык материкового Китая сохраняет ярко выраженную специфику, связанную с прошлыми и отчасти современными социально-экономическими реалиями. Например, бизнес-класс называется на Тайване 商务舱 / *шанъуцан*, а в материковом Китае – 公务舱 / *гунъуцан*. Хотя функционально бизнес-класс как в Китае, так и на Тайване, предназначен для платёжеспособных пассажиров, предпочитающих комфорт, разные иероглифы в начале этих слов говорят о предназначении бизнес-класса на Тайване для предпринимателей (商), а в материковом Китае – для высокопоставленных служащих госпредприятий (公). В Китае тоже всё чаще используется

⁵ 宅急便/*таккю:бин* – японская курьерская служба доставки, бренд и название которой с разрешения японской компании используется тайваньской службой. В Китае существует аналогичная служба доставки 宅急送 / *чжайцзисун*, название для которой её основатель выбрал, когда находился на стажировке в Японии.

слово 商务舱, что отражает изменение менталитета, но крупные авиакомпании по-прежнему называют бизнес-класс 公务舱. Похожие нюансы можно заметить и в китайском слове «офис» 写字楼 / *сецзылоу*, если сравнить его с тайваньским словом 办公楼 / *баньгунлоу*. В китайском названии подчёркнут канцелярский характер работы, свойственный опять же государственным предприятиям [Цун цыхуэй кань].

Сложившиеся в социально-экономической среде стереотипы, уже существующие слова и понятия могут мешать заимствованию лексики. Например, используемое в Гонконге и Макао для обозначения банковского счёта слово 戶口 совпадает по написанию с китайским словом «прописка», поэтому вряд ли банковский счёт в материковом Китае мог бы называться иначе, чем 银行账户. По той же причине в китайском языке вряд ли приживётся японское слово 社員 / *сяин* (сотрудник компании), поскольку вызывает ассоциации с «членом народной коммуны» (社员 / *шэюань*).

Альтернативные способы заимствований. Определяющим фактором сходства японской и китайской терминологии, безусловно, всегда были *канго*. Однако на рубеже XIX–XX вв. в японской модели заимствования иностранных слов произошли существенные изменения. Вместо *канго* в качестве «строительного материала» для новой терминологии стала всё шире использоваться *катакана*.

Европейские слова, проникавшие в Японию, записывались *катаканой* ещё в Средние века (наряду с *катаканой* для этих целей использовались также *хирагана* и *атэдзи* – иероглифы, подобранные для записи слов по фонетическому принципу). Функция *катаканы* как азбуки, предназначенной для записи *гайрайго* (слов иностранного происхождения, за исключением китайских), утвердилась только в конце XIX – начале XX в., а за время Тайсё (1912–1926) и Сёва (1926–1989) её использование в этой роли стало устойчивой практикой [Гайрайго-но хё:ки].

Распространение *катаканы* связано с простотой её использования для фонетического перевода по сравнению с подбором иероглифов по смыслу при составлении *васэй-канго*. Её использование также проще, чем перевод с помощью *атэдзи*, который требует запоминания большого числа *он-ных* чтений иероглифов. На определённом этапе, когда поток новой информации из стран Запада стал ещё более интенсивным, чем раньше, *канго* перестали с ним справляться, и их функцию взяла на себя сравнительно простая в использовании *катакана*. *Катакана* хорошо подходит для фонетической записи английских слов, большое число которых попало в японский язык из США после Второй мировой войны.

С ускорением ритма жизни фонетический перевод всё чаще можно увидеть не только в японском, но и в других языках. Однако в японском языке эта тенденция усиливается тем, что среди *канго* много омонимов [Корчагина, 2005, с. 57]. *Канго* визуальны информативны, но могут тяжело восприниматься на слух. Именно поэтому *гайрайго* чаще заменяют *канго* в устной речи. Но их проникновение в письменный язык также достаточно заметно.

Гайрайго особенно много в экономической лексике: по оценкам лингвистов, к концу XX в. они составили 53 % в терминологии менеджмента, 75 % в терминологии маркетинга и 80 % в торговой терминологии [Алпатов, 2008, с. 93]. Многие термины впервые попали в Японию

вместе с американским опытом ведения бизнеса, американскими ценностями и моделью потребления (к примеру, всё, что касается прижившихся в Японии американских праздников, американских продуктов и моды, а также понятия, связанные с маркетингом, сервисом, консалтингом, часто записываются *катаканой*). Некоторые *гайрайго* практически вытеснили *канго*, употреблявшиеся ранее (например, инфляцию в современном японском языке редко называют 通貨膨張, как в Китае). Многие *гайрайго* и *канго* из экономической сферы сосуществуют, отражая произошедшую и продолжающуюся до сих пор смену модели заимствования иностранных слов: キャピタル・マーケット / 資本市場 (рынок капитала), マネーサプライ / 通貨供給量, 通貨残高 (денежная масса), ビジネスサイクル / 景気循環, 景気変動 (деловой цикл) и др.

При наличии альтернатив выбор подходящего слова определяется типом речи (устная/ письменная), стилем, смысловыми нюансами, грамматической и лексической сочетаемостью. С точки зрения смысла и стиля можно отметить, например, что написание слова *катаканой* повышает его престиж. Как отмечает В.М. Алпатов, заимствованное из английского языка слово ローン (ро:н, заём) звучит более современно и не вызывает негативных ассоциаций в отличие от *канго* 借金 (сяккин), также означающего «заём»; «новых богатых» называют ニューリッチ (ню: ритти), а «новых бедных» – ニュー貧乏 (ню: бимбо:), используя *канго* только во втором случае [Алпатов, 2008, с. 93–94] и т.п. *Катакана* может также быть средством привлечения внимания или подчёркивать принадлежность понятия или явления к западной среде.

Таким образом, в современном японском языке *гайрайго* и *канго* в чём-то поделили между собой сферы влияния, а в чём-то сферы их употребления пересекаются. Насколько сильно *гайрайго* в конечном итоге завладеют японским языком, покажет время, однако их чрезмерное употребление вызывает много дискуссий и сопротивление. В начале 2000-х годов Национальным институтом японского языка и лингвистики был предложен проект по замене почти двух сотен *гайрайго* (по крайней мере, половина из них может быть отнесена к социально-экономической терминологии) на *канго*. Например, слово グローバリゼーション (глобализация) предлагалось заменять на 地球規模化, 地球一体化 или 全球化; слово マーケティング (маркетинг) на 市場戦略, 市場活動, 市場調査 или 市場分析; ダンピング (дэмпинг) – на 不当販売; デリバリー (доставка) – на 配達, 宅配 или 配送 и т.д. [Гайрайго иикаэ тэйан].

С одной стороны, это ещё раз подтверждает, что *канго* обладают большими возможностями для перевода и могут успешно заменить многие *гайрайго*. Появление такого проекта также говорит о большей близости для Японии «китайского мира» с его иероглифической письменностью по сравнению с западным, несмотря на активное поглощение японской культурой американских и европейских ценностей.

С другой стороны, судя по количеству предлагаемых вариантов замены, для многих *гайрайго* не существует единственного достаточно ёмкого по смыслу *канго*, способного заменить его во всех контекстах. Если взять, например, слово «депозит» (デポジット), то в качестве альтернативы для него предлагается целый ряд длинных и менее удобных

в употреблении слов смешанного типа: 預かり金, 預かり金払い戻し, 預かり金制度, 預かり金払い戻し制度, 瓶代預かり, 容器代預かり. Поэтому использование *гайрайго* в тех нишах, где их невозможно или сложно заменить, видимо, неизбежно.

Гайрайго являются большой сферой несовпадения японской и китайской терминологии и осложняют китайцам понимание японского языка. В японско-китайском словаре соответствий *гайрайго* и китайских слов содержится 6500 словарных статей, включая общепринятые написания имён людей, географических названий и названий предприятий [Нихонго кара хикэру].

Проблема усугубляется тем, что при заимствовании с использованием *катаканы* слово не только искажается с учётом японской фонетики, но и зачастую меняется до неузнаваемости в результате применяемых сокращений и перестановок. Этот процесс чем-то похож на свободное обращение японцев с китайскими иероглифами, в результате которого появилось множество *васэй-канго*. Из наиболее известных *васэй-гайрайго* (японские сложения из заимствованных иностранных слов) на основе английского языка можно назвать, например, サラリーマン / *сарари:ман* (офисный сотрудник) и パソコン / *пасокон* (персональный компьютер).

Особенности китайской письменности, а именно – отсутствие альтернативы иероглифам (предпринятые в начале XIX века попытки замены иероглифов алфавитным письмом не увенчались успехом), делают модель чисто фонетического заимствования иностранных слов в китайском языке практически невозможной. Поскольку, помимо фонетической, любой иероглиф содержит смысловую составляющую, подбор иероглифов даже для фонетического заимствования требует поиска символов с близким или хотя бы нейтральным значением. Большинство заимствований из иностранных языков, за исключением японского, представляют собой различные комбинации смысловой и фонетической составляющей, из которых наибольшую сложность для тех, кто не знаком с китайскими чтениями иероглифов, представляет, конечно, фонетическая (звучание *он*-ных чтений иероглифов в японском языке заметно отличается от исходных китайских чтений). В связи с этим особенно трудными для понимания японцев или иностранцев, владеющих только японским языком, могут быть названия японских компаний, которые записываются в японском языке латиницей или *катаканой*, а по-китайски – непривычными иероглифами, например: ソニー (яп.) / 索尼 (кит.), シャープ (яп.) / 夏普 (кит.), マツダ (яп.) / 马自达 (кит.) и т.п.

Стоит при этом отметить, что в целом китайский язык гораздо менее восприимчив к «гайрайго», чем японский, и многие слова, ранее заимствованные из европейских языков, быстро ассимилировались и превращались в «канго» [Маевский, 2005, с. 79–91].

С японской стороны, несмотря на изменения, происходившие на протяжении XX в., также сохраняется основной костяк *канго*, обеспечивающий сходство японской и китайской терминологии (табл.).

Таблица. Изменение соотношения ваго, канго и гайрайго в словарях японского языка разных лет, %*

Издание	Ваго	Канго	Гайрайго	Слова смешанного типа
«Гэнкай» (1889)	55,8	34,7	1,4	8,1
«Рэйкай кокуго дзитэн» (1956)	36,6	53,6	3,5	6,2
«Кадокава кокуго дзитэн» (1969)	37,1	52,9	7,8	2,2
«Синсэн кокуго дзитэн», 8-е издание, Сёгакукан (2002)	33,8	49,1	8,8	8,4

* [Хотта].

Исследование словарей японского языка разных лет, проведённое профессором Университета Кэйо Хотта Рюити, показало, что на протяжении XX в. доля *гайрайго* в японском языке постоянно повышалась. Так, в 1889 г. в словарь «Гэнкай» было включено 1,4 % *гайрайго*, в словарь «Рэйкай кокуго дзитэн» 1956 г. – 3,5 %, а в словари 1969 и 2002 гг. – соответственно 7,8 % и 8,8 % [Хотта]. При этом, если к 1956 г. *канго* отвоевали у *ваго* практически 20 % места в словаре, после 1956 г. становится более заметной экспансия *гайрайго*, а *канго* начинают терять свои позиции. Тем не менее, доля *канго* по-прежнему близка к 50 %, то есть расширение сферы употребления *гайрайго* происходит в основном за счет японских слов, а не слов с китайскими корнями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аллатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008.

Аньхуэй Люань 31 суй ишэн голаосы. Данди Вэйцзивэй фавэнь сянци сюэси : [31-летний врач умер от переутомления в городе Луань провинции Аньхой. Местное отделение Государственного комитета по делам здравоохранения и планового деторождения КНР выпустило постановление с призывом учиться на его примере]. URL: <http://www.chinanews.com/sh/2018/02-06/8442774.shtml> (дата обращения: 03.08.2018). (На кит.).

Большой китайско-русский словарь. URL: <http://bkrs.info> (дата обращения: 15.08.2018).

Ван Бинбин. Гэцзай чжунси чжицзянь дэ Жибэнь – Сяндай ханьюй чжун дэ жиюй вайлайюй вэньти : [Япония между Китаем и Западом – проблема заимствований из японского языка в современном китайском языке] // Шанхай вэньсюэ. 1998, №8. (На кит.).

Вэйда юйци, «аньбэй цзинцзисюэ» мяньлинь гуайдянь : [Вопреки ожиданиям, «абэномика» столкнулась с замедлением]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0119/c1002-29033946.html> (дата обращения: 03.08.2018). (На кит.).

Гайкоку кигё:но то:си-о нэрау Нихон-но «кокка сэнряку токку» ва Тю:гоку, Канкоку-но кайкаку кайхо: сэнряку-ни тайко: дэкиру ка : [Смогут ли японские «стратегические особые

зоны», стремящиеся привлечь инвестиции иностранных компаний, сравниться с китайскими и корейскими]. URL: <https://diamond.jp/articles/-/42222> (дата обращения: 03.08.2018). (На яп.).

Гайрайго иикаэ тэйан (дай иккай – дай ёнкай со:сю:хэн) : [Проект замены гайрайго (общий список с первого издания по четвертое)]. URL: http://pj.ninjal.ac.jp/gairaigo/Teian1_4/iikaegotu_dic.html (дата обращения: 14.08.2018). (На яп.).

Гайрайго-но хё:ки : [Запись гайрайго]. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. 07.02.1991. URL.: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/nc/t19910207001/t19910207001.html (дата обращения: 06.08.2018). (На яп.).

Гу Цзянпин. Ханьюй чжун жиюй цзецы яньцзю : [Исследование лексических заимствований из японского языка в китайский язык]. Шанхай цышу чубаньшэ, 2011. (На кит.).

Дзэндзиндай «хинкон бокумэцу»-но дайгассё:. Сю:си-но го:рэй укэ : [Дружный призыв ВСНП к борьбе с бедностью. Выполнение команды господина Си]. URL: <https://mainichi.jp/articles/20180307/k00/00m/030/075000c> (дата обращения 03.08.2018). (На яп.).

Дуйкан голаосы. Жици баньгунши фан жаньцюй : [Борьба со смертью от переутомления. Офисы японских компаний включают зажигательную музыку]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-07/11/c_129652598.htm (дата обращения 03.08.2018). (На кит.).

Кансюкусё: Тонко: сюгё: (Тю:гоку), но:сон кайкаку-дэ омовакугаи : [Компания Gansu Dunhuang Seed Co., Ltd. (Китай) пытается нажиться на сельскохозяйственной реформе]. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXLASDX03H2W_T00C15A4FFE000/ (дата обращения: 03.08.2018). (На яп.).

Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Япония – Китай: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. – 30–40-е годы XX в.). М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001.

Корчагина Т.И. Омонимия в современном японском языке. М.: АСТ, Восток – Запад, 2005.

Кульнева П.В. Особенности заимствования специальной терминологии в китайский язык из японского языка (на примере экономической лексики) // Актуальные проблемы современной Японии. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 257–278.

Лаодун цзухэ (словарная статья Энциклопедии Байду). URL: <https://baike.baidu.com/item/劳动组合> (дата обращения: 26.07.2018). (На кит.).

Маевский Е.В. Лексическая «Революция Мэйдзи» // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. М., 2005.

Насу Киёси. Тю:гокуго но нака-но гайрайго : [Гайрайго в китайском языке] // Гогаку кэгкю: : [Университет Канагава]. 1998, №10. (На яп.).

Ниситани Мари. Сякай кагаку бунъя-дэ цукаварэру ниттю: до:кэй игиго : [Омографы японского и китайского языков, употребляемые в сфере социальных наук] // Хитоцубаси дайгаку рю:гакусэй сэнта: киё:. 2004, №7. (На яп.).

Нихонго кара хикэру тю:гогуго-но гайрайго дзитэн : [Словарь соответствий гайрайго и китайского языка]. Под ред. Судзуки Ёсиаки и Ван Вэнь. То:кё:до: сюппан, 2002.

Сюн Кэсинь, Тамаока Кацуо. Ниттю: до:кэй кандзиго-но хинсисэй-но тайо: канкэй ни-кансуру ко:са : [Анализ синтаксического соответствия канго из двух иероглифов с одинаковым написанием в японском и китайском языках] // Котоба-но кагаку. 2014, №27. (На яп.).

Тянь Сяолин. Чжунго нэйди хэ Сянган дицзюй цыхуэй чжи бицзю : [Сравнение лексики материкового Китая и района Гонконг]. URL: <http://www.huayuqiao.org/articles/tianxiaolin/txl01.htm> (дата обращения: 31.07.2018). (На кит.).

Ханьюй вайлайцы цыдянь : [Словарь заимствованных слов в китайском языке]. Под ред. Лю Чжэнтаня и др. Шанхай цышу чубаньшэ, 1984.

Хотта Рюити. Гэндай нихонго-но гося бумпу : [Распределение слов разных типов в современном японском языке]. URL: <http://user.keio.ac.jp/~rhotta/hellog/2013-10-28-1.html>; <http://user.keio.ac.jp/~rhotta/hellog/2017-12-31-1.html> (дата обращения: 06.08.2018). (На яп.).

Хэнбо: суру Тю:гоку кигё:-но «цзоучуцзюй» сэнряку : [Стратегия «цзоучуцзюй» меняющихся китайских компаний]. URL: <https://www.sankeibiz.jp/business/news/170922/bsg1709220500002-n1.htm> (дата обращения: 03.08.2018). (На яп.).

Цзинь Дянь. Ниттю: до:кэйго ни-окэру нимодзи канго ни-цуитэ-но икко:сацу : [Исследование слов, состоящих из двух иероглифов, среди омографов в японском и китайском языках] // То:кё: гайкокуго дайгаку кидзюцу гэнгогаку ронсю:. 2017, №13. (На яп.).

Цзян Фанцзин. Гайгэ кайфан хоу чжунжи цзинци цыхуэй цзюлю дэ янцзю : [Исследование обмена экономической терминологией между китайским и японским языком после начала политики «реформ и открытости»] // Жиюй сюэси юй янцзю. 2014, №2. (На кит.).

Цун цыхуэй кань лянъянь цзинци чай : [Отражение в лексике экономических различий между двумя берегами Тайваньского пролива]. URL: <http://cn.nikkei.com/columnviewpoint/column/6992-20131108.html> (дата обращения: 01.08.2018). (На кит.).

Чэнь Ливэй. Васэй-канго то тю:гокуго : [Васэй-канго и китайский язык] // Отяномидзу дайгаку Хикаку нихонгаку кё:ику кэнкю: сэнта: кэнкю: нэмпо: : [Ежегодник Центра сравнительного японоведения Университета Отяномидзу]. 2012, №8. (На яп.).

Чэнь Шэнбао. Тюгокуго-но нака-но нихонго : [Японский язык в китайском языке]. URL: <http://www.nichibun.ac.jp/graphicversion/dbase/forum/text/fn091.html> (дата обращения: 10.11.2017). (На яп.).

Шэн Кай. Ниттю: кандзи гои хикаку кэнкю: – Нидзи кандзиго-о тю:син-ни : [Сравнительное исследование иероглифической лексики японского и китайского языков на примере слов, состоящих из двух иероглифов] // Окаяма Сё:дай ронгё: : [Университет Окаяма Сё:ка]. 2013, №2, Vol. 49. (На яп.).

Энциклопедия Байду. URL: <http://baike.baidu.com> (дата обращения: 15.08.2018).

REFERENCES

- Alpatov, V.M. (2008). *Yaponiya: yazyk i kul'tura* [Japan: Language and Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian).
- Baidu Encyclopedia. URL: <http://baike.baidu.com> (accessed: 15 August 2018). (In Chinese).
- Big Chinese-Russian Dictionary. URL: <http://bkrs.info> (accessed: 15 August 2018). (In Russian).
- Chen, Liwei. (2012). *Wase-kango to chu:gokugo* [Wasei-Kango and Chinese Language], *Ochanomizu daigaku hikaku nihongaku kyo:iku kenkyu: senta: kenkyu: nenpo.*, 8. (In Japanese).
- Chen, Shengbao. *Chu:goku-no naka-no nihongo* [Japanese Language inside Chinese Language], URL: <http://www.nichibun.ac.jp/graphicversion/dbase/forum/text/fn091.html> (accessed: 10 November 2017). (In Japanese).
- Duikang guolaosi. *Riqi bangongshi fan ranqu* [Fighting with “sudden death from overwork”. Japanese Companies Switch on Groovy Music], *Xinhuanet*, URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-07/11/c_129652598.htm (accessed: 03 August 2018). (In Chinese).
- Gairaigo iikae teian [Paraphrasing Loanwords Suggestion], URL: http://pj.ninjal.ac.jp/gairaigo/Teian1_4/iikaegotou_dic.html (accessed: 14 August 2018). (In Japanese).
- Gairaigo-no hyo:ki [Notation of Gairaigo]. A publication by Japanese Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (07 February 1991), URL: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/nc/t19910207001/t19910207001.html (accessed: 6 August 2018). (In Japanese).
- Gu, Jiangping. (2011). *Hanyu zhong riyu jieci yanjiu* [Research of Lexical Borrowings from Japanese to Chinese Language]. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe. (In Chinese).
- Hanyu Wailaici Cidian [A Dictionary of Loan Words and Hybrid Words in Chinese]. (1984). Ed. by Liu Zhangtan et al. Shanghai cishu chubanshe. (In Chinese).
- Henbo suru Chugoku kigyo-no “zouchuqu” senryaku [“Zouchuqu” Strategy of the Changing Chinese Companies], *SankeiBiz*, URL: <https://www.sankeibiz.jp/business/news/170922/bsg1709220500002-n1.htm> (accessed: 03 August 2018). (In Japanese).
- Hotta, Ryuichi. *Gendai nihongo-no goshu bumpu* [Distribution of Different Types of Words in Contemporary Japanese Language], URL: <http://user.keio.ac.jp/~rhotta/hello/2013-10-28-1.html>; <http://user.keio.ac.jp/~rhotta/hello/2017-12-31-1.html> (accessed: 06 August 2018). (In Japanese).
- Jiang, Fanjing. (2014). *Gaige kaifang hou zhongri jingji cihui jiaoliu de yanjiu* [Research of Exchange of Economic Terminology between Chinese and Japanese Languages after the Start of “Reform and Opening-up” in China], *Riyu xuexi yu yanjiu*, 2. (In Chinese).
- Jin, Dan. (2017). *Nitchu: do:keigo ni-okeru nimoji kango ni-tsuite-no ikko:satsu* [Research of Two-Character Words among Homographs in Japanese and Chinese Languages], *To:kyo: gaigokugo daigaku kijutsu gengogaku ronshu.*, 13. (In Japanese).
- Katkova, Z.D., Chudodeyev, Iu.V. (2001). *Yaponiya-Kitay: lyubov' ili nenavist'?* K probleme evolyutsii sotsial'no-psikhologicheskikh i politicheskikh stereotipov vzaimovospriyatiya (VII v. n. e. –

30-40-e gody XX v.) [Japan-China: Love or Hatred? The Problem of Evolution of Social, Psychological and Political Stereotypes of Mutual Perception (the 7th Century to the 30-40s of the 20th Century)]. Moscow: IV RAN, Kraft+. (In Russian).

Kanshukusho Tonko shugyo (Chugoku), noson kaikaku-de omowakugai [Gansu Dunhuang Seed Co., Ltd. (China) is Trying to Earn Money on Agricultural Reform], *Nihon Keizai Shimbun*, URL: https://www.nikkei.com/article/DGXLASDX03H2W_T00C15A4FFE000/ (accessed: 03 August 2018). (In Japanese).

Korchagina, T.I. (2005). Omonimiya v sovremennom yaponskom yazyke [Homonymy in Contemporary Japanese Language]. Moscow: ACT, Vostok – Zapad. (In Russian).

Kulneva, P.V. (2018). Osobennosti zaimstvovaniya spetsial'noy terminologii v kitayskiy yazyk iz yaponskogo yazyka (na primere ekonomicheskoy leksiki) [Borrowing of Special Terminology from Japanese to Chinese Language (Illustrated by the Example of Economic Terms)], *Aktual'nyye problemy sovremennoy Yaponii*. Moscow: IDV RAN. Issue XXXII: 257–278. (In Russian).

Laodong zuhe [Trade Unions] (Baidu Encyclopedia article), URL: <https://baike.baidu.com/item/劳动组合> (accessed: 26 July 2018).

Mayevskiy, E.V. (2005). Leksicheskaya «Revolyutsiya Meydzi» [Lexical “Meiji Revolution”], in *Aktual'nyye voprosy yaponskogo i obshchego yazykoznaniya*. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).

Nasu, Kiyoshi. (1998). Chu:goku no naka-no gairaiho [Gairaiho in Chinese Language], *Gogaku Kenkyu.*, 10, Kanagawa University. (In Japanese).

Nihongo kara hikeru chu:gokugo-no gairaiho jiten [Gairaiho – Chinese Language Dictionary]. Ed. by Suzuki, Yoshiaki and Wang Wen. To:kyo:do: shuppan, 2002. (In Japanese).

Nishitani, Mari. (2004). Shakai kagaku bun'ya de tsukawareru nitchu: do:kei igigo [Homographs in Japanese and Chinese Languages Used in Social Sciences], *Hitotsubashi daigaku ryu:gaku senta: kiyō.*, 7. (In Japanese).

Sheng, Kai. (2013). Nitchu: kanji goi hikaku kenkyu: – niiji kanjigo-o chu:shin-ni [Comparative Research of Two-Character Hieroglyphic Words in Japanese and Chinese Languages], *Okayama sho:dai rongyo.*, 49(2). (In Japanese).

Tian, Xiaolin. Zhongguo neidi he Xianggang diqu cihui zhi bijiao [Comparison of Vocabulary in Continental China and Hong Kong Region], URL: <http://www.huayuqiao.org/articles/tianxiaolin/txl01.htm> (accessed: 31 July 2018). (In Chinese).

Wang, Binbin. (1998). Gezai zhongxi zhijian de riben – xiandai hanyu zhong de riyu wailaiyu wenti [Japan between China and the West – the Problem of Borrowings from Japanese to Contemporary Chinese Language], *Shanghai Wenxue*, 8. (In Chinese).

Weida yuqi, “anbei jingjixue” mianlin guaidian [Contrary to Expectations, “Abenomics” is Facing Slowdown], *People's Daily Online*, URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0119/c1002-29033946.html> (accessed: 03 August 2018). (In Chinese).

Xun, Kexin, Tamaoka, Katsuo. (2014). Nitchu: do:kei kanjigo no hinshisei no taio: kankei ni kansuru ko:sa [Analysis of Syntactical Correspondence between Similar Two-Character Kango in Japanese and Chinese Language], *Kotoba-no kagaku*, 27. (In Japanese).

Zenjindai “hinkon bokumetsu”-no daigassho. Shu-shi-no gorei uke [National People's Congress Calls for Combating Poverty. Complying with Order of Mr. Xi], *Mainichi Shimbun*, URL: <https://mainichi.jp/articles/20180307/k00/00m/030/075000c> (accessed: 03 August 2018). (In Japanese).

Поступила в редакцию 04.09.2018

Received 4 September 2018

Для цитирования: Кульнева П.В. Экономическая терминология в японском и китайском языках: сходство и различия // Японские исследования. 2018. № 4. С. 24–43. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10026

For citation: Kulneva P.V. (2018). Ekonomicheskaya terminologiya v yaponskom i kitayskom yazykakh: skhodstvo i razlichiya [Economic terminology in Japanese and Chinese languages: similarities and differences], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2018, 4: 24–43. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10026

Японские исследования. 2018. № 4. С. 44–59.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 44–59.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10027

Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года»

Д.В. Стрельцов

Аннотация. Феномен политической коррупции в Японии в период «системы 1955 года» проявлялся в том, что значительная часть финансовых потоков в политическую сферу, обеспечивавших функционирование системы однопартийного правления ЛДП, носила теневой характер и противоречила духу закона о регулировании политических фондов и закона о выборах общественных должностных лиц.

Парламентариям от ЛДП было крайне сложно или практически невозможно обеспечить функционирование своей «политической машины» без поиска и получения колоссальных денежных средств, поэтому значительную их часть приходилось получать из сомнительных источников. В результате время от времени происходили скандалы (дело «Локхид», дело «Рикруто», дело «Сагава Кюбин»), свидетельствовавшие об огромном масштабе нарушений политиками этих норм и ограничений, а также о регулярных злоупотреблениях ими своими политическими фондами.

При этом особенность законодательной среды заключалась в том, что регулирование политических фондов было существенно более жёстким в отношении политических партий, чем прочих организаций, вовлечённых в политическую деятельность, включая фракции и личные политические структуры отдельных политиков. Антикоррупционные законы были по содержанию крайне расплывчатыми и имели множество лазеек, позволявших легко уклоняться от них. Они стали эффективным инструментом против коррупции только после проведения в 1994 г. радикальной политической реформы.

Свою роль в распространении коррупции в политической среде сыграли также особенности национальной психологии, в частности, терпимость общественного мнения к умеренным проявлениям коррупции и готовность простить виновных, если те проявляют внешние признаки раскаянья. Кроме того, значимым был и фактор слабости и раздробленности оппозиции, который не позволял политическим скандалам иметь крупные и болезненные для ЛДП последствия. Многие правящей партии сходили с рук потому, что оппозиционные партии не представляли для избирателей реальной альтернативы власти ЛДП, а их лидеры также оказывались вовлечёнными в коррупционные скандалы.

Ключевые слова: политическая коррупция, «система 1955 года», Либерально-демократическая партия, закон о регулировании деятельности политических фондов, политические скандалы, дело «Рикруто», политическая реформа.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dmstrl@gmail.com

Political corruption in Japan during the “1955 system”

D.V. Streltsov

Abstract. The phenomenon of political corruption in Japan during the “1955 system” manifested itself in the shady nature of most financial flows ensuring the functioning of the system of one-party rule by the LDP. This shady system of financing essentially contradicted the spirit of the Political Funds Control Law and the Public Offices Election Law.

It was almost impossible for the LDP MPs to ensure the functioning of their “political machines” without acquiring extraordinarily large monetary funds, so a significant part of them had to be obtained from dubious sources. As a result, political scandals erupted in Japan from time to time (the Lockheed scandal, the Recruit scandal, the Sagawa Kyubin scandal), revealing the enormous scale of violations of these norms and restrictions by politicians, as well as their regular abuse of political funds.

At the same time, legal regulation of political funds was significantly more stringent regarding political parties, as compared to other organizations involved in political activities, including LDP factions and personal political structures maintained by individual politicians. Anticorruption laws were extremely vague in content and had many loopholes making it easy to evade them. They became an effective tool against corruption only after the radical political reform of 1994.

The ethno-psychological peculiarities of the Japanese people also played a certain role in the spread of political corruption. In particular, it was the public opinion’s tolerance for moderate manifestations of corruption and the willingness to forgive those responsible if they show external signs of repentance. In addition, the weakness and fragmentation of the opposition, which prevented political scandals from having large-scale and painful consequences for the LDP, was a significant factor as well. The LDP got away with a lot of things because the opposition parties did not provide the voters with a real political alternative, and because their leaders were also involved in corruption scandals.

Keywords: political corruption, the “1955 system”, the Liberal Democratic Party, Political Funds Control Law, political scandals, the Recruit scandal, political reform.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia, Leading researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: dmstrl@gmail.com

Политическая коррупция была характерной чертой политической системы Японии со времён Второй мировой войны. В результате послевоенных демократических реформ источником суверенитета стал народ, а парламент, объявленный единственным высшим законодательным органом страны и символом народовластия, стал центром политической системы страны. Передача власти японскому парламенту в числе прочего отчасти способствовала появлению и развитию феномена политической коррупции в послевоенной политике.

Частота и интенсивность коррупционных скандалов в японской политике была связана с организационно-управленческими и финансовыми особенностями системы японских

политических партий. Либерально-демократическая партия в период «системы 1955 года» не имела сильных источников финансирования, основанных на партийных взносах либо связанных с партийной деятельностью (например, от доходов от распространения партийных изданий). Основную часть её бюджета (более 75 % в 1981 г.) [Макаров, 1988, с. 128] составляли политические пожертвования со стороны корпоративного сектора. Однако гораздо больший объём средств на политические нужды, и прежде всего связанные с проведением электоральной политики, поступали к ЛДП не в виде централизованных пожертвований в адрес партии, а через неформальные механизмы финансирования внутрипартийных фракций и отдельных депутатов.

Для сохранения своей власти правящей партии требовалось обеспечить бесперебойное поступление крупных денежных средств к лидерам внутрипартийных фракций, с последующим их перераспределением между их рядовыми членами. Поскольку на выборах соперниками кандидата от ЛДП выступали кандидаты от других фракций своей же партии, а не других партий, именно финансовая состоятельность фракционного руководства выступала залогом победы – поражение же означало, что депутатское место уходило к соперничающей фракции. Это порождало бесконечное соревнование «денежных мешков» – лидеры фракций ЛДП с каждыми новыми выборами были вынуждены аккумулировать всё больше и больше средств, чтобы удовлетворить потребности всех членов своей фракции. В результате выборы становились всё более и более дорогим удовольствием. По разным оценкам, в 1980-х – начале 1990-х годов кандидаты от ЛДП превышали лимиты расходов на ведение избирательных кампаний, установленные законом, в диапазоне от 6 до 13 раз и выше.

Политическая коррупция проявлялась в форме действий, которые были связаны с нарушениями законов о выборах общественных должностных лиц, о регулировании деятельности политических фондов, а также уголовного законодательства (например, получение взяток и неуплата налогов).

Принятый в 1948 г. Закон о регулировании деятельности политических фондов является и по сей день основным регулятором правил финансирования политической деятельности. Его цель заключалась в том, чтобы предотвратить коррупцию, поставив в равные условия все политические партии, обеспечить прозрачность финансирования избирательных кампаний выборных должностных лиц. Закон запрещал производить перечисление «политических денег» непосредственно на личный счёт депутата. Для этих целей предусматривались специальные политические организации, все финансовые операции которых подлежали публичному декларированию. Законом были установлены годовые лимиты финансовых пожертвований, в случае превышения которых от субъектов политической деятельности требовалось представлять специальную декларацию с указанием точных сумм перечислений, а также название юридического или физического лица, осуществляющего пожертвования [Carlson, 2011, p. 71].

В свою очередь, Закон о выборах общественных должностных лиц устанавливал лимиты на суммы, которую кандидаты могут потратить в период избирательной кампании. Лимиты расходов зависели от количества зарегистрированных голосов избирателей в пересчёте на одно депутатское место и от общей численности избирателей округа.

На практике все политические субъекты (отдельные политики, политические партии и отдельные фонды) с момента вступления антикоррупционных законов в силу находили способы обойти правовые ограничения. В период «системы 1955 года» периодически разоблачались лишь некоторые из наиболее вопиющих нарушений, каждый раз по итогам разбирательств правила ужесточались – и цикл повторялся.

Это было в немалой степени связано с тем, что в своей первой редакции закон уделял основное внимание регулированию политических фондов в отношении политических партий и организаций, тогда как отдельные политики не сталкивались с какими-либо серьёзными ограничениями. Само понятие «политической организации» было определено в чрезвычайно широких терминах. Хотя каждая организация была по закону обязана периодически публиковать информацию о своих доходах (включая общую сумму полученных ими пожертвований) и расходах с их подробной детализацией, никакого стандартного формата отчётности о расходах законом предусмотрено не было. В результате было трудно понять общую картину расходов на политические цели, и, прежде всего, связанных с проведением избирательных кампаний. Кроме того, законом не предусматривалось никаких санкций за несоблюдение требования представления отчётности, в результате чего многие политические структуры на практике не публиковали её вообще. Хотя в законе имелось положение о штрафах за фальсификацию отчётов, их субъекты практически не привлекались к ответственности. Таким образом значительная часть реальных финансовых потоков в политической сфере оставалась скрытой.

В послевоенный период требования в отношении декларирования политических фондов были существенно более жёсткими в отношении политических партий, чем отдельных политиков, в связи с чем политическое финансирование со стороны корпораций шло в основном через личные организации по сбору политических фондов депутатов парламента либо организации, созданные партийными фракциями. Этому способствовало ещё и то, что политикам не запрещалось иметь сразу по несколько политических организаций, что позволяло получать крупные пожертвования от одной корпорации путём разброса денежных средств по различным счетам с тем, чтобы уложиться в лимиты и, таким образом, избежать необходимости декларировать имя жертвователя. По некоторым оценкам, к началу 1990-х годов наиболее влиятельные депутаты имели по несколько десятков таких организаций [Пантелеева, 2009, с. 158].

Имелось и множество других способов легально уклониться от декларирования источников политических фондов. Широкое распространение получил формат т.н. политических вечеров – платных выступлений политиков перед публикой. Выручка за билеты на такие мероприятия (стоимостью 30 тыс. иен и более), которые приобретались в основном на корпоративные средства, не подлежала декларированию в качестве политических пожертвований. Ещё одна возможность – неполитические («добровольные») организации. Не испытывая давления закона о политических фондах, «добровольные организации» служили исключительно удобной ширмой для сбора политических пожертвований под какой-нибудь «благородной» вывеской (например, на экологические или культурно-воспитательные нужды). В результате потоки политических фондов приобретали всё более теневой, а порой

и криминогенный характер. К началу 1990-х годов стало ясно, что без коренного изменения порядка финансирования депутатской деятельности оздоровление политической сферы оказывается невозможной.

В результате финансовые потоки в адрес политиков с лёгкостью пересекали черту, отделяющую дозволенное от недозволенного. Это стало причиной коррупционных скандалов, которые сотрясали страну уже сразу после войны. Например, в 1948 г. вспыхнул скандал «Сёва дэнко», когда руководители одноимённой компании, крупнейшего в Японии производителя удобрений, были уличены во взятках высокопоставленным правительственным чиновникам в обмен на получение низкопроцентного кредита. В ходе этого скандала было арестовано 64 человека, в том числе действующий министр (глава Агентства по экономической стабилизации), бывший премьер-министр Х. Асида, 9 действующих или бывших депутатов парламента. В конечном счёте обвинительный приговор получили 43 человека, включая Х. Асиду [Curtis, 188, p. 161].

В 1950-е годы коррупционные скандалы продолжились. Крупнейшими из них был разгоревшийся в 1954 г. «судоостроительный скандал» – целый ряд компаний в судоостроительной сфере давали взятки и платили «откаты» государственным чиновникам и руководству ЛДП в обмен на получение государственных контрактов и субсидий. В скандал оказался замешан тогдашний генеральный секретарь ЛДП Э. Сато. Сато удалось тогда избежать ареста благодаря личному вмешательству премьер-министра С. Ёсида, а позднее, в 1956 г., его дело было прекращено в рамках общей амнистии, объявленной в ознаменование вступления Японии в Организацию Объединённых Наций.

В 1966 г., когда Э. Сато сам стал премьер-министром, в Японии разгорелось сразу несколько коррупционных скандалов, получивших общее название «скандалов чёрного тумана» («курой кири дзикэн»)¹, в ходе которых вскрылись факты получения лидерами ЛДП взяток от частных компаний за помощь в получении правительственных кредитов. Широкое публичное обсуждение данной темы привело к тому, что Э. Сато пришлось в январе 1967 г. распустить парламент [Curtis, 1988, p. 161].

Крупнейшим скандалом, оставившим свой заметный след в политической истории Японии, стал разгоревшийся в 1976 г. скандал Локхид – по названию американской авиастроительной корпорации Lockheed. Эта компания, как выяснилось, делала регулярные «пожертвования» премьер-министру Танака Какуэй с целью гарантированных продаж американских самолётов японским компаниям. В феврале 1976 г. в американском сенате прозвучали признания вице-президента Lockheed, согласно которым компания заплатила США 500 млн иен (около 3 млн долл. США) в виде «финансовой помощи» премьер-министру Танака Какуэй в качестве благодарности за содействие в сопровождении контрактов [Curtis, 1988, p. 163]. В результате полугосударственная японская авиакомпания ANA отказалась от запланированного контракта с корпорацией McDonnell Douglas, по которому она должна была

¹ Понятие «чёрный туман» восходит к роману японского писателя детективного жанра Мацумото Сэйтё «Японский чёрный туман» (1960), в котором данное словосочетание обозначает «скрытую или спрятанную несправедливость и криминал». В дальнейшем этот термин стал использоваться в более широком смысле для обозначения политической коррупции в Японии.

закупить самолеты DC-10, и сделала выбор в пользу авиапарка Lockheed (самолётов L-1011 TriStar).

16 августа 1976 г. К. Танака, тогда уже бывшему премьеру, было предъявлено обвинение в получении взятки. Обвинительный приговор был вынесен только 12 октября 1983 г. Танака был приговорён к четырём годам лишения свободы и штрафу, равному сумме взятки, которую он получил от Локхида.

Несмотря на осуждение, Танака не покинул свой парламентский пост, но вышел из ЛДП, продолжая оставаться независимым депутатом. Его электоральные позиции не ослабли, поскольку он очень хорошо заботился о своём избирательном округе. Избиратели его родного округа в префектуре Ниигата были бенефициарами гораздо более щедрых бюджетных ассигнований, чем в какой-либо другой префектуре: за каждую иену налогов, отправленных в Токио, они получали три взамен [Hayes, 2018, p. 88]. Среди крупнейших инфраструктурных проектов, полученных префектурой при помощи К. Танака, особенно следует выделить строительство связавшей её с Токио скоростной железнодорожной магистрали Синкансэн (затрачено было около 6,3 млрд долл.) [Hayes, 2018, p. 88], которая по числу перевозимых пассажиров существенно уступала другим направлениям. С 1986 г. из-за ухудшения здоровья влияние Танака стало ослабевать, но он, руководя крупнейшей в ЛДП фракцией, продолжал оставаться кингмейкером японской политики. В конце концов он был вынужден отказаться от формального контроля над своей фракцией, передав её политикам следующего поколения, которые в свою очередь сами позднее оказались втянутыми в коррупционные скандалы.

В 1992 г. дело Танака было доведено до Верховного суда. Суд должен был принять решение о приемлемости использования в суде показаний, полученных в США и использовавшихся в первоначальном судебном процессе. Дело затянулось, и Танака умер в декабре 1993 г., не дожив до окончания судебного процесса.

Скандал Локхид и иные коррупционные скандалы, проявившиеся в середине 1970-х годов, заставили правящую партию предпринять некоторые шаги для исправления своего имиджа и улучшения ситуации в деле регулирования политических пожертвований. Этому предшествовала ожесточённая внутрипартийная борьба вокруг вопроса о преемнике К. Танака, который ещё до скандала Локхид был вынужден в конце 1974 г. уйти в отставку с поста премьер-министра из-за обвинений в злоупотреблениях с недвижимостью. Руководство ЛДП оказалось расколотым по вопросу о том, кто должен прийти ему на смену. Многие были обеспокоены тем, что неспособность партии предпринять убедительные шаги для решения проблемы коррупции может существенно повредить ей на выборах, а в худшем случае привести к партийному расколу. Не имея возможности договориться между собой о преемнике и опасаясь, что открытая фракционная борьба разорвёт партию на части, лидеры фракции ЛДП согласились передать решение в руки Сиина Эцусабуру, политика старшего поколения, который занимал пост высшего партийного советника. Решение Сиина, вошедшее в историю, заключалось в том, чтобы передать бразды правления лидеру небольшой фракции из побочного течения ЛДП Мики Такэо, который получил прозвище «мистер чистый» за свою личную непричастность к коррупционным скандалам.

Именно Мики внёс в конце 1974 г. инициативы об изменении законодательства, в соответствии с которыми любые корпоративные пожертвования предполагалось упразднить в течение трёх лет, а политические фонды должны были наполняться за счёт частных пожертвований от физических лиц. В качестве переходной меры корпоративные пожертвования предлагалось лимитировать в соответствии с собственным капиталом корпораций. Несмотря на брожение внутри партии, Т. Мики проявил твёрдость и в феврале 1975 г. разослал личное письмо своим коллегам по парламентской фракции с обоснованием собственной позиции. Однако от полной отмены корпоративных пожертвований ему пришлось отказаться – после консультаций с высшим партийным советником Э. Сиина он ограничился рекомендацией о том, чтобы ЛДП в течение пяти лет покрывала свои управленческие расходы только за счёт партийных взносов и пожертвований физических лиц.

Поправки в законы «О регулировании деятельности политических фондов» и «О выборах государственных должностных лиц» были приняты летом 1975 г. в последний день сессии парламента. Голосование в палате советников неожиданно принесло равенство голосов (117 за и 117 против), и лишь голос спикера палаты Коно Кэндзо позволил провести поправки через парламент [Masumi, 1995, p. 231].

Изменения в Закон касались ужесточения правил раскрытия информации. Были введены более узкие рамки определения «политической организации», исключая произвольную трактовку этого термина, и одновременно установлены количественные ограничения на политические пожертвования. Физические лица получили право ежегодно вносить пожертвования на сумму до 20 млн иен в адрес политических партий и политических фондов (зарегистрированных отдельными депутатами парламента). Субъекты финансирования (бизнес-структуры, профсоюзы, профессиональные ассоциации) были разбиты на категории в зависимости от размера их уставного фонда, соответственно, была введена градация пожертвований при максимально разрешённом объёме 100 млн иен в год. Взносы в пользу фракций и других политических ассоциаций были ограничены 50 % от разрешённого объёма пожертвований в адрес партий. Политические пожертвования запрещалось делать любым субъектам, получающим государственные субсидии или инвестиции со стороны государства [Masumi 1995, p. 232].

Основная цель изменения законодательства заключалась в том, чтобы переориентировать финансовые потоки от индивидуальных политиков, которые работали напрямую с избирателями, и от фракций в направлении политических партий. Кроме того, были сделаны послабления в правилах финансирования, призванные поощрять индивидуальные пожертвования в политическую сферу, в противовес корпоративным [Mitchell, 1996, p. 120].

Согласно установленным правилам, партии должны были публиковать в своей отчётности имена всех своих спонсоров, сделавших пожертвования на сумму более 10 тыс. иен в год. Прочие виды политических организаций или структур, вовлечённых каким-то образом в политическую деятельность (фракции, «общества поддержки», профсоюзы и т.д.), должны были теперь сообщать обо всех пожертвованиях, если они превышали 1 млн иен в год. Иными словами, пожертвования частного лица в адрес ЛДП на сумму 10 тыс. иен подлежало декларированию, тогда как пожертвование того же лица в адрес политического фонда К. Танака

«Эцудзанкай» объёмом в 900 тыс. иен, никакого декларирования не требовало. Именно поэтому основная часть личных политических фондов политиков, имеющих государственную регистрацию, на законных основаниях декларировали только незначительную часть своих доходов: например, в 1976 г. политическая организация премьера Т. Фукуда отчиталась только о происхождении 9 % от общей суммы в 270 млн иен годового дохода. К тому же закон не запрещал политикам создавать сразу несколько политических фондов, в результате чего лимит в 1 млн иен не соблюдался [Masumi, 1995, p. 232]. Справедливости ради стоит отметить, что новая редакция закона сократила «аппетиты» в запросах на политические пожертвования, так как корпорациям стало легче, ссылаясь на букву закона, отказывать в случаях, если запрос превышал 1 млн иен.

В 1980 г., когда были осмыслены уроки скандала Локхид, закон «О регулировании политических фондов» был ужесточён ещё сильнее. Особенно это касалось политических пожертвований в отношении отдельных политиков – были введены новые требования к отчётности для политических структур (фондов), используемых политиками для получения политических пожертвований.

Принятые изменения не предотвратили дальнейших коррупционных скандалов, которые в конце концов подточили систему однопартийного господства ЛДП. Наиболее крупным и резонансным политическим скандалом явился т.н. скандал «Рикруто» (1988–2001). Компания Recruit Co. (по-японски Рикруто) была основана в 1960 г. студентом Токийского университета Эдзоэ Хиромаса как рекрутинговая фирма. Компания, начавшись с объявлений в университетских газетах, пережила период бурного роста и стала к середине 1980-х годов одной из крупнейших рекрутерских фирм страны. Будучи аутсайдером японского делового истеблишмента, Х. Эдзоэ после вхождения в бизнес-элиту страны стремился, как и многие другие нувориши, использовать деньги для получения соответствующего своему богатству социального статуса, обретения связей с властью предрержащей и получения возможностей напрямую воздействовать на принятие правительственных решений.

Схема, предложенная Эдзоэ, была проста и по-своему гениальна. Он предлагал своим «клиентам» из числа высокопоставленных политиков, видных общественных деятелей, руководителей ряда СМИ и бюрократов купить акции Recruit Cosmos Co., дочерней компании по недвижимости The Recruits group, до их листинга на Токийском фондовом рынке, с изначальным пониманием обеими сторонами сделки того, что эти акции существенно взлетят в цене после листинга. Иными словами, речь шла о злоупотреблениях в использовании инсайдерской информации. Кроме того, компания Эдзоэ приобрела большое количество билетов на политические вечера целого ряда ключевых политиков (например, одно из пожертвований в адрес Кайфу Тосики составило 14 млн иен) [Hrebegar, 1992, p. 75]. «Рикруто», кроме того, пообещала предоставить политикам своих сотрудников для использования во время избирательных кампаний. В свою очередь, законодатели должны были предоставить «Рикруто» услуги и принять решения, которые помогли бы ему расширить свой бизнес.

В числе покупателей акций Recruit Cosmos, часто с использованием кредита от аффилированной с «Рикруто» компанией First Finance, можно назвать президента газетной компании «Нихон кэйдзай», вице-президента газетной компании Yomiuri, президента

телекоммуникационного гиганта Японии NTT, нескольких административных заместителей министра и т.д. Что касается политиков, им было продано акций и передано пожертвований на сумму более 1,3 млрд иен (около 10 млн долл. США). Показательным является признание премьер-министра Н. Такэсита, который заявил, что за несколько месяцев до вступления в должность он получил не менее 151 млн иен в виде акций от Recruit Cosmos и билетов на политические вечера. Позднее он же признался, что получил от «Рикруто» ещё 50 млн иен (381 тыс. долл. США), о чём забыл сообщить [Hrebegar, 1992, p. 75]. В общей сложности более двух миллионов акций компании Recruit Cosmos были проданы 159 деятелям из мира политики, бюрократии, средств массовой информации, академических кругов и бизнес-сообщества [Curtis, 1999, p. 75].

В 1988 г., уже после того, как сомнительные сделки стали достоянием общественности, 11 депутатам членов парламента было предъявлено обвинение во взяточничестве. Судебный процесс по делу «Рикруто» длился 13 лет и включал 322 слушания [Corruption and government, 2010].

В реальности судебное разбирательство вокруг скандала «Рикруто» коснулось только двух политиков – генерального секретаря кабинета министров в правительстве Накасонэ (за его усилия по недопущению негативных для компании изменений закона о рекрутинге) и члену партии Комэйто (за внесение в повестку дня парламента вопросов в выгодном для «Рикруто» ключе). Прокуратура так и не смогла найти доказательств того, что другие политики помогали «Рикруто» с использованием своего служебного положения. По японскому законодательству, получение денег политиком в обмен на обещание «быть полезным» не является взяточничеством в случае, если этот политик не занимает какого-либо ответственного поста в той сфере деятельности, к которой относится ожидаемая услуга [Curtis, 1999, p. 75].

Однако это не означало, что прочие политики, попавшие в сети «Рикруто», отделались лёгким испугом. В скандал оказались так или иначе вовлечены все лидеры основных фракций ЛДП, кроме фракции Комото. Деньги от «Рикруто» получали также крупные политики оппозиционных партий (в отставку были вынуждены уйти лидер СПЯ Цукамото Сабуро и председатель Комэйто Яно Дзюнъя [Hrebegar, 1992, p. 75]. Со своего поста после противоречивых и неубедительных оправданий в «незнании» и перекладывания ответственности на личного секретаря был вынужден уйти Миядзава Киити – министр финансов в кабинете Такэсита и ещё три члена кабинета, а также сам премьер-министр Н. Такэсита. В отставку подали и личные секретари лидеров ЛДП Абэ и Миядзава, а личный секретарь Такэсита покончил с собой, когда стало ясно, что его боссу не уйти от ответственности.

Поскольку продажа акций Recruit Cosmos пришлась на период премьерства Я. Накасонэ, тому пришлось взять на себя формальную ответственность и выйти из ЛДП. Однако он сохранил своё место в парламенте и два года спустя, в апреле 1991 г., когда страсти поутихли, вернулся в ЛДП, а в ноябре того же года был назначен на должность высшего советника ЛДП.

В результате скандала «Рикруто» колоссальный ущерб был нанесён бюрократии, которая ранее пользовалась безупречной репутацией. В обществе давно уже смирились с тем, что политики в своей массе коррумпированы, однако честность и незапятнанность бюрократии

была принята почти как символ веры. Эта вера была разрушена, когда выяснилось, что высшие должностные лица в министерствах образования и труда брали взятки от рекрутинговой компании.

После скандала общественность стала проявлять гораздо меньшую терпимость к политической коррупции. Будучи возмущёнными скандалами с многомиллионными взятками, в которые были вовлечены самые высокопоставленные политики страны, японские избиратели впервые за долгие годы отказали ЛДП в доверии, «прокатив» её на выборах в палату советников летом 1989 г. ЛДП впервые за 35 лет потеряла большинство, уступив его оппозиции (ЛДП получила 36 мест, СПЯ – 46). Помимо скандала «Рикруто», факторами недовольства избирателей были решение кабинета Такэсита о введении 3 %-го потребительского налога, а также открытие внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции, вызвавшее крайне негативную реакцию фермеров – одного из наиболее лояльных ЛДП электоральных сегментов [Stockwin, 2008, p. 75].

Последним в ряду политических скандалов, сотрясавших Японию в эпоху «системы 1955 года», следует назвать дело «Сагава Кюбин». Токийская транспортная компания с одноимённым названием, специализировавшаяся на грузовых перевозках, как выяснилось, делала политикам пожертвования, которые существенно превышали законодательные лимиты, с целью обеспечить себе хорошую позицию в дерегулируемом транспортном секторе. В общей сложности компания выплатила около 80 млн долл. США в виде незаконных пожертвований 130 членам парламента, а также нескольким десяткам местных политиков, представлявших как ЛДП, так и партии оппозиции [Sterngold, 1992].

Наибольший общественный резонанс дело «Сагава Кюбин» получило в связи с раскопанной журналистами информацией о том, что президент компании Ватанабэ Хироясу передал тогдашнему лидеру крупнейшей фракции ЛДП Канэмару Син пожертвование на сумму 500 млн иен якобы для распространения среди шестидесяти членов фракции. Поскольку сделка противоречила закону «О регулировании политических фондов», прокуратура возбудила против Канэмару дело, и он согласился заплатить штраф в размере 200 тыс. иен. 27 августа 1992 г. он ушёл в отставку с поста заместителя председателя ЛДП. Усилия прокуроров найти следы пожертвований оказались безуспешными из-за отсутствия каких-либо записей и регистрационных документов [Hayes, 2018, p. 90].

Однако столь небольшой размер штрафа и отсутствие видимой реакции со стороны однопартийцев Канэмару, которые проявили практически полное безразличие к этому скандалу, вызвали огромное негодование в обществе [Curtis, 1999, p. 87]. В результате попытка Канэмару вернуться к своим обязанностям лидера фракции провалилась. 14 октября 1992 г. Канэмару сложил с себя депутатские полномочия и ушёл с поста лидера фракции. Это в свою очередь привело к кризису руководства внутри фракции. После нескольких дней бурных дискуссий лидером был назначен бывший генеральный секретарь ЛДП Обути Кэйдзо. Однако его основной соперник внутри фракции Одзава Итиро не смирился с этим назначением и в конце концов сформировал собственную фракцию, выйдя из фракции Обути. В числе сторонников Одзава оказались многие реформаторски настроенные члены партии, недовольные царившими в партии архаичными порядками. Группа Одзава в дальнейшем сформировала собственную

политическую партию – Партию обновления, а её поддержка стала решающей для прохождения вотума недоверия правительству Миядзава, который привёл к роспуску парламента, поражению ЛДП на выборах и её уходу в оппозицию. Таким образом, дело «Сагава Кюбин» по сути стало спусковым крючком окончательного краха «системы 1955 года».

Скандал получил продолжение 13 марта 1993 г., когда полиция совершила обыск в офисе Канэмару. Было обнаружено огромное количество наличности – на сумму, эквивалентную нескольким миллионам долларов, а также большое количество золотых слитков. Масштабы показанного перед телевизионными камерами богатства вызвали взрыв общественного негодования. Дело Канэмару в этом смысле существенно отличалось от других скандалов, связанных с получением политиками крупных сумм наличности, которые при всей двусмысленности и даже криминальности этих сделок всё же использовались «по назначению». В случае же с Канэмару основная масса собранных им политических фондов, по всей видимости, так и не была направлена в привычные политические каналы: деньги шли на погашения накопленных им долгов за игру в маджонг или оставалась дома в виде наличных денег и золотых слитков [Hayes, 2018, p. 94]. Даже для пресытившейся японской общественности, привыкшей к политическим махинациям, это было слишком.

«Денежная политика» в послевоенной Японии играла роль финансовой смазки шестерёнок политического механизма «системы 1955 года». Несмотря на рутинный характер практики политического финансирования, факт остаётся фактом: значительная часть финансовых потоков имела теневой характер и в этом смысле противоречила духу и букве законодательства, регулирующего политические пожертвования.

Хотя определение политической коррупции не является догмой и допускает различные трактовки, неразрывная связь политической сферы с серыми схемами финансирования политической деятельности, очевидно, проявлялась на всех этапах политической истории страны. При этом факторы политической коррупции имели как структурно-организационную, так и юридическую природу. Структурный фактор коррупции заключался в том, что парламентарии были крайне сложно или практически невозможно обеспечить функционирование своей «политической машины» (системы взаимоотношений с избирателями) без поиска и получения настолько крупных средств, что полностью обеспечить легальность их приобретения оказывалось невозможным и, соответственно, значительную их часть приходилось получать из сомнительных источников. Например, в 1976 г. один из депутатов нижней палаты за месяц совершил 93 акта «дарения», которые включали представительские расходы на рестораны, пожертвования различным организациям, венки, закупленные в связи с участием в похоронах, денежные подарки избирателям по различным поводам и т.д. Как минимум дважды в год депутат вынужден был делать подарки местному начальству [Mitchell, 1995, p. 143].

Юридической основой «денежной политики» было несовершенство регулирующего законодательства: антикоррупционные законы были полны лазеек, позволявших легко уклоняться от их соблюдения [Stockwin, 2008, p. 141–142]. Законы превратились в эффективный инструмент против коррупции только в 1994 г., когда произошло существенное ужесточение

правил, регулирующих финансирование политической деятельности в рамках политической реформы.

Следует подчеркнуть, что важнейшую роль в этом сыграли японские СМИ, освещение которыми коррупционных схем в деятельности ведущих политиков страны дало толчок качественным подвижкам в общественном мнении страны, а это в свою очередь подготовило почву для прихода к власти сил, настроенных к коррупционной практике непримиримо. Тем не менее, остаётся нерешённым вопрос о том, почему феномен политической коррупции стал знаковой характеристикой всей послевоенной политической истории Японии, в чём причина его устойчивости и неистребимости, несмотря на все попытки покончить со столь позорным с моральной точки зрения явлением, и какую национальную специфику можно вычленил при анализе этого феномена, несомненно, общего для всех стран с демократической формой правления.

Можно выделить несколько системных факторов политической коррупции в послевоенной Японии. Во-первых, антикоррупционные законы во многих случаях не работали вообще или работали не в полную силу. Страновая специфика феномена политической коррупции заключалась в том, что законы о регулировании политического финансирования были по содержанию крайне расплывчатыми и допускали различную их трактовку. Не предусматривалось и чётких, понятных правоприменительных механизмов: законодательные нормы не всегда предусматривали формальные санкции за их нарушение, а если и предусматривали, то эти санкции в реальности не работали. Вероятность попасть в тюрьму за коррупционные преступления была настолько мала, что страх редко служил сдерживающим фактором перед соблазном получить ожидаемые выгоды от коррупционных действий.

Неспособность системы правосудия обеспечить соблюдение законов о коррупции, в свою очередь, не позволяла объективно оценить масштабы феномена политической коррупции. Пищу для размышлений давали лишь факты, обнародованные в СМИ в результате расследований. Выяснилось, например, что С. Канэмару без зазрения совести получил незадекларированных пожертвований на общую сумму в 500 млн иен, хотя закон ограничивал взносы из одного источника суммой в 1,5 млн иен.

Во-вторых, свою роль играли особенности национальной психологии и политической культуры японского этноса. Негативная реакция общественного мнения на проявления коррупции была больше поверхностной: она выражалась не в неудовлетворённости коррупцией как таковой, а в порицании тех, кто её практикует, за «отсутствие раскаяния». Традиционные ценности, например, зафиксированные в самурайской этике, устанавливают правила «пристойного поведения», соответствующего понятию чести, и требуют возмездия за нарушение этих правил. В политической культуре японцев принято, что лицо, номинально ответственное за неправильные действия (противоречащие общественным ожиданиям), должно взять на себя ритуальную ответственность. Эта ответственность, как правило, проявляется в том, что проштрафившийся политик выступает в публичном месте с заявлением о раскаянии, причём делает это в форме театрализованного действия – с глубоким поклоном, проникновенными интонациями в голосе, часто с рыданиями и иными внешними проявлениями душевного беспокойства. Чаще всего такое действие заканчивается декларацией об отставке. В реальности

политик уходит со своей должности в тень, нередко сохраняя реальную власть в партии (как это случилось с К. Танака после дела «Локхид» и Я. Накасонэ после дела «Рикруто»). После этого инцидент считается исчерпанным, а политическая карьера этого деятеля продолжается так, как будто ничего не произошло. Индальгенцией для него служит переизбрание в парламент, позволяющее вновь занимать в партии и правительстве ответственные посты. В связи с этим можно вспомнить, что ничто не помешало Э. Сато, погоревшему на «судостроительных скандалах» середины 1950-х годов, занять пост премьер-министра в 1964 г., а К. Миядзава, замешанному в скандале «Рикруто» и ушедшему по этой причине с поста министра финансов, возглавить правительство в 1991 г.

Кроме того, проблема политической ответственности за коррупцию в контексте общественной морали рассматривалась не в юридической плоскости, а скорее в контексте непристойности или чрезмерности. Скандалы вспыхивали и порождали общественные споры только тогда, когда характер коррупции или масштабы деятельности превышали определённые пределы, признаваемые общественным мнением как допустимые. Негодование избирателей по отношению к коррупционным «эксцессам» в ЛДП было поэтому связано не столько с озабоченностью по поводу коррупции как таковой, сколько с вопиющим пренебрежением политиками правилами игры. Например, в качестве такого пренебрежения были восприняты сведения о вовлечённости в коррупцию практически всего руководства ЛДП, вышедшие на поверхность в ходе расследования дела «Рикруто», или информация о несметных богатствах в доме С. Канэмару, выявленных в ходе полицейского рейда в 1992 г. – в представлении избирателей такое количество наличности и золотых слитков в руках одного политика, конечно существенно превышает любые нормы дозволенного.

В-третьих, значимым был фактор слабости и раздробленности оппозиции, который не позволял политическим скандалам иметь крупные и болезненные для ЛДП последствия. Многие ЛДП сходили с рук именно потому, что оппозиционные партии не представляли для избирателей реальной альтернативы власти ЛДП.

По сути в рамках «системы 1955 года» в стране сложился своего рода консенсус по поводу того, что ЛДП стала правящей партией по причине её хороших связей с избирателями на низовом уровне и её навыков в управлении страной, которые она доказала на практике. Хотя японцев трудно назвать политически послушными, как правило, они в своей массе почтительны к власти. В числе прочего политический конформизм японцев объясняется тем, что ЛДП строила свою политику на принципах клиентелизма: влиятельные политики, пользуясь своим высоким статусом в партии власти, проталкивали через парламент «подарочные» законы, которые приносили в их округа дожди бюджетных вливаний. Убедительным в этом отношении является рассмотренный выше пример К. Танака, которого избиратели не лишили депутатского мандата, несмотря на осуждение за получение взяток.

Таким образом, японские избиратели были склонны терпеть коррупцию со стороны выборных должностных лиц, поскольку эти должностные лица делились с ними выгодами от своего положения, обрётённого в том числе с помощью коррупционных действий. Столкнувшись с проявлениями коррупции, избиратели, бесспорно, выказывали недовольство не только отдельными политическими фигурами, но и правящей партией в целом, однако это

недовольство не доходило до желания сместить ЛДП и передать бразды правления оппозиции, так как подобный сценарий в глазах явно не склонного к «ниспровержению основ» большинства был крайне непредсказуемым и чреватым большими рисками.

Фундаментальная слабость оппозиции проявилась на выборах в нижнюю палату 1990 и 1993 гг. В результате выборов 1989 г. оппозиционные партии получили большинство в верхней палате, что поставило под угрозу и шансы ЛДП победить на выборах в нижнюю палату. В СМИ появились реальные свидетельства негативного общественного мнения в отношении ЛДП, связанные с итогами дела «Рикруто» и т.н. сексуальными скандалами (дела об аморальном поведении высших должностных лиц, в которые оказались вовлечены премьер-министры страны С. Уно в 1988 г. и Т. Кайфу в 1991 г.). Но, как выяснилось годом позднее, избиратели сочли оппозицию ещё менее привлекательной, чем ЛДП. На выборах 1990 г. ЛДП сохранила в нижней палате парламентское большинство с существенным отрывом от оппозиции, получив 275 мест, и только на выборах 1993 г. она утратила его, получив лишь 223 места.

Неготовность японцев отдать свои голоса за оппозицию даже при существенном уровне недовольства партией власти была связана и с тем, что многие оппозиционные политики сами не избежали обвинений в коррупции. В финансовые и другие виды скандалов (как было показано на примере дела «Рикруто») оказались вовлечены практически все партии оппозиции, включая Комэйто, ПДС и СПЯ. Что касается коммунистов, в их адрес в СМИ также звучали периодические обвинения, дискредитирующие партию в глазах общественного мнения. Например, в 1992 г. по престижу партии сильно ударило т.н. дело Носака².

К тому же оппозиция для обеспечения финансирования нередко использовала те же методы, что и ЛДП, пользуясь лазейками в законе «О регулировании политических фондов». По этой причине даже оппозиционные политические партии не проявляли большого энтузиазма в отношении кардинальных реформ в сфере регулирования политических фондов. И уж конечно, в самой правящей партии всегда существовала мощная и влиятельная оппозиция любым попыткам реформ. Так, чрезмерная активность в этом направлении была одной из причин отставки Т. Мики с поста премьер-министра в конце 1976 г. Нельзя не признать, что и уход Т. Кайфу с поста премьера в 1991 г. был спровоцирован сильным внутривнутрипартийным недовольством его активностью по изменению правил, регулирующих политическую деятельность депутатов. Понимание необходимости реформ пришло в ЛДП только после того, как в 1993 г. правительство Миядзава получило вотум недоверия в результате неспособности провести обещанную политическую реформу. На последовавших за вотумом выборах ЛДП потеряла большинство в нижней палате и впервые за 38 лет была вынуждена уйти в оппозицию.

Только в 1994 г., уже после ухода ЛДП в оппозицию, в рамках политической реформы была проведена реформа избирательной системы. Средние округа были упразднены, а на их место введены малые округа, в которых в центре избирательной борьбы, как предполагалось, будет стоять не личность конкретного кандидата, а бренд политической партии. Поскольку

² В сентябре 1992 г. в журнале «Сюкан бунсюн» были опубликованы документы, свидетельствующие о том, что один из соучредителей КПЯ – Носака Сандзо, длительное время занимавший пост председателя партии во время работы в Коминтерне в конце 1930-х годов, написал донос в НКВД на своего партийного товарища, который в результате был казнён. После публикации 100-летнего Носака исключили из КПЯ.

победителем в малом округе является только один кандидат, ЛДП вынуждена была отказаться от выставления в одном округе нескольких кандидатур, как это было при старой системе. Таким образом был поставлен заслон крайне затратному соперничеству между кандидатами от одной партии, порождающему пресловутую «денежную политику». Одновременно были ужесточены требования в отношении регулирования политических фондов. В результате затратный характер избирательных кампаний существенно ослабился.

Политические скандалы ослабляли систему власти ЛДП, но не могли стать достаточной причиной для её падения. Безусловно, неспособность ЛДП сохранить парламентское большинство на выборах 1993 г., которая привела к краху «системы 1955 года», можно отчасти объяснить недовольством избирателей коррупцией, однако этот феномен явился скорее внешним проявлением общего кризиса системы власти ЛДП.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Макаров А.А. Политическая власть в Японии. М.: Наука, 1988.

Пантелеева М. Антикоррупционные меры в сфере японской политики // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 158–164.

Carlson M. Money in Japanese Politics. Regulation and reform // The Routledge Handbook of Japanese Politics. London and New York: Routledge, 2011.

Corruption and government scandals in Japan 2010. URL: <http://factsanddetails.com/japan/cat22/sub146/item799.html> (дата обращения: 23.09.2018).

Cutris Gerald L. The Japanese way of politics. N.-Y.: Columbia University Press, 1988.

Curtis Gerald L. The logic of Japanese politics. N.-Y.: Columbia University Press, 1999.

Hayes, Louis D. Introduction to Japanese politics. 6th ed. London: Routledge, 2018.

Hrebenar Ronald J. The Japanese party system. Oxford: Westview Press, 1992.

Masumi Junnosuke. Contemporary Politics in Japan. Translated by Lonny E. Carlile. Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press, 1995.

Mitchell, R. Political Bribery in Japan. Honolulu, Hawaii: University of Hawaii Press, 1996.

Sterngold James. Another Scandal in Japan, This Time Involving Billions// The New York Times. 23.02.1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/02/23/weekinreview/another-scandal-in-japan-this-time-involving-billions.html> (дата обращения: 23.09.2018).

Stockwin J.A.A. Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy. 4th ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2008.

REFERENCES

Carlson, M. (2011). Money in Japanese Politics. Regulation and reform, in A. Gaunder (ed.), *The Routledge Handbook of Japanese Politics*, London and New York: Routledge: 70–80.

Corruption and government scandals in Japan 2010, URL: <http://factsanddetails.com/japan/cat22/sub146/item799.html> (accessed: 23 September 2018).

Curtis, G. (1999). *The logic of Japanese politics*, New York: Columbia University Press.

Cutris, G. (1988). *The Japanese way of politics*, New York: Columbia University Press.

- Hayes, L. (2018). Introduction to Japanese politics, 6th ed., London: Routledge.
- Hrebear, R. (1992). The Japanese party system, Oxford: Westview Press.
- Makarov, A. (1988). Politicheskaya vlast' v Yaponii [The Political power in Japan], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Masumi, J. (1995). Contemporary Politics in Japan. Translated by Lonny E. Carlile, Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press.
- Mitchell, R. (1996). Political Bribery in Japan, Honolulu, Hawaii: University of Hawaii.
- Panteleyeva, M. (2009). Antikorruptsionnyye mery v sfere yaponskoy politiki [Anticorruption measures in the sphere of Japanese politics], *Rossiya i ATR*, 1: 158–164. (In Russian).
- Sterngold, J. (1992). Another Scandal in Japan, This Time Involving Billions, *The New York Times*, February 23, URL: <https://www.nytimes.com/1992/02/23/weekinreview/another-scandal-in-japan-this-time-involving-billions.html> (accessed: 23 September 2018).
- Stockwin, J.A.A. (2008). Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy, 4th ed., Oxford: Blackwell Publishing.

Поступила в редакцию 23.09.2018

Received 23 September 2018

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года» // Японские исследования. 2018. №4. С. 44–59. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10027

For citation: Streltsov D.V. (2018). Politicheskaya korruptsiya v Yaponii v period «sistemy 1955 goda» [Political corruption in Japan during the “1955 system”], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2018, 4: 44–59. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10027

Японские исследования. 2018. №4. С. 60–77.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 60–77.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10028

Япония: проблемы занятости пожилых работников

И.П. Лебедева

Аннотация. В связи с прогрессирующим старением населения и сокращением численности молодой рабочей силы перед Японией стоит задача использования потенциала пока ещё не задействованных трудовых ресурсов. Один из способов решения проблемы – расширение занятости пожилых граждан, тем более что состояние здоровья большинства из них позволяет им работать довольно долго. В Японии уже немало сделано в этом направлении. В частности, принятые в 2000-е – 2010-е годы законы значительно улучшили условия занятости пожилых граждан, что привело к заметному росту уровня их экономической активности в последнее десятилетие. Однако продолжают существовать определённые институциональные ограничения, препятствующие дальнейшему расширению их участия в экономической жизни страны. Прежде всего, это *тэйнэн* – предельный возраст пребывания работника в фирме (60 лет). Хотя закон обязал все компании продлевать занятость работников и после *тэйнэн* (до достижения пенсионного возраста, т.е. 65 лет), на практике после 60 лет у многих работников меняются не только условия труда, но и социальный статус. Эти изменения влияют на положение не только когорты 60–64-летних японцев, но и определяют характер занятости следующей когорты – граждан в возрасте 65–69 лет. Определённые препятствия создаёт и система вычетов из пенсий работающих пенсионеров. В последние годы проблема занятости пожилых японцев приобрела особое звучание в связи с тем, что в их ряды влились миллионы людей, родившихся в период первого послевоенного бэби-бума (1947–1949 гг.) и нескольких последующих лет. Они более образованы, чем прежние пенсионеры, обладают большим профессиональным опытом и высокой квалификацией, имеют достаточно высокий уровень потребления. Расширение их участия в экономике не только помогло бы смягчить всё более обостряющуюся проблему нехватки рабочей силы, но и способствовало бы поддержанию экономического роста и снижению нагрузки на систему социального обеспечения.

Ключевые слова: пожилые работники, формы занятости, тэйнэн, пенсии, трудовая мотивация, заработная плата, финансовые активы.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Japan: the problems of employment of elderly workers

I.P. Lebedeva

Abstract. As a result of the progressive aging of the population and the decline in the number of young workers, Japan faces the challenge of using the potential of still inactive labor resources. One of the ways to solve the problem is to increase the employment of senior citizens, especially since the state of health of most of them allows them to work for quite a long time. In Japan, a lot has been done in this direction. In particular, the laws adopted in the 2000s-2010s significantly improved the employment conditions of elderly citizens, which led to a marked increase in their level of economic activity in the past ten years. However, certain institutional restrictions that impede the further expansion of their participation in the economy of the country continue to exist. First of all, it is the *teinen* – the age limit on the employee's stay in the company (60 years). Although all companies became legally obliged to extend the employment of workers even after *teinen* (until they reach the pension age, i.e. 65 years), in practice, after 60 years, for many workers, not only their working conditions but also their social status change. These changes affect not only the position of the cohort of the 60 to 64-year-old Japanese, but also predetermine the character of the employment of the cohort following it – citizens aged 65–69. Certain obstacles are created by the system of deductions from the pensions of working pensioners as well. In recent years, the problem of employment of elderly Japanese has acquired a special significance due to the fact that millions of people who were born during the first post-war baby boom (1947–1949) and several years later joined their ranks. They are more educated than former pensioners, have greater professional experience and high qualifications, and have a fairly high level of consumption. Expanding their participation in the economy would not only help to alleviate the increasingly acute problem of labor shortages, but would also help to sustain economic growth and reduce the burden on the social security system.

Keywords: elderly workers, forms of employment, *teinen*, pensions, labor motivation, wages, financial assets.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Согласно критериям, принятым Всемирной организацией здравоохранения, к пожилым гражданам относятся лица в возрасте 60 лет и старше, при этом 75 лет считаются рубежом, за которым наступает старость. Однако в связи с увеличением продолжительности жизни и повышением пенсионного возраста в Японии для оценки степени старения населения используется такой показатель, как доля лиц старше 65 лет. С учётом этого обстоятельства и сообразуясь с японской статистикой, ниже под «пожилыми гражданами» мы будем иметь в виду японцев, перешагнувших 65-летний рубеж. Однако в ряде случаев для простоты изложения материала к «пожилым» будут отнесены и граждане в возрасте от 60 до 64 лет.

В структуре населения, относящегося к экономически активным возрастам (т.е. к лицам в возрасте 15 лет и старше), а также в структуре занятых в национальном хозяйстве происходит быстрое повышение доли пожилых граждан: первый показатель вырос с 14,9 % в 1990 г. до 31,5 % в 2017 г., а второй – соответственно с 5,6 % до 12,2 % [Родорёку тёса, с. 9; Japan Statistical., 2011, table 16-2; Population 15 years old and over].

Эти изменения отражают особенности демографической ситуации в Японии, главной характеристикой которой является быстрое старение населения.

Как известно, с проблемой старения населения сталкиваются многие высокоразвитые страны, но в Японии она стоит особенно остро. Япония опережает эти страны не только по темпам старения населения, но и по доле пожилых граждан в общей его численности. Так, в 2015 г. в Японии доля лиц этой категории в общей численности населения составила 26,2 %, в то время как в США – 14,8 %, Великобритании – 17,8 %, Франции – 19,1 %, Германии – 21,2 %, Италии – 22,4 % [Japanese Working, 2016/2017, p. 18].

Хотя население Японии с 2011 г. начало сокращаться (достигнув пика – 128 млн 57 тыс. человек – в 2010 г., оно снизилось до 126 млн 420 тыс. человек к осени 2017 г., т.е. более чем на 1 млн 600 тыс.), численность пожилых граждан, напротив, продолжает увеличиваться. По расчётам специалистов, она будет возрастать вплоть до 2043 г., когда достигнет пика – 38 млн 780 тыс. человек. После этого она начнёт постепенно снижаться, но старение японского населения продолжится. Ожидается, что доля пожилых граждан в общей численности населения к 2030 г. повысится до 30,4 %, к 2055 г. – до 39,4 %, к 2060 г. – до 39,9 % [Statistical Bureau; Кавамура, с. 82–85].

Быстрое старение населения Японии обусловлено рядом причин. Во-первых, как известно, здесь достигнута самая высокая в мире продолжительность жизни. Так, средняя продолжительность жизни мужчин возросла с 59,5 лет в 1950 г. до 80,98 лет в 2016 г., а женщин – с 63 лет до 87,14 лет. В США аналогичные показатели составляют 77,3 и 81,9, Канаде – 80,7 и 84,4, Великобритании – 80,0 и 83,5, Германии – 79,0 и 83,6, во Франции – 79,9 и 85,7, в Италии – 81,1 и 85,4. Ожидается, что к 2060 г. средняя продолжительность жизни японцев увеличится до 84,19 лет, а японок – до 90,93 лет [Корэйка-но дзёкё, с. 2; Дэтабукку, с. 64]. Во-вторых, в последние годы процесс старения японского общества ускорился, поскольку в категорию «пожилых» начали вливаться миллионы людей, родившихся в период первого послевоенного бэби-бума (1947–1949 гг.), отличавшегося чрезвычайно высокими показателями рождаемости, и нескольких последующих лет. В-третьих, в Японии происходит практически неуклонное снижение коэффициента рождаемости (числа рождений на 1 тыс. человек): с 28,1 в 1950 г. он снизился до 7,7 в 2016 г. А в абсолютном выражении число родившихся детей сократилось за этот период в 2,8 раза – с 2,7 млн до 977 тыс. [Japanese Working, 2013/2014, p. 15; Хэйсэй 30 нэмпан сёсика, с. 6].

В Японии процесс старения населения называют «серебряным цунами», что отражает не только его масштабы и скорость, но и остроту порождаемых им социально-экономических проблем. Одной из наиболее острых среди них является проблема социального обеспечения пожилых граждан. По конституции каждому гражданину гарантировано право на достойную жизнь, в том числе и в старости. Для реализации этого права в Японии ещё в 60-е годы прошлого столетия была создана система всеобщего пенсионного обеспечения и медицинского страхования. Но проблема состоит в том, что бремя государства, связанное с выполнением обязательств по социальному обеспечению, непрерывно возрастает и уже достигло размеров, сильно осложняющих реализацию поставленной правительством задачи стабилизации государственных финансов. Так, за период с 1995 фин. г. по 2017 фин. г. общие расходы

центрального бюджета на социальное обеспечение увеличились с 14,5 трлн иен до 32,5 трлн иен или в 2,2 раза, а их доля в общих расходах – соответственно с 18,5 % до 33,3 % [Japan Statistical 2015, p. 146; Japan Statistical 2018, Table 5-4]. При этом именно быстрое старение населения привело к столь значительному росту этих показателей: в последние годы доля пенсионных выплат и расходов на медицинское обслуживание пожилых граждан достигала уже почти 2/3 общей суммы расходов центрального бюджета на социальное обеспечение.

Между тем одним из способов решения этой проблемы, а также и всё более обостряющейся проблемы нехватки рабочей силы является расширение занятости пожилых граждан.

Следует отметить, что примерно с середины 2000-х годов, а точнее – после 2006 г., во всех возрастных группах пожилых японцев, а также среди 60–64-летних граждан наблюдается рост показателей занятости (табл. 1).

Таблица 1. Динамика показателей занятости в разных возрастных группах, %

Возрастные группы	Годы										
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
60–64 г.	55,5	57,2	57,0	57,1	57,1	57,7	58,9	60,7	62,2	63,6	66,2
65–69 л.	35,8	36,2	36,2	36,4	36,2	37,1	38,7	40,1	41,5	42,8	44,3
70–74 г.	21,7	21,8	21,8	22,0	22,8	23,0	23,3	24,0	24,9	25,0	27,2
75–79 л.	8,7	8,6	8,3	8,3	8,4	8,4	8,2	8,1	8,3	8,7	9,0

Источник: [Хэйсэй 30 нэмпан корэй, с. 23].

Рост экономической активности среди японцев старше 60 лет, особенно заметный в группах 60–64 года и 65–69 лет, стал следствием принятия с начала 2000-х годов ряда важных политических решений, изменивших условия занятости граждан старших возрастных когорт. Но сначала необходимо сказать несколько слов о предыстории этого вопроса.

Закон о стабилизации занятости пожилых работников был принят ещё в 1971 г., а затем неоднократно пересматривался с целью привести содержащиеся в нём нормы в соответствие с требованиями времени. При этом общим направлением пересмотра было ужесточение требований к работодателям.

Центральной проблемой занятости работников старших возрастных групп является разрыв между пенсионным возрастом и *тэйнэн* – предельным возрастом пребывания работников в фирме. Как известно, *тэйнэн* – это важнейший инструмент управления трудом в японских компаниях. Будучи, по сути, единственным способом увольнения работников, нанятых на условиях пожизненного найма, он позволяет компаниям обеспечивать бесперебойную работу механизма ротации и продвижения по служебной лестнице более молодых когорт и сдерживать рост издержек на труд в условиях повозрастной заработной платы.

До 1985 г. *тэйнэн* составлял 55 лет, при этом увольнявшиеся с крупных предприятий работники обычно находили работу в мелких и средних фирмах, где этот возраст не являлся рубежным и не приводил к принудительным увольнениям. Важно подчеркнуть, что в то время

во всех трёх пенсионных системах – *косэй нэнкин* (для работников частных компаний), *кёсай кумиаи нэнкин* (для работников государственных учреждений, преподавателей частных и государственных школ и университетов) и *кокумин нэнкин* (для всех прочих категорий граждан) пенсионный возраст был выше *тэйнэн*: в первых двух системах он составлял 60 лет, а в *кокумин нэнкин* – 65 лет.

Ещё в 1980-е годы правительство начало проводить кампанию за повышение *тэйнэн* до 60 лет, т.е. приближение его к пенсионному возрасту в системах *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи нэнкин*. Однако далеко не все компании спешили делать это, поскольку отсрочка на пять лет момента увольнения работников старших возрастов была чревата ростом издержек на труд и замедлением карьерного роста представителей более молодых когорт (прежде всего, тех, кто занимал менеджерские посты), а, следовательно – и снижением их трудовой мотивации. Поэтому в 1980-е – 1990-е годы некоторые компании пошли на следующую меру: для основного состава постоянных работников подняли *тэйнэн* до 60 лет, а для менеджеров сохранили его на прежнем уровне – 55 лет [Нагано Хитоси, с. 160–161].

В 1998 г. 60-летний возраст принудительного увольнения был оформлен законодательно: компаниям было запрещено устанавливать его на уровне ниже 60 лет. В результате проблему разрыва между *тэйнэн* и пенсионным возрастом в системах *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи нэнкин* удалось на время решить.

Однако, поскольку затяжная депрессия и старение рабочей силы осложнили финансовое положение в пенсионных системах страны, с 2001 г. началось постепенное повышение возраста, дающего право на получение пенсии, в системах *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи нэнкин*. К 2025 г. он должен быть повышен до 65 лет. В результате снова начал образовываться разрыв между *тэйнэн* и пенсионным возрастом работников.

С целью смягчения этой проблемы правительство ещё в 2000 г. приняло постановление о «Мерах по обеспечению занятости пожилых работников», в котором компаниям предлагалось предпринять одну из следующих мер: 1) повысить *тэйнэн*; 2) ввести систему непрерывного продолжения занятости; 3) упразднить *тэйнэн*. При этом «непрерывное продолжение занятости» предполагало два варианта: либо увольнение работника, достигшего *тэйнэн*, с последующим перенаймом, либо продление занятости и после *тэйнэн* (без увольнения). В 2004 г. были приняты, а в 2006 г. вступили в силу поправки к Закону о стабилизации занятости, сделавшие эти меры обязательными к исполнению для всех компаний [Нагано Хитоси, с. 163]. Кроме того, на основании поправок, внесённых в этот Закон в 2007 г., компаниям было запрещено устанавливать возрастные ограничения при размещении объявлений о приёме на работу.

Однако ситуация продолжала оставаться довольно напряжённой. Повышение или отмена *тэйнэн* для многих компаний были неприемлемы, поскольку, как уже отмечалось, неизбежно привели бы и к росту издержек на труд, и к сбоям в механизме ротаций и карьерного роста работников более молодых когорт. Поэтому абсолютное большинство компаний из предложенных правительством мер выбрали третью, т.е. продолжение занятости работников, достигших *тэйнэн*. Но при этом явное предпочтение было отдано первому варианту, предусматривающему увольнение достигшего *тэйнэн* работника с последующим перенаймом.

Поскольку в законе ничего не говорилось об условиях перенайма, это позволяло компаниям нанимать работников на менее выгодных для них условиях. Кроме того, в 2006 г. по настоянию компаний в соглашение между менеджментом и работниками (ежегодно заключаемое в каждой компании) было введено положение о том, что возможность перенайма предоставляется не всем уволенным, а только тем, кто соответствует определённым критериям, установленным компанией.

С целью ликвидации этих пробелов в 2013 г. были приняты новые поправки в Закон, обязавшие компании предоставлять работу всем, кто пожелает работать после достижения *тэйнэн* [Нагано Хитоси, с. 163]. Наконец, в 2016 г. был пересмотрен Закон о страховании занятости, и в соответствии с новыми поправками лица старше 65 лет, продолжающие работать, получили право быть застрахованными в этой системе, что даёт этой категории граждан, в частности, следующие преимущества: при поиске нового места работы после увольнения они имеют право на получение субсидии (однократно) в размере 50–80 % от их наиболее высокого заработка за 50 рабочих дней [Родорёку фусоку, с. 29].

Иными словами, возможности занятости для пожилых граждан страны в 2000-е – 2010-е годы значительно расширились, их положение на рынке труда упрочилось, что и привело к росту их экономической активности.

Помимо мер, способствовавших расширению занятости пожилых работников, были предприняты и меры, направленные на смягчение последствий повышения пенсионного возраста в *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи нэнкин*. Во-первых, было предусмотрено постепенное повышение пенсионного возраста на протяжении почти четверти века (с 2001 г. по 2025 г.). Во-вторых, возраст, дающий право на получение пенсии, был дифференцирован по годам рождения работников и установлен в увязке с мерами по обеспечению занятости. В-третьих, начало выплаты пенсий было дифференцировано по двум частям пенсии: части, не зависящей от уровня дохода работника, и части, формирующейся в прямой зависимости от его дохода.

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения. С 1986 г. пенсии работников, застрахованных в *косэй нэнкин* и *кёсай кумиаи нэнкин*, стали составлять два вида пенсий. Одна из них – *кисо нэнкин* (базовая пенсия) – формируется за счёт взносов, устанавливаемых государством и одинаковых для всех граждан. По закону их обязаны выплачивать все граждане страны в возрасте от 20 до 60 лет. Другая формируется за счёт взносов, величина которых пропорциональна доходу работника. В обеих системах – и *косэй нэнкин*, и *кёсай кумиаи нэнкин* – взносы выплачиваются работниками и работодателями в равных долях, а их размер устанавливает государство [Стрельцов Д.В., с. 218–233; Лебедева И.П., с. 141–163].

Для придания большей гибкости процессу повышения пенсионного возраста было решено «развести» сроки начала выплат этих двух частей пенсий: повышение пенсионного возраста в отношении первой части (формируемой за счёт одинаковых для всех взносов), происходит с некоторым опережением относительно части, формируемой взносами, зависящими от величины дохода работника. О том, как выглядит схема повышения пенсионного возраста и начала пенсионных выплат, применяемая в отношении работников-мужчин, застрахованных в *косэй нэнкин*, и работников обоих полов, застрахованных в *кёсай кумиаи нэнкин*, даёт представление табл. 2.

Таблица 2. Схема повышения пенсионного возраста и начала пенсионных выплат в *косэй нэнкин* и *кёсай кумиан нэнкин**

Год рождения работника	Возраст, дающий право на получение первой части пенсии	Возраст, дающий право на получение второй части пенсии	Возраст, подпадающий под меры по стабилизации занятости	Примечание
1938–1940	60	60	60	<i>Тэйнэн</i> равен возрасту получения пенсии в полном объёме
1941–1942	61	60	60	Существует некоторый разрыв между <i>тэйнэн</i> и началом выплаты первой части пенсии
1943–1944	62	60	60	
1945	63	60	60	
1946	63	60	63	Введены меры по продлению занятости, начало выплаты второй части пенсии – 60 лет
1947–1948	64	60	64	
1949–1952	65	60	65	
1953–1954	65	61	65	Узаконены требования продления занятости до 65 лет, постепенное повышение возраста, дающего право на получение второй части пенсии
1955–1956	65	62	65	
1957–1958	65	63	65	
1959–1960	65	64	65	
1961 – н.в.	65	65	65	

Источник: [Кондо Аяко, с. 134].

* В системе *косэй нэнкин* повышение пенсионного возраста женщин происходит с лагом в пять лет по отношению к показателям работников-мужчин.

Следует отметить, что существование *тэйнэн* придаёт значительное своеобразие ситуации с занятостью пожилых работников в Японии. Ведь по сути это означает, что здесь существует практика увольнений по возрасту, которая в других развитых странах запрещена как одна из форм дискриминации. Более того, поскольку *тэйнэн* оформлен законодательно (напомним, что 60-летний возраст принудительного увольнения был установлен в 1998 г.), это означает, что государство признаёт такую практику вполне приемлемой. И, судя по всему, в ближайшее время сколько-нибудь существенных изменений в этой области не произойдёт. Так, в 2015 г., т.е. спустя 10 лет с момента вступления в силу поправок о продлении занятости пожилых работников, 98 % японских компаний всех размеров продолжали применять единый для всех работников возраст принудительного увольнения. При этом 80 % сохранили его на уровне 60 лет, а 16 % подняли до 65 лет (остальные использовали промежуточные варианты) [Japanese Working, 2016/2017, p. 28].

Особое звучание проблеме занятости пожилых граждан страны придают следующие два обстоятельства. Во-первых, то, что японцы являются одной из наиболее здоровых и долгоживущих наций в мире. Так, состояние здоровья, не ограничивающее полноценную жизнь, у женщин сохраняется в среднем до 73,6 лет, у мужчин – до 70,4 лет [Корэйка-но дзёкё, с. 16]. Во-вторых, то, что в системе жизненных ценностей японцев труд занимает приоритетное положение, и многие из них просто не мыслят свою жизнь без активной трудовой деятельности. Так, согласно опросам, порядка 1/3 пожилых граждан страны хотели бы продолжать работать до 70–75 лет [Хэйсэй 30 нэмпан корэй, с. 25].

Более конкретно о мотивах, которыми руководствуются японцы, продолжающие работать после достижения *тэйнэн*, позволяют судить приводимые ниже данные.

Таблица 3. Причины продолжения работы после *тэйнэн*, %*

	Экономические соображения	Это хорошо для здоровья	Желание жить достойно, участвовать в жизни общества	Меня об этом попросили	Много свободного времени
Мужчины 60–69 лет, в т.ч.:	75,3	23,2	28,1	18,6	18,8
60–64 лет	80,0	20,5	26,2	14,1	15,4
65–69 лет	67,9	27,5	30,9	25,5	24,2
Женщины 60–69 лет, в т.ч.:	66,2	22,9	36,3	16,0	27,9
60–64 лет	68,2	20,9	34,5	14,7	27,5
65–69 лет	63,3	25,8	38,8	17,9	28,3

Источник: [Родорёку фусоку, с. 4].

* Возможен выбор одновременно нескольких причин.

Судя по данным табл. 3, экономические мотивы являются главным фактором, побуждающим японцев продолжать работать и после достижения *тэйнэн*, хотя к 60 годам абсолютное большинство из них уже успевают решить жизненные проблемы, требующие наибольших затрат (дать образование детям, приобрести собственное жилье, накопить достаточную для безбедной жизни в старости сумму в банке). Очевидно также, что в группе 65–69-летних работников значение этого фактора ниже, чем в группе 60–64-летних, поскольку первые уже начинают получать пенсию в полном объёме. Размеры этой пенсии, хотя и составляют половину от средней по стране месячной зарплаты (316 тыс. иен в 2016 г.), вполне достаточны для удовлетворения разумных потребностей. Так, например, в *косэй нэнкин* при сроке страхования 40 лет пенсия составляет 156,5 тыс. иен, в т. ч. 65 тыс. иен – это часть, сформированная за счёт

фиксированных взносов (*кисо нэнкин* или базовая пенсия), а 91,5 тыс. иен – часть, сформированная за счёт взносов, пропорциональных доходу работника [Japan Statistical 2018, Table 19-16; Кондо Аяко, с. 134].

Однако наряду с экономическими мотивами пожилых японцев побуждают работать и стремление сохранить хорошую форму, и желание приносить пользу обществу, и просто наличие свободного времени. Конечно, немалую роль играет и то, что в современной Японии резко снизилось значение такой социальной функции пожилых людей, как участие в воспитании внуков. Это связано и с быстрым уменьшением доли семей, состоящих из трёх поколений [Маркарьян С.Б., с. 194–218], и со стремлением молодых супружеских пар к большей самостоятельности и независимости от родителей, и, наконец, с изменением представлений самих пожилых граждан о том, какой должна быть их жизнь после выхода на пенсию.

Как было показано выше (табл. 1), по состоянию на 2017 г. среди 60–64-летних японцев работали 2/3, среди 65–69-летних – 44,3 %, среди 70–74-летних – 27,2 %, а среди 75–79-летних – 9,0 %. При этом практически все желающие работать пожилые граждане находят работу, о чём свидетельствует крайне низкий уровень безработицы в этой категории: в 2017 г. среди лиц в возрасте до 65 лет он составлял 2,8 %, старше 65 лет – 1,8 % [Родорёку тэса, с. 12].

Но формы занятости, как известно, могут быть самыми разными. О том, как заметно меняется структура занятости после достижения *тэйэнэн*, даёт представление табл. 4.

Таблица 4. Структура занятости работников разных возрастных групп, %

	55–59 лет	60–64 года	65–69 лет	70–74 года	свыше 75 лет
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
степень занятости	78,7	62,2	41,5	24,9	8,3
самостоятельные предприниматели*	8,7	13,3	21,3	29,9	44,9
постоянные работники	53,0	26,4	15,0	10,8	8,8
непостоянные работники	28,0	45,9	45,4	34,0	14,7
прочее**	10,3	14,4	18,3	25,3	31,6

Источник: [Нагано Хитоси, с. 166]. Данные за 2015 г.

* В эту категорию включаются и работники семейных фирм.

** «Прочее» главным образом включает граждан, участвующих в деятельности разного рода неприбыльных и волонтерских организаций.

Поскольку изменение структуры занятости начинается уже в группе 60–64-летних японцев, т.е. тех, кто защищён имеющими силу закона требованиями о продления работы до 65 лет, остановимся сначала на проблемах, с которыми сталкивается эта группа.

Очевидно, что работник, достигнувший *тэйэн*, не может самостоятельно определять свою дальнейшую карьеру. Это целиком зависит от его работодателя, а именно от служб, отвечающих за кадровую политику в японских фирмах. Между тем принятые в Японии законы, гарантируя право работников на продление занятости до 65 лет, одновременно оставляют компаниям значительную степень свободы в плане определения параметров их дальнейшей работы. По данным за 2015 г., 93 % японских компаний всех размеров применяли систему продления занятости до 65 лет, но при этом продление работы без увольнения практиковали лишь 11 %, в то время как 72 % применяли увольнение с последующим перенаймом, а остальные 10 % использовали оба варианта. Наибольшей долей приверженцев системы увольнения с последующим перенаймом отличаются крупнейшие предприятия с числом занятых от 1 тыс. человек: здесь она достигает 88,5 % (при доле компаний, применяющих систему продления занятости 97 %) [Japanese Working 2016/2017, p. 30].

Предпочтение японскими компаниями именно такой формы продления занятости связано, во-первых, с тем, что они могут нанять работника повторно уже по временному контракту, т.е. в качестве непостоянного работника со всеми вытекающими из этого экономическими выгодами, а, во-вторых, с тем, что даже сохраняя за работником статус постоянного, они имеют возможность существенно снизить его зарплату. При этом многие компании начинают «готовить» работников к предстоящим изменениям заранее, несколько сокращая их зарплату ещё до наступления *тэйэн*. Вот, например, каковы были повозрастные различия в заработной плате работников разного уровня образования в 2017 г. [Тингин кодзо, табл. 3]*:

Возрастные группы	Образование работников		
	<i>высшее</i>	<i>среднее специальное</i>	<i>среднее</i>
50–54 года	100,0	100,0	100,0
55–59 лет	96,2	99,2	98,5
60–64 года	70,0	71,6	72,1

* Уровень заработной платы работников-мужчин 50–54 лет принят за 100.

Можно назвать, по меньшей мере, две причины столь значительного снижения заработной платы в группе 60–64-летних работников. Во-первых, при повозрастной системе оплаты труда, до сих пор применяемой в японских компаниях, хотя и в несколько изменённом виде, молодые работники получают зарплату, заниженную относительно уровня их реальной производительности, а работники старших возрастов, наоборот, получают зарплату, завышенную относительно уровня их реальной производительности. Поэтому понижение заработной платы работников при повторном найме можно рассматривать как способ её приведения в соответствие с уровнем производительности труда. Во-вторых, довольно часто повторный наём сопровождается изменением содержания работы. Например, согласно данным обследования Японского института политики в сфере труда и переподготовки, среди работников 60–64 лет 15,5 % получили совершенно другую работу, 22,6 % выполняли ту же работу, но при сузившихся

границах ответственности, у 3,3 %, содержание работы незначительно изменилось, а у 44 % вообще не произошло никаких изменений. Но при этом более 3/4 работников, продолжавших выполнять прежнюю работу, стали получать более низкую зарплату [Родорёку фусоку, с. 18].

Поскольку среди причин, побуждающих японцев этого возраста работать, преобладают экономические соображения, такое положение устраивает далеко не всех. Но, как видно из приводимых ниже данных, почти половина работников считает снижение зарплаты при повторном найме своего рода платой за гарантии продления занятости, а те, кто не удовлетворён положением дел, для выражения своего недовольства используют слово *окасий* (странный, вызывающий недоумение), т.е. делают это в весьма мягкой форме [Родорёку фусоку, с. 19].

Восприятие работниками в возрасте 60–64 лет снижения заработной платы после *тэйнэн* (доля поддерживающих соответствующее мнение):

<i>Это странно, поскольку работа осталась прежней</i>	21,7 %
<i>Это странно, поскольку мой вклад в дела компании остался прежним</i>	15,5 %
<i>Время ответственности несколько снизилось, но зарплата снизилась в гораздо большей степени</i>	14,8 %
<i>Поскольку продление занятости и выплата пенсий работающим узаконены, снижение зарплаты представляется странным</i>	11,7 %
<i>Ничего не поделаешь – снизился мой вклад в дела компании, снизилась и зарплата</i>	16,3 %
<i>Ничего не поделаешь – изменилось содержание моей работы, изменилась и зарплата</i>	12,1 %
<i>При гарантиях занятости зарплата должна снижаться</i>	47,7 %

В целом же очевидно, что при всех лазейках, которые компании могут использовать при повторном найме работников, нынешняя ситуация гораздо более благоприятна, чем прежняя, обрекавшая их на принудительное увольнение по достижении *тэйнэн*.

Как показывают данные табл. 4, структура занятости следующей возрастной группы – лиц в возрасте 65–69 лет – характеризуется дальнейшим нарастанием непостоянной и сокращением постоянной занятости. Если среди работающих по найму 60–64-летних японцев примерно 1/3 являются постоянными работниками, а 2/3 – непостоянными, то в группе 65–69-летних граждан постоянную работу имеют уже лишь 1/4, а 3/4 работают на условиях непостоянной занятости. Кроме того, в этой группе возрастает доля тех, кто занят в семейном бизнесе и участвует в работе разного рода неприбыльных и волонтерских организаций (до 40 % от общего числа занятых).

Следует отметить, что японские специалисты уделяют положению этой группы на рынке труда не меньшее внимание, чем ситуации с занятостью 60–64-летних граждан. И это связано не только с тем, что значительная часть 65–69-летних японцев всё ещё сохраняют хорошую форму¹ и могут отчасти восполнить сокращение численности молодых работников и смягчить проблему общей нехватки рабочей силы. Эта группа, во-первых, довольно многочисленна, поскольку её

¹ Так, в группе 65–69-летних японцев 2/3 считают себя вполне здоровыми, 5 % отмечают, что их состояние здоровья «плохое», а около 30 % – что оно «не слишком хорошее» [Родорёку фусоку, с. 296].

костяк составляют миллионы японцев, родившихся в период первого послевоенного бэби-бума (1947–1949 гг.), а, во-вторых, она представлена людьми, более образованными, чем прежние пенсионеры, обладающими большим профессиональным опытом и высокой квалификацией, с достаточно высоким уровнем потребления. Иными словами, благодаря этой группе облик японских пенсионеров заметно изменился, и это придаёт проблеме их занятости особое значение.

Поскольку все граждане страны, достигшие 65-летнего возраста, начинают получать пенсию (независимо от системы страхования), на них гарантии занятости не распространяются, и в этом плане их положение на рынке труда коренным образом отличается от положения 60–64-летних японцев.

К вопросу о перенайме этих работников компании подходят гораздо строже. Так, только порядка 10 % из них готовы предоставить работу всем, кто захочет работать после 65 лет, 55,5 % считают, что работники старше 65 лет могут продолжать работать, но только в том случае, если отвечают определённым требованиям, а 30 % полагают, что в таком возрасте работать вообще не стоит, а лучше заняться укреплением здоровья, посещать занятия в Центрах для пожилых людей или участвовать в деятельности НПО и волонтерских организаций [Родорёку фусоку, с. 129].

Хотя и в этой группе экономические соображения преобладают среди причин продолжения работы (табл. 3), их значение заметно снижается, и одновременно возрастает роль таких факторов, как стремление оставаться активным членом общества, использовать свободное время, сохранить хорошую физическую форму.

Следует отметить, что в целом пожилые японцы – люди обеспеченные. И те из них, кто продолжает работать для получения дополнительного дохода, делают это не от нужды, а из стремления сохранить прежний, весьма высокий, уровень жизни, поскольку их накоплений и пенсий вполне достаточно для обеспечения безбедной, достойной жизни. При этом доля пожилых граждан в общем объёме финансовых активов населения постепенно нарастает и к середине текущего десятилетия достигла уже почти 2/3. Вот как изменилось распределение финансовых активов населения среди японских домохозяйств, относящихся к разным возрастным группам, за период 1989–2014 гг.

Таблица 5. Распределение финансовых активов между домохозяйствами разных возрастных групп*, %

Годы	Возрастные группы					
	старше 70 лет	60–69 лет	50–59 лет	40–49 лет	30–39 лет	моложе 30 лет
1989	9,0	22,9	27,8	25,9	12,8	1,5
2004	20,9	31,5	25,5	14,7	6,6	0,7
2014	30,9	33,6	18,9	11,7	4,5	0,5

Источник: [Хэйсэй 30 нэмпан корэй, с. 19].

* Домохозяйства, состоящие из двух человек и более. Критерием для отнесения к определённой возрастной группе является возраст главы семьи.

В абсолютном выражении финансовые активы домохозяйств 60–69-летних граждан в среднем достигают 23 млн 120 тыс. иен, а граждан старше 70 лет – 24 млн 460 тыс. иен (примерно 210 тыс. долл. и 220 тыс. долл.) [Хэйсэй 30 нэмпан корэй, с. 18].

Понятно, что за средними показателями может скрываться весьма значительный разрыв в уровне жизни и финансовом положении конкретных семей. Но статистика показывает, что среди семей пожилых японцев этот разрыв относительно невелик. Например, по данным за 2016 г., лишь у 7,4 % домохозяйств размеры накоплений были меньше 1 млн иен, а ещё у 4 % они составляли от 1 млн до 2 млн иен; 18,5 % семей имели активов на сумму более 40 млн иен, а ещё 9,0 % – на сумму от 30 млн до 40 млн иен. Остальные семьи – более 60 % – находились в зоне, тяготеющей к средним показателям [Хэйсэй 30 нэмпан корэй, с. 18].

Обращает на себя внимание отсутствие прямой зависимости между долей занятых среди пожилых граждан и уровнем их пенсии и размерами накоплений. Вот, например, какую картину дают результаты обследования Японского института политики в сфере труда и переподготовки, объектом которого были более пятисот домохозяйств пожилых граждан.

Таблица 6. Уровень занятости в зависимости от размеров пенсий и активов домохозяйств, %

Размеры активов (млн иен)	Размеры пенсии (тыс. иен)						
	менее 50	от 50 до 100	от 100 до 150	от 150 до 200	от 200 до 250	от 250 до 300	свыше 350
менее 1	60,3	74,3	50,0	43,2	55,0	57,1	100,0
от 1 до 10	63,6	72,7	57,1	47,6	30,0	25,0	100,0
от 10 до 20	77,8	68,8	87,5	65,7	44,4	66,7	0,0
от 20 до 30	75,0	100,0	70,0	50,0	60,0	37,5	66,7
от 30 до 40	80,0	100,0	50,0	33,3	40,0	41,7	25,0
свыше 50	100,0	0,0	66,7	100,0	50,0	50,0	33,0

Источник: [Родорёку фусоку, с. 144].

Столь пёстрая, неоднозначная картина свидетельствует о том, что на решение граждан о том, стоит ли работать, будучи пенсионером, оказывает влияние целый комплекс самых разнообразных личных мотивов и жизненных обстоятельств, а не только материальные соображения. Это же относится и к условиям работы: за сокращением среди работающих по найму пожилых граждан доли постоянно занятых (до 1/4) стоят предпочтения не только компаний, но и самих работников.

Следует отметить, что к выбору непостоянной занятости, открытию собственного дела или включению в работу неприбыльных и волонтерских организаций японских пенсионеров подталкивает и система вычетов из пенсии для работающих пенсионеров. Долгое время продолжающим работать пенсионерам пенсия вообще не выплачивалась. Но в 1965 г. была введена система, в соответствии с которой работающие пенсионеры имеют право на получение пенсии, но в уменьшенном размере, а величина этого вычета зависит от их суммарного дохода,

т.е. суммы заработной платы и пенсии. Критерии вычетов с течением времени менялись, и в 2017 г. были дифференцированы следующим образом. Работник в возрасте до 65 лет в случае, если сумма его пенсии и заработной платы не превышает 280 тыс. иен в месяц, может получать пенсию целиком. Если его совокупный месячный доход превышает эту сумму, то из пенсии вычитается часть, равная половине этого превышения. Если же доход работника превышает 460 тыс. иен, то вычитается часть, равная всей сумме этого превышения. Для работников старше 65 лет установлены следующие критерии: если суммарный доход не превышает 460 тыс. иен, то пенсия выплачивается полностью, если же он выше этой планки, то из неё вычитается сумма, равная половине этого превышения [Кондо Аяко, с. 140].

Очевидно, что эта система особенно неблагоприятна для высокооплачиваемых работников в возрасте до 65 лет, но, несомненно, она влияет и на формы занятости работников, перешагнувших 65-летний рубеж, стимулируя их к поиску непостоянной работы с невысокими заработками или к открытию собственного дела, на доходы от которого правила этой системы не распространяются.

Разумеется, с течением времени даже наиболее активные пожилые граждане начинают отдавать всё большее предпочтение различным формам непостоянной занятости или находят работу по силам в семейном бизнесе (либо на правах его владельцев, либо в качестве работников семейных фирм), а затем и вовсе прекращают трудовую деятельность. Как показывают данные табл. 4, в возрасте 70–74 года работают уже не более четверти японцев, а в возрасте старше 75 лет – порядка 8 %. Заметно меняются и формы занятости. Доля работающих по найму сокращается до 45 % в первой группе и до менее четверти во второй, но при этом нарастает доля занятых в семейном бизнесе (до 30 % и 45 % соответственно), а также тех, кто участвует в деятельности НПО и волонтерских организаций (до 25 % и 32 %).

В связи с обострением проблемы нехватки рабочей силы в Японии была создана целая сеть организаций, оказывающих пожилым гражданам содействие в трудоустройстве. Главные среди них – это учреждённые при муниципалитетах во всех городах страны Центры для пожилых людей, в которых им не только предоставляют информацию о существующих вакансиях, но и оказывают разного рода консультационные услуги, а также сеть агентств по трудоустройству HallowWork.

Однако социальную активность японцы стремятся сохранить и после прекращения трудовой деятельности. Ведь впереди у них в среднем ещё 10–15 лет жизни.

Несколько выходя за рамки темы статьи, отметим, что в Японии много сделано и делается для того, чтобы жизнь пожилых граждан была комфортной и интересной. В стране функционируют тысячи самых разных кружков для пожилых людей – спортивных, оздоровительных, обучающих различным видам ремёсел, кулинарных, танцевальных и т.д. В центрах, созданных при муниципалитетах, а также в местных библиотеках, музеях и университетах проводятся лекции для пожилых граждан по самой разнообразной тематике. Муниципалитеты и местные сообщества регулярно организуют групповые путешествия, которые пользуются большой популярностью у пожилых японцев – ведь многие из них лишь по выходе на пенсию получают возможность ознакомиться с достопримечательностями родной страны или съездить за рубеж, так как прежде работа не оставляла им для этого ни сил, ни времени.

Особо следует сказать об успехах Японии в создании «дружественной» для пожилых людей городской инфраструктуры, позволяющей им передвигаться по городу, посещать магазины и рестораны, путешествовать. Удобные эскалаторы, пандусы, самодвижущиеся дорожки, лифты на станциях метрополитена и железнодорожных вокзалах, пешеходные переходы с возможностью переключения самими пешеходами сигналов светофора и проч., а также готовность персонала в любом общественном заведении оказать пожилому человеку помощь – все эти примечательные черты современной Японии не только облегчают жизнь её пожилых граждан, но и позволяют им сохранять уверенность и достоинство.

В последние годы предметом особого внимания властей стало улучшение жилищных условий пожилых граждан. При этом речь идёт не об обеспечении жильём – эту проблему абсолютное большинство японцев успевают решить задолго до выхода на пенсию – а о повышении уровня комфортности их жилищ. В принятой в 2011 г. Программе строительства жилья (рассчитанной на период 2011–2020 гг.) предусмотрены, в частности, следующие меры. Во-первых, в соответствии с разработанными стандартами предполагается реконструировать существующие многоквартирные жилые комплексы с целью создания среды обитания, комфортной для пожилых граждан (так называемой безбарьерной среды); строительство новых домов также должно осуществляться в соответствии с этими стандартами. Во-вторых, предусмотрено строительство специальных многоквартирных домов для пожилых людей, в которых будут не только созданы комфортные бытовые условия, но и налажена работа по предоставлению разного рода услуг, включая медицинскую помощь и услуги по долговременному уходу. И, в-третьих, установлены пониженные ставки подоходного налога и налога на недвижимость для пожилых граждан, проживающих в собственных домах, в том случае, если они приводят их в соответствие с новыми стандартами [The Second Review, p. 9–10].

* * *

Таким образом, в свете быстрого старения населения положение пожилых граждан на рынке труда приобретает особую значимость. Хотя уровень занятости пожилых японцев постепенно повышается, а состояние здоровья большинства из них позволяет им работать довольно долго, существуют определённые институциональные ограничения, препятствующие дальнейшему расширению их участия в экономической жизни страны. Прежде всего, это существование *тэйнэн* – предельного возраста пребывания в фирме (60 лет), по достижении которого происходит изменение не только условий труда, но и социального статуса работника. И эти изменения влияют на положение не только когорты 60–64-летних японцев, но и предопределяют характер занятости следующей за ней когорты – граждан в возрасте 65–69 лет. Определённые препятствия создает и система вычетов из пенсий работающих пенсионеров.

Представляется, что потенциал пожилых работников далеко не исчерпан, особенно с учётом уровня их образования и профессионализма. О том, насколько злободневна эта проблема, можно судить по следующим цифрам: если в 2015 г. на 1 пожилого человека приходилось 2,3 людей трудоспособного возраста, то к 2060 г. это соотношение составит уже лишь 1 к 1,3 [Корэйка-но дзёкё, с. 4].

Кроме того, пожилые граждане являются и весьма активными потребителями, что имеет немаловажное значение в плане поддержания экономического роста страны. Так, например, домохозяйства работающих пожилых граждан, обладая в среднем располагаемым месячным доходом 330 тыс. иен, направляют на цели потребления 290 тыс. иен, что вполне сопоставимо с показателями таких активных потребителей, как 35–44-летние японцы (400 тыс. иен и 280 тыс. иен соответственно) [Analysis of Labor, p. 11].

Хотя в сфере занятости пожилых японцев существуют определённые проблемы, в целом их положение можно назвать вполне благополучным. Практически все желающие работать граждане имеют работу. Уровень пенсий, а также накопленные за время работы сбережения позволяют им чувствовать себя достаточно свободно в материальном отношении. Функционирование специальной системы медицинского обслуживания и особенно – системы страхования долговременного ухода облегчает им решение проблем, возникающих в случае ухудшения здоровья. Наличие широких возможностей для овладения новыми навыками, получения новых знаний, путешествий и т.д. делает жизнь японских пенсионеров насыщенной и интересной. Наконец, создание по всей стране инфраструктуры, облегчающей передвижение пожилых людей, уважительное и внимательное отношение к ним со стороны более молодых поколений помогают им чувствовать себя полноценными гражданами общества. Это подтверждают и статистические данные. Так, согласно одному из опросов, среди людей в возрасте от 60 до 80 лет порядка 70 % не испытывали какого-либо беспокойства по поводу своей жизни, а среди людей старше 80 лет таких «оптимистов» было более 80 % [Корэйка-но дзёкё, с. 11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дэтабукку кокусай родо хико 2018 : [Международные сравнения в сфере труда. Справочник 2018] // Japan Institute for Labor Policy and Training. URL: <http://www.jilpt.go.jp> (дата обращения: 20.10.2018).

Кавамура Кохэй. Нихон-но нэнкин : [Пенсионная система Японии]. Т., 2014.

Кондо Аяко. Корэйся коё-но гэндзё то сэйсаку кадай : [Положение с занятостью пожилых работников и задачи политики] // Нихон-но родо сидзё. Кэйдзайгакуся-но ситэн : [Японский рынок труда. Взгляды экономистов] / под ред. Кавагути Дайдзи. Т., 2017.

Корэйка-но дзёкё оёби корэй сякай тайсаку-но дзитти дзёкё 2013 : [Стареющее общество и политика в отношении стареющего общества 2013] // Cabinet Office. URL: <http://www.cao.go.jp> (дата обращения: 01.03.2014).

Лебедева И.П. Политика консерваторов в сфере социального обеспечения // Япония: консервативный поворот. М., 2015 г.

Маркаръян С.Б. Традиционное и новое в японской семье // Японское общество: изменяющееся и неизменное. М., 2014 г.

Нагано Хитоси. Родо то коё-но кэйдзайгаку : [Экономика труда и занятости]. Т., 2017.

Родорёку тэса 2018 : [Обследование рабочей силы 2018 г.] // Ministry of Health, Labor and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp> (дата обращения: 10.10.2018).

Стрельцов Д.В. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М., 2013 г.

Тингин кодзо кихон токэй тэса 2018 : [Базовое статистическое обследование структуры заработной платы 2018] // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp> (дата обращения: 26.08.2018).

Хэйсэй 30 нэмпан корэй сякай хакусё : [Белая книга о стареющем обществе 2018] // Cabinet Office. URL: <http://www.cao.go.jp> (дата обращения: 20.10.2018).

Хэйсэй 30 нэмпан сёсика сякай тайсаку хакусё : [Белая книга о политике в обществе со снижающейся рождаемостью 2018] // Cabinet Office. URL: <http://www.cao.go.jp> (дата обращения: 20.10.2018).

Analysis of Labor Economy 2016 (Overview) / Ministry of Health, Labor and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp> (дата обращения: 20.10.2018).

Japan Statistical yearbook 2011, 2015, 2018 // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp> (дата обращения: 20.10.2018).

Japanese Working Life Profile. 2013/2014, 2016/2017 // Japan Institute for Labor Policy and Training. URL: <http://www.jilpt.go.jp> (дата обращения: 10.10.2018).

Population 15 years old and over by Labor Force Status, Five-year Age Groups and Sex (1920–2005) // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/chouki/19/html> (дата обращения: 01.10.2018).

Statistics Bureau Homepage // URL: <http://www.stat.go.jp> (дата обращения: 10.10.2018).

The Second Review and Appraisal of the Madrid International Plan of Action on Ageing. Japan's Report // URL: <http://who.int/ageing/events/mipaa/en/> (дата обращения: 01.03.2014).

REFERENCES

Analysis of Labor Economy 2016 (Overview) // Ministry of Health, Labor and Welfare, URL: <http://www.mhlw.go.jp> (accessed: 20 October 2018).

Chingin kodzo kihon tokei chyosa 2018 [The basic statistical survey of wage structure 2018], Statistics Bureau, URL: <http://www.stat.go.jp> (accessed: 26 August 2018). (In Japanese).

Detabukku kokusai rodo hiko 2018 [Databook on international comparison in the sphere of labor 2018], Japan Institute for Labor Policy and Training, URL: <http://www.jilpt.go.jp> (accessed: 20 October 2018). (In Japanese).

Heisei 30 nempan korei shyakai hakushyo [White paper on the ageing society 2018], Cabinet Office, URL: <http://www.cao.go.jp> (accessed: 20 October 2018). (In Japanese).

Heisei 30 nempan shyoshika shyakai taisaku hakushyo [White paper on the policy in society with declining birth rate 2018], Cabinet Office, URL: <http://www.cao.go.jp> (accessed: 20 October 2018). (In Japanese).

Japan Statistical yearbook 2011, 2015, 2018. Statistics Bureau, URL: <http://www.stat.go.jp> (accessed: 20 October 2018).

Japanese Working Life Profile. 2013/2014, 2016/2017. Japan Institute for Labor Policy and Training, URL: <http://www.jilpt.go.jp> (accessed: 10 October 2018).

Kawamura, Kohei. (2014). Nihon-no nenkin [Pension system in Japan]. Tokyo. (In Japanese).

Kondo, Ayako. (2014). Koreishya koyo-no genjo to seisaku kadai [The situation with elderly employment and policy tasks], in Kawaguchi, Daiji (ed.), *Nihon-no rodo shijo. Keizaigakushya-no shiten* [Japanese labor market. The views of economists], Tokyo. (In Japanese).

Koreika-no jyokyo oyobi korei shyakai taisaku-no jitti jyokyo 2013 [The ageing society and the policy toward ageing society 2013], Cabinet Office, URL: <http://www.cao.go.jp> (accessed: 1 March 2014). (In Japanese).

Lebedeva, I.P. (2015). Politika konservatorov v sphere sotsialnogo obespecheniya [Social Welfare Policy by conservatives], in *Yaponiya: konservativnyy povorot* [Japan: conservative turn], Moscow. (In Russian).

Markaryan, S.B. (2014). Traditsionnoye i novoye v yaponskoi semye [Traditional and new in Japanese family], in *Yaponskoye obshchestvo: izmenyayushcheyesya i neizmennoye* [Japanese society: changing and changeless], Moscow. (In Russian).

Nagano, Hitoshi (2017). Rodo to koyo-no keizaigaku [The economic theory of labor and employment], Tokyo. (In Japanese).

Population 15 years old and over by Labor Force Status, Five-year Age Groups and Sex (1920–2005), Statistics Bureau, URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/chouki/19/html> (accessed: 1 October 2018).

Rodoryoku chyosa 2018 [Survey of labor force 2018], Ministry of Health, Labor and Welfare, URL: <http://www.mhlw.go.jp> (accessed: 10 October 2018). (In Japanese).

Statistics Bureau Homepage, URL: <http://www.stat.go.jp> (accessed: 10 October 2018).

Streltsov, D.V. (2013). Yaponiya: politicheskaya modernizatsiya epohi Heisei [Japan: political modernization of Heisei period], Moscow. (In Russian).

The Second Review and Appraisal of the Madrid International Plan of Action on Ageing. Japan's Report, URL: <http://who.int/ageing/events/mipaa/en/> (accessed: 1 March 2014).

Поступила в редакцию 24.10.2018

Received 24 October 2018

Для цитирования: Лебедева И.П. Япония: проблемы занятости пожилых работников // Японские исследования. 2018. №4. С. 60–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10028

For citation: Lebedeva I.P. (2018). Yaponiya: problemy zanyatosti pozhilykh rabotnikov [Japan: the problems of employment of elderly workers], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2018, 4: 60–77. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10028

Японские исследования. 2018. № 4. С. 78–91.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 78–91.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии

А.Н. Панов, В.В. Нелидов

Аннотация. В статье рассматривается специфика внешнеполитического курса Японии в свете современной ситуации в Северо-Восточной Азии, претерпевающей существенные изменения в связи с ослаблением роли США, подъёмом экономической и политической мощи Китая, а также обострением целого ряда региональных противоречий и конфликтов. В этих условиях японское руководство предпринимает ряд шагов в военно-политической сфере, служащих наглядным свидетельством всё более активного характера японского внешнеполитического курса.

С точки зрения Японии, главными угрозами её национальной безопасности являются, прежде всего, «фактор Китая» и «угроза со стороны КНДР». Первый, в значительной степени, связан с обострением японо-китайского территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, и это вынуждает Японию как наращивать собственную военную мощь, так и прикладывать усилия для укрепления сотрудничества с Соединёнными Штатами и, потенциально, другими региональными государствами. Однако территориальный спор является лишь открытым выражением более глубоких противоречий, так или иначе затрагивающих весь спектр японо-китайских отношений, что, впрочем, не мешает Японии искать в то же время и пути налаживания добрососедских отношений с КНР. При этом территориальный вопрос и проблемы исторического прошлого омрачают не только японо-китайские, но и японо-южнокорейские отношения. Предпринимаемые Японией меры для защиты от «угрозы со стороны КНДР», выражаются, главным образом, в проведении жёсткой линии по вопросу об антисеверокорейских санкциях и решении корейской ракетно-ядерной проблемы, усилиях по решению проблемы похищенных японских граждан, а также, если говорить о военной политике, в развитии национальной системы ПРО.

В то же время с Россией отношения в военно-политической сфере развиваются, в целом, в добрососедском ключе. Хотя отдельные проблемные моменты и сохраняются, на официальном уровне Япония не считает Россию угрозой для себя и выступает за поддержание широких контактов между Москвой и Токио в этой сфере.

Ключевые слова: внешняя политика, военная политика, военно-политическая ситуация, Северо-Восточная Азия, Силы самообороны Японии, японо-американский союз.

Авторы:

Панов Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Нелидов Владимир Владимирович, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Japan's foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia

A.N. Panov, V.V. Nelidov

Abstract. The article considers the specific features of Japan's foreign policy course in the light of the present situation in North East Asia, which is undergoing substantial change due to the weakening of the role of the United States, the rising economic and political power of China, as well as the aggravation of a number of regional contradictions and conflicts. In these circumstances, Japanese leadership takes several steps in the military-political field, serving testament to the Japanese foreign policy course becoming increasingly active.

From Japan's point of view, the main threats to its security are, first and foremost, "the China factor" and "the threat from the DPRK". The former is caused, to a large extent, by the exacerbating Japan-China territorial dispute around the Senkaku/Diaoyu islands, which forces Japan both to upgrade its military might and to expend efforts in order to strengthen its cooperation with the United States and, potentially, other regional nations. However, the territorial dispute is but a manifestation of deeper contradictions, in this way or another affecting the entire spectrum of Japan-China relations, even though this does not prevent Japan from seeking ways to develop friendly relations with the PRC. Meanwhile, the territorial issue and the problems of historical past mar not only Japan-China, but only Japan-South Korea relations. Japan also takes measures to defend itself from "the threat from the DPRK", which is expressed, largely, in its strict policy regarding the anti-DPRK sanctions and the resolution of the Korean missile and nuclear issues, its efforts to resolve the problem of abducted Japanese citizens, and also, in the field of military policy, in the development of a national missile defense system.

At the same time, Japan's relations with Russia in the military-political field develop largely in a good-neighborly fashion. While certain problematic issues remain, officially, Japan does not see Russia as a threat and advocates the maintenance of broad contacts between Moscow and Tokyo in this field.

Keywords: foreign policy, military policy, military-political situation, North East Asia, Japan Self-Defense Forces, Japan-U.S. alliance.

Authors:

Panov Alexandr N., Doctor of Sciences (Political), Professor; Head of the Department for Diplomatic Studies of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Chief Research Fellow of the Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences; Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Nelidov Vladimir V., Lecturer, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Research Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Современная обстановка в Северо-Восточной Азии (СВА), регионе, который включает Россию, Китай, США, Японию, Республику Корея и КНДР¹, находится под воздействием стремительно разворачивающихся глобальных процессов, связанных с формированием

¹ Монголия находится в географической сфере СВА, однако по причине малого политического, экономического и военного влияния, как правило, в исследованиях региональных проблем не фигурирует.

новой расстановки сил на мировой арене, а также всё чаще обостряющимися «местными проблемами», в число которых входят ситуация на Корейском полуострове, территориальные споры, торгово-экономические противоречия. В связи с этим актуальной как с научной, так и с практической точек зрения, задачей представляется оценка внешнеполитических приоритетов и перспектив Японии как одного из ведущих игроков СВА в свете указанных международно-политических процессов.

Многие из тенденций, характеризующих нынешнюю обстановку в СВА, в полной мере проявились лишь в последнее время. Ещё в 90-е годы XX века и начале XXI века обстановка в СВА и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в целом, хотя изредка и испытывала негативное воздействие ряда кризисов и противоречий, связанных с тайваньской проблемой, началом КНДР разработки ядерного оружия, территориальными спорами в Южно-Китайском море, однако в основном характеризовалась отсутствием острых столкновений между державами региона и концентрацией на вопросах регионального экономического развития, включая разноплановые тенденции торгово-экономической интеграции.

В первое время после окончания холодной войны в СВА установилась определённая стабильность. Лидирующие позиции обеспечивали США, опиравшиеся на свои военно-политические союзы с Японией и Республикой Корея. Китай только начинал своё бурное экономическое развитие и поиски своего места в региональной политике. При этом серьёзное значение придавалось формированию нового типа отношений с демократической Россией, которая, в свою очередь, искала опору своей политике на Дальнем Востоке и всё более видела её в развитии дружеских отношений с Китаем.

КНДР после того, как Россия отказалась следовать курсу Советского Союза на оказание поддержки в обеспечении её безопасности, и на фоне установления Москвой и Пекином дипломатических отношений с Сеулом, в то время как Вашингтон и Токио продолжали политику непризнания Пхеньяна, почувствовала себя в ущемлённой, уязвимой позиции и приступила к развертыванию программы создания ракетно-ядерного оружия. Однако эта программа не предполагала быстрых результатов в силу экономической слабости КНДР, и потому возможная угроза обладания Пхеньяном ядерным оружием учитывалась соседними странами, но кризисной остроты не имела.

Периодически обострялись, но в рамках традиционных противоречий, территориальные споры вокруг проблемы «северных территорий» в российско-японских отношениях, островов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) между Китаем и Японией, японо-южно- и северокорейский спор по поводу принадлежности островов Такэсима (кор. Токто), противоречия Китая с рядом стран по поводу принадлежности атоллов и отмелей в Южно-Китайском море, а также ситуация вокруг Тайваня.

На настоящее время расстановка сил в Северо-Восточной Азии изменилась, и «однополярный момент» – ситуация, которую впервые охарактеризовал этим термином в 1990 г. американский автор Чарльз Краутхаммер в одноимённой статье в журнале *Foreign Affairs* [Krauthammer, 1990] – закончился куда быстрее, чем ожидали многие. Китай по своему воздействию на региональную политику и региональные страны не только сравнялся с США, но всё более претендует на лидирующие позиции. Сформировалось китайско-российское взаимодействие в политической, экономической и военной сферах, ставшее весомым фактором не только региональной, но и глобальной политики.

США, в свою очередь, пытаются не допустить ослабления своей роли в делах СВА, наращивают военное присутствие в АТР, укрепляют, модернизируют, приспособливают к новым реалиям свои союзы с Японией и Южной Кореей, которые, в свою очередь, во всё большей степени начинают учитывать в своей стратегии китайский фактор.

Токио, опасаясь возможности объединения Москвы и Пекина на антияпонской основе, пошёл на серьёзное улучшение отношений с Россией, фактически не поддержав на практике антироссийскую политику санкций, проводимую США и государствами Западной Европы.

Сеул начал искать пути улучшения отношений с Пекином. КНДР, произведя серию испытаний ядерного и ракетного оружия, объявила себя ядерной державой. В результате в 2017–2018 гг. обстановка на Корейском полуострове резко обострилась и была поставлена на грань развёртывания военных действий. Хотя в результате многоходовой политико-дипломатической активности вовлечённых в кризис государств удалось достичь снижения напряжённости на Корейском полуострове, проблемы, породившие кризис, остаются далекими от разрешения.

Таким образом, в СВА выявились две группы государств, которые, официально не заявляя об этом, стремятся, тем не менее, обеспечить себе лидирующие позиции в определении вектора развития военно-политической и экономической обстановки в регионе. Это США и их военно-политические союзники Япония и Республика Корея, с одной стороны, а с другой Китай и Россия, объявившие о наличии между ними всеобъемлющего стратегического партнёрства. К последним примыкает и КНДР, связанная особо тесными отношениями с Китаем, с которым она имеет договор военно-союзного значения.

Примечательно, что, хотя в такой расстановке сил и имеются «центральные игроки» – США и Китай, другие государства обладают возможностями действовать в отношении ряда региональных проблем и связей с другими странами самостоятельно, соблюдая в то же время определённую степень координации с «генеральной линией Центра». Так, президент РК Мун Чже Ин в период, когда администрация президента США Д. Трампа развёртывала политику жёсткой изоляции и санкций в отношении КНДР, предпринял шаги к налаживанию связей с северокорейским руководством и даже провёл беспрецедентную встречу с Ким Чен Ыном в Пханмунджоме. Премьер-министр Японии Абэ Синдзо, вопреки заявлению президента США Б. Обамы, развернувшего курс на политическую изоляцию России и проведение антироссийской санкционной политики, пошёл на активное развитие отношений с Москвой. Упорно «независимую» политику в связи со своей ракетно-ядерной программой долгое время демонстрировал Пхеньян, хотя в конечном итоге он оказался вынужден под давлением санкций и «советов» Пекина пойти на уступки, ограничив свои ядерные амбиции.

Таким образом, страны Северо-Восточной Азии имеют разноплановые цели и интересы как стратегического, так и тактического характера, и всё более делают акцент на достижение их, опираясь не только на экономический, но и военный потенциал.

Подобная региональная военно-политическая обстановка ведёт к тому, что политическое руководство Японии в лице правящей Либерально-демократической партии и прежде всего её председателя С. Абэ, возглавляющего правительство с 2012 г. и по итогам состоявшихся в сентябре 2018 г. выборов председателя партии получившего реальную возможность пробыть на своём посту до 2021 г., став таким образом самым «долгоживущим» главой правительства за всю новую историю Японии, исходит из того, что внешнеполитическая обстановка вокруг Японских островов складывается неблагоприятно с точки зрения

обеспечения безопасности страны и, более того, продолжает ухудшаться. Что же касается конкретных вызовов, то как в заявлениях японского руководства, так и в ключевых программных документах военной политики Японии (среди которых можно назвать принятые в 2013 г. «Стратегию национальной безопасности» [Кокка андзэн...] и «Руководящие принципы национальной обороны на период с 2014 ф.г.» [Хэйсэй 26 нэндо...]), в качестве ключевых угроз национальной безопасности указываются, прежде всего, «фактор Китая» и «угроза со стороны КНДР».

На китайском направлении главные проблемы, с точки зрения Токио, связаны с тем, что в результате стремительного наращивания своей экономической мощи и военного потенциала КНР всё более напористо продвигает свои интересы в регионе, стремясь обеспечить себе в нём доминирующие позиции. При этом идёт вытеснение японского присутствия, прежде превалировавшего в экономике и на рынках стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Но, что более всего беспокоит Токио, осуществляется целенаправленный курс на формирование «морского пояса безопасности» китайской территории на дальних подступах к ней, в связи с чем обостряются территориальные споры Пекина с соседними государствами, включая Японию. Решённым считали в Японии вопрос о принадлежности островов Сэнкаку, когда по японо-американскому соглашению 1972 г. США возвратили Японии административные права на архипелаг Нансэй (включая эти острова), которым они управляли после Второй мировой войны. Однако КНР охарактеризовала эту передачу как «грубое нарушение суверенитета Китая», поскольку эти острова, по-китайски называемыеся Дяоюйдао, «исторически и юридически всегда принадлежали Китаю» [Панов, 2014, с. 511–523].

Споры между Токио и Пекином по поводу принадлежности Сэнкаку начали обостряться со второго десятилетия XXI века, когда вокруг островов активизировалось противостояние, связанное с демонстративным входом китайских судов и самолетов в территориальные воды и воздушное пространство над островами. Японское правительство предприняло ряд мер по «защите своей территории». В районе островов были дополнительно размещены сторожевые корабли Управления безопасности на море, усилено слежение за передвижением китайского флота в Восточно-Китайском море, для чего Силы самообороны Японии (ССЯ) расширили сеть военных баз на островах вблизи от юго-западных морских рубежей страны, были сформированы десантные подразделения, готовые высадиться на острова в случае попыток занятия их Китаем. Заслуживает внимания тот факт, что в заявлениях официальных лиц и программных документах японской стороны проблема Восточно-Китайского моря нередко упоминается в единой связке с проблемой Южно-Китайского моря – территориальным спором, в который Токио не вовлечён непосредственно, но в котором он однозначно выступает против территориальных притязаний Пекина, расценивая их, как и в случае с Восточно-Китайским морем, как «односторонние попытки изменить статус-кво» [Гордеева, 2017, с. 99].

Кроме этого, японское руководство и лично премьер-министр С. Абэ настойчиво добивались и продолжают добиваться подтверждения сначала президентом США Б. Обамой, а затем и президентом Д. Трампом того, что острова Сэнкаку подпадают под действие японо-американского «договора безопасности», согласно которому в случае нападения на японскую территорию американские вооруженные силы будут защищать их совместно с

японскими Силами самообороны. Однако США, признавая административный контроль Японии над островами Сэнкаку, тем не менее высказываются за то, чтобы эта территориальная проблема между Токио и Пекином была решена мирным переговорным путём. Вашингтон явно не заинтересован быть вовлечённым в потенциальный японо-китайский вооружённый конфликт.

И хотя на данный момент и Токио, и Пекин стараются не доводить кризис до «крайнего уровня» и вооружённых инцидентов даже малой степени, проблема островов Сэнкаку в наиболее открытой форме отражает более глубокие противоречия между Японией и Китаем, так или иначе оказывающие влияние на весь комплекс двусторонних отношений. Заключив с Пекином в 1978 г. Договор о мире и дружбе, Токио предпринял немалые усилия к созданию в китайском руководстве благожелательного отношения к Японии, к тому, чтобы «загладить вину» за агрессию против Китая в 30-е – 40-е годы XX в. КНР была предоставлена значительная экономическая помощь, на политическом уровне демонстрировалось дружеское отношение к китайскому народу. Однако эта стратегия не сработала. Китай воспринял японскую экономическую помощь как «должное», как «расплату за прошлые обиды, нанесённые китайскому народу». С тех пор как в начале 2010-х годов Япония впервые за сорок лет лишилась второй позиции в рейтинге крупнейших экономик мира, уступив это место Китаю, Токио потерял возможность использовать экономический фактор в отношениях с Пекином. Ныне во внешнеторговом обороте Японии торговля с КНР занимает более 20 %, в то время как доля Японии во внешней торговле КНР составляет менее 10 %.

В китайском руководстве и в широких кругах китайской общественности превалирует мнение о том, что Япония искренне не раскаялась за агрессию против Китая. При этом резко негативно, вплоть до прекращения встреч на высшем уровне, Пекин реагирует на посещение японскими главами правительства, министрами, депутатами парламента храма Ясукуни, где «покоятся души» казнённых японских военных преступников, а также на попытки японских политиков и учёных отрицать зверства японской армии в отношении гражданского населения Китая во время агрессивной войны. Внимательно отслеживает Китай и японские меры по наращиванию оборонительных возможностей, выступая с их критикой, а также выражая недовольство укреплением японо-американского военно-политического союза, понимая, что именно «сдерживание» Китая является одной из ключевых стратегических задач этого альянса.

Тем не менее, несмотря на все эти негативные тенденции, периодически приводящие к серьёзным кризисам в двусторонних отношениях, японское правительство осознаёт важность того, чтобы иметь с Китаем, своим могущественным соседом, стабильные и неконфронтационные отношения. В 2018 г. достигнута договорённость о возобновлении обмена визитами на высшем уровне (до этого встречи С. Абэ с председателем КНР Си Цзиньпином проводились только «на полях» международных совещаний и форумов). Это, в свою очередь, сделало возможным визит С. Абэ в Пекин в октябре 2018 г. – первый за семь лет визит японского премьер-министра в Китай, который, хотя и не принёс каких-либо революционных результатов, продемонстрировал, тем не менее, нацеленность сторон на развитие сотрудничества [Hurst, 2018].

По японской инициативе были возобновлены тройственные встречи Япония – КНР – РК. В мае 2018 г. в Токио премьер-министр Японии С. Абэ, премьер-министр КНР Ли Кэцян и президент РК Мун Чже Ин обсудили обстановку на Корейском полуострове и высказались

за сотрудничество в деле денуклеаризации Северной Кореи, рассмотрели вопросы, связанные с перспективами создания трёхсторонней зоны свободной торговли. В рамках встречи была достигнута японо-китайская договоренность об установлении линии горячей связи между вооружёнными силами Японии и Китая, что призвано снизить риск неспровоцированных военных инцидентов и столкновений.

Токио демонстрирует намерение сотрудничать с Пекином и в рамках выдвигаемых последним многосторонних инициатив: так, японское правительство изъявило готовность подключиться к реализации китайской концепции «Один пояс, один путь». Кроме того, Япония стала участником инициированного Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Вместе с тем в плане «стратегического сдерживания» растущих амбиций Китая премьер-министр С. Абэ выступил с идеей создания, как он назвал, «Азиатского демократического бриллианта безопасности». Впервые он высказался за формирование «четвертного союза», объединяющего Японию, Индию, США и Австралию, в своей речи в парламенте Индии еще 22 августа 2007 г. во время своего первого срока на посту премьер-министра. По его задумке, такой союз состоял бы из «самой богатой демократии Азии – Японии, самой многочисленной по населению демократии – Индии, самой большой по территории демократии – Австралии и демократического гегемона – США». Таким образом, «объединялись» бы два океана – Тихий и Индийский [Suzuki, 2016].

Впоследствии, вновь заняв в 2012 г. кресло главы японского правительства, С. Абэ вернулся к идее безопасности и сотрудничества в формате «Индо-Тихоокеанской четвёрки» («Четырёхстороннего диалога безопасности», в англоязычных источниках сокращенно называемого Quad), начав обговаривать свою идею с президентом США Б. Обамой, премьер-министром Индии Н. Моди и премьер-министром Австралии М. Тернбуллом. В Вашингтоне идея С. Абэ понравилась, тем более что и пришедшая к власти в 2017 г. новая американская администрация придерживалась сходных взглядов на приоритеты внешней политики в регионе. На саммите АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г. Д. Трамп провозгласил целью своей политики в Азии создание «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона». Вместе с тем нельзя не признать, что указанная идея имеет пока достаточно общий, абстрактный характер, и отношение к ней не только Индии, но и Австралии остаётся неоднозначным.

В Токио отдают себе отчёт в том, что военные потенциалы и возможности Японии и Китая несопоставимы (в Народно-освободительной армии Китая – 3 млн человек, в Силах самообороны Японии – 255 тыс.). Поэтому в плане обеспечения безопасности страны и «сдерживания» Китая в Токио полагают недостаточными предпринимавшиеся до настоящего времени меры по укреплению боеспособности Сил самообороны Японии, и в последнее время на этом направлении были осуществлены дополнительные усилия. Впервые за несколько лет увеличены расходы на оборону (в бюджете на 2016 г. было выделено 48,5 млрд долл., на 2017 г. запрошено 48,6 млрд долл. [Асахи, 2018]). Изменено законодательство, позволяющее теперь японским вооружённым силам действовать в ряде случаев совместно с вооружёнными силами США для отражения угроз японской безопасности вне пределов территории Японии. Продолжился запущенный по инициативе премьер-министра С. Абэ процесс, призванный внести изменения в 9 статью Конституции, запрещающую стране иметь полноценные вооружённые силы.

Запланировано увеличить в сухопутных войсках количество дивизий и бригад быстрого реагирования, в том числе сформировать одно соединение морского десантирования, поставить в военно-морские силы дополнительно 7 эсминцев (сейчас 47), 2 крупных десантных корабля-вертолетоносца (сейчас 2) и 6 подводных лодок (сейчас 16); военно-воздушные силы получают дополнительно 20 штурмовиков (сейчас 340) и 20 истребителей (сейчас 260).

Уже в настоящее время Япония обладает современными, хорошо оснащёнными вооружёнными силами. Однако Силы самообороны не имеют наступательных вооружений – бомбардировщиков, ракет средней и большой дальности, авианосцев, крейсеров и атомных подводных лодок. В то же время Япония располагает самым большим в АТР количеством эсминцев. Приоритеты военной политики Токио наглядно демонстрирует и тот факт, что в последнее время Япония сокращает свою военную группировку на Хоккайдо и переводит войска в южные районы для «противостояния китайской угрозе».

Япония приступила к проведению регулярных учений по отражению нападения на «отдаленные острова». В июне 2013 г. подобные маневры прошли в Калифорнии совместно с американскими морскими пехотинцами. В начале января 2014 г. были проведены учения под названием «Защита островов», в ходе которых японские воздушно-десантные подразделения «освободили захваченные условным противником острова».

Основную надежду на обеспечение безопасности Японии Токио по-прежнему возлагает на японо-американский военно-политический союз, являющийся ключевым элементом японской внешнеполитической стратегии на протяжении всего послевоенного периода. Вместе с тем в японских политических и военных кругах нет уверенности в том, что США выполняют свои обязательства по защите интересов Японии при любых обстоятельствах. Не исключается, что США могут договориться с Пекином и оставить Японию «один на один» с Китаем, а как отмечает авторитетный японский политолог Макото Йокибэ, существует боязнь того, что президент Д. Трамп «предоставит решать проблемы региональным гегемонам – России и Китаю, что будет иметь серьёзные последствия для Японии» [Yokibe, 2016].

Подобная неопределённость не является для японской стороны чем-то новым – страх быть «покинутыми» американскими союзниками перед лицом внешней угрозы существовал в Токио ещё во времена холодной войны, когда главной угрозой в Японии считали СССР. Более того, именно стремление укрепить японо-американский союз и тем самым гарантировать, что в случае внешнего нападения Соединённые Штаты не бросят Японию на произвол судьбы, было ключевой причиной, по которой японское руководство стремилось «увеличить вклад» в военно-политическое сотрудничество с США.

Та же самая логика имеет место и в наши дни, когда политическое руководство и лично С. Абэ на всех встречах с президентом Д. Трампом подчёркивает важность для США «не покидать Японию» и заверяет его в том, что Япония является наиболее важным для США союзником в АТР, а японские Силы самообороны в высокой степени подготовлены к взаимодействию с вооружёнными силами США в регионе.

Свидетельством нацеленности Токио на дальнейшее развитие сотрудничества с Вашингтоном в военной сфере призвана была стать принятая в 2015 г. новая редакция «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области безопасности» – ключевого двустороннего документа, касающегося оперативного взаимодействия

вооружённых сил двух стран [Стрельцов, 2016, с. 26]. И в этом же ключе, как средство повысить уровень обязательств по возможной поддержке США в регионе и мире, имеет смысл рассматривать, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе, инициативу С. Абэ по принятию вступившего в силу в марте 2016 г. пакета законов, известного как «Законодательство об обеспечении мира и безопасности», что открыло путь для участия японских вооружённых сил в коллективной самообороне, пусть и при соблюдении целого ряда ограничений [Добринская, 2016, с. 77–78].

Следует отметить, что территориальный вопрос играет свою негативную роль и в отношениях Японии с Республикой Корея: атмосфера в японо-южнокорейских отношениях периодически обостряется в связи со спором вокруг принадлежности небольших островов Такэсима (кор. Токто), находящихся под административным контролем Республики Корея. Южнокорейская сторона не стесняется наглядно демонстрировать свою позицию в этом споре: в 2012 г. президент Ли Мён Бак первым из руководителей страны посетил эти острова, а южнокорейские самолёты и корабли регулярно проводят масштабные учения в окрестностях островов. Япония, в свою очередь, не признаёт принадлежность островов РК и заинтересована в том, чтобы США поддержали её позицию. Однако Вашингтон предпочитает занимать нейтральную позицию, опасаясь, что, поддержав одного союзника, он серьёзно испортит отношения с другим.

При этом в вопросах исторического прошлого Сеул и Пекин действуют с общих позиций, апеллируя к вине Японии за преступления, совершённые ею в период колониальной экспансии. Так, выступая в Сеульском университете, председатель КНР Си Цзиньпин особо отмечал, что «японские милитаристы вели варварские, агрессивные войны против Китая и Кореи» [Июмиури].

Вторую по значимости угрозу, вслед за китайской, в Токио усматривают в реализации Пхеньяном ракетно-ядерной программы. Япония не признает КНДР, не имеет с этой страной дипломатических отношений, наиболее последовательно исполняет введённые по решению СБ ООН антисеверокорейские санкции и выступает против их снятия до наступления полной уверенности в том, что Пхеньян ликвидировал уже созданное ядерное и ракетное оружие. Но если действия США, нацеленные на «сдерживание» Северной Кореи, неизменно пользуются полной политической поддержкой со стороны Токио [Кистанов, 2017, с. 83], то к исходящим из Вашингтона в адрес Пхеньяна примирительным инициативам японское руководство относится с настороженностью. Так, после встречи Д. Трампа с Ким Чен Ыном в июне 2018 г. в Сингапуре в Японии было проявлено немалое беспокойство тем, что американский президент может ограничиться только требованием отказа Пхеньяна от ядерного оружия и межконтинентальных баллистических ракет, потенциально способных достигнуть американской территории. Для Японии же более актуальна проблема наличия у КНДР большого количества ракет средней дальности, способных поразить цели на Японских островах. В связи с этим министр иностранных дел Японии Коно Таро в начале марта 2018 г. на прошедшей в Вашингтоне встрече с министром обороны США Д. Мэттисом и кандидатом на пост госсекретаря США М. Помпео передал «просьбу» японской стороны, чтобы на встрече с Ким Чен Ыном Д. Трамп потребовал от северокорейской стороны отказаться от ракет средней дальности и решить проблему японских граждан, похищенных северокорейцами в 70-е – 80-е годы XX в.

«Проблема похищенных» в Японии возведена в ранг особо принципиальной, без разрешения которой японское правительство не намерено идти на нормализацию отношений с Пхеньяном. На встрече премьер-министра Дз. Коидзуми с руководителем КНДР Ким Чен Иром в 2002 г. северокорейская сторона признала, что похищение японцев имело место, и пятеро из них вернулись в Японию. Однако японское правительство исходит из того, что были возвращены не все похищенные японцы, и требует предоставления «полной информации об их судьбе».

Именно для противодействия северокорейской ракетной угрозе японское правительство еще с начала 2000-х годов приступило к развертыванию системы ПРО. В настоящее время на территории Японии имеется несколько наземных позиционных районов тактической ПРО с использованием зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» РАС-3 для защиты Токио и прикрытия наиболее важных военных баз. Продолжается оснащение японских эсминцев системой ПРО «Иджис», и количество таких кораблей планируется довести до восьми. Помимо этого, в декабре 2017 г. японское правительство приняло решение о размещении к 2023 г. двух наземных батарей системы «Иджис» (стоимостью около 2 млрд долл.), оснащённых новыми противоракетами Standard Missile-3 Block II, совместно разработанными американскими и японскими компаниями. Как предполагается, эти батареи смогут прикрыть от ракетного нападения всю территорию страны.

При этом вопрос японской ПРО является одной из «болевых точек» в отношениях Токио и Москвы. Россия рассматривает формирование в Японии системы ПРО в качестве азиатского компонента создаваемой США стратегической ПРО и в связи с этим официально выражает своё критическое отношение к таким действиям японского правительства. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил России В. Герасимов на встрече с министром обороны Японии И. Онодера в декабре 2017 г. подчеркнул, что озабоченность российской стороны связана с тем, что контроль за наземной системой «Иджис» будет находиться у американских военных [Асахи, 2017]. С японской стороны делаются разъяснения в том плане, что указанная система ПРО разворачивается исключительно в связи с развитием Северной Кореей программы создания ракетно-ядерного оружия, не представляет угрозы соседним с Японией странам, включая Россию, и будет контролироваться полностью Силами самообороны, а не американскими военными (см. интервью министра иностранных дел Японии Т. Коно [Независимая газета]).

Тем не менее, российская сторона продолжает отслеживать размещение на японской территории системы ПРО и дополнительно обращает внимание на то, что пусковые установки «Иджис» могут быть использованы и для запуска ударных крылатых ракет, а это способно изменить обстановку безопасности в Восточной Азии. Особенно актуально это ввиду того, что в Японии рассматривается возможность разработки собственных крылатых ракет большой дальности. Пока же в бюджете на 2018 г. выделено 2,2 млрд иен на закупки крылатых ракет воздушного базирования дальностью 400 км норвежского производства.

В свою очередь Токио внимательно следит за возрастающей активностью российских вооружённых сил на Дальнем Востоке. По мнению японских военных аналитиков, она связана с ухудшением российско-американских отношений и стремлением Москвы создать от Камчатки до Южных Курил линию обороны, которая бы препятствовала свободному проходу американских кораблей, особенно авианосцев, в Охотское море. С этой целью на Курильских островах размещены противокорабельные ракеты «Бал» и «Бастион»,

модернизируются базы на островах Кунашир и Итуруп, где начали дислоцироваться истребители-бомбардировщики Су-35С. По официальным каналам Токио выражает протесты против наращивания российской военной группировки на Южных Курилах, на островах Кунашир, Итуруп и Шикотан, на которые он претендует. При этом подчёркивается, что такие действия серьёзно осложняют процесс переговоров по мирному договору.

Но даже с учётом этого японское правительство не считает, что на данном этапе со стороны России исходит военная угроза для Японии. Формулировки о «российской угрозе» были исключены из программных документов в конце 90-х годов XX в., а японское руководство заинтересовано в поддержании широких контактов и обменов между российскими вооружёнными силами и Силами самообороны, в обмене мнениями по широкому кругу международных проблем, по обстановке в сфере безопасности в Восточной Азии и в АТР в целом.

Так, Токио инициировал проведение на регулярной основе консультаций в формате «2+2», т.е. министров иностранных дел и министров обороны. Подобные консультации Япония проводит только с США и Австралией. Очередные российско-японские консультации состоялись в Москве летом 2018 г. На плановой основе осуществляются обмены визитами военных кораблей двух стран, проведение совместных учений по поиску и спасению на море.

Государственно-правовой фундамент оборонной политики Японии, который заложен в 9 статье японской Конституции, пока остается неизменным, хотя С. Абэ и провозглашает в качестве одной из своих ключевых политических целей пересмотр конституции, с тем чтобы в 9 статью было добавлено положение о существовании Сил самообороны. Тем не менее, успех в этом начинании ему далеко не гарантирован – в немалой степени потому, что в японском обществе сохраняются сильные пацифистские настроения, препятствующие радикальному пересмотру внешней и военной политики. Вместе с тем изменения в региональной обстановке, связанные с возвышением Китая и обострением ситуации на Корейском полуострове, побуждают японское руководство вносить определённые коррективы в основные направления своей политики в сфере обеспечения безопасности страны.

Япония заинтересована в поддержании устойчивого баланса сил в четырёхугольнике Япония – США – Китай – Россия. Токио не хотел бы столкнуться ни с чрезмерным сближением Вашингтона с Пекином, ни с обострением отношений между этими «двумя гигантами». При налаживании разносторонних связей с Москвой ставится задача обезопасить Японию от «китайского давления». Баланс сил в рамках взаимодействия четырёх крупнейших держав региона позволит, по японским расчётам, обеспечить региональную стабильность и безопасность, в том числе и Японии. Одновременно Токио получает возможность повысить свою роль и влияние не только на региональном уровне, но и в мировой политике в целом.

Таким образом, реагируя на претерпевающую существенные изменения военно-политическую обстановку в Северо-Восточной Азии, характеризующуюся, среди прочего, распадом системы однополярного доминирования Соединённых Штатов, и стремясь обеспечить собственную безопасность, официальный Токио предпринимает широкий спектр шагов в военно-политической сфере. Безусловно, японо-американский союз по-прежнему остаётся основой курса Токио в этой сфере и, по всей видимости, останется ею в обозримом

будущем. Но в рамках этого союза и в согласии с его стратегическими целями Япония демонстрирует всё большую готовность к проведению в жизнь собственных внешнеполитических инициатив и «игре на опережение». Наглядным примером этому могут послужить продвижение сотрудничества в формате «Индо-Тихоокеанской четвёрки» или курс на налаживание отношений с Москвой даже в условиях ухудшения отношений России с Западом.

Подобные качественные трансформации внешнеполитического курса затрагивают целый ряд направлений не только двустороннего, но и многостороннего сотрудничества. Достаточно упомянуть, что после выхода США из проекта «Транстихоокеанского партнёрства» (ТТП) именно Япония стала одним из главных инициаторов нового варианта этого соглашения, получившего название ТТП-11, или «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнёрства» (ВПТТП). А потому вполне можно говорить, что японская внешняя политика, в адрес которой на протяжении послевоенных десятилетий неоднократно звучали упреки в пассивности [Calder, 1988] и в безынициативном следовании за политикой Вашингтона, претерпевает пусть и постепенные, но фундаментальные изменения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асахи симбун. 12.12.2017.

Асахи симбун. 10.08.2018.

Гордеева И.В. Территориальные споры в Южно-Китайском море и позиция Японии // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXXI. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 91–109.

Добринская О.А. Законодательство об обеспечении мира и безопасности: глобальное, региональное и национальное значение // Япония 2016. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 61–78.

Иомиури симбун. 05.07.2014.

Кистанов В.О. Ракетно-ядерная проблема Северной Кореи и Япония // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXXI. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 81–90.

Кокка андзэн хосё: сэнряку ни цуитэ : [О стратегии национальной безопасности]. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy.pdf (дата обращения: 03.11.2018). (На яп.).

Независимая газета. 30.07.2018.

Панов А.Н. О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 608 с.

Стрельцов Д.В. Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы // Проблемы Дальнего Востока. № 3. 2016. С. 21–31.

Хэйсэй 26 нэндо ико: ни какавару бо:эй кэйкаку но тайко: ни цуитэ : [О руководящих принципах программы национальной обороны на период с 2014 финансового года]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217.pdf> (дата обращения: 03.11.2018). (На яп.).

Calder K. Japanese Foreign Economic Policy Formation: Explaining the Reactive State // World Politics, Vol. 40, No. 4 (Jul., 1988). С. 517–541. DOI: 10.2307/2010317.

Hurst D. Abe Wants 'New Era in China-Japan Relations // *The Diplomat*. 26.10.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/10/abe-wants-new-era-in-china-japan-relations/> (дата обращения: 03.11.2018).

Iokibe M. Revive U.S. sense of responsibility toward world order // *The Mainichi*. 11.11.2016. URL: <http://mainichi.jp/english/articles/20161111/p2a/00m/0na/024000c> (дата обращения: 02.11.2018).

Krauthammer C. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. №70, вып. 1. С. 23–33. DOI: 10.2307/20044692.

Suzuki Y. Abe's Indo-Pacific Security Diamond Begins to Shine // *Sasakawa USA*. 22.02.2016. URL: <https://spfusa.org/nippon-com/abes-indo-pacific-security-diamond-begins-to-shine/> (дата обращения: 01.11.2018).

REFERENCES

Asahi Shimbun, 12 December 2017.

Asahi Shimbun, 10 August 2018.

Calder, K. (1988). Japanese Foreign Economic Policy Formation: Explaining the Reactive State, *World Politics*, 40(4): 517–541. DOI: 10.2307/2010317

Dobrinskaya, O.A. (2016). Japan's Legislation for Peace and Security: its Global, Regional and National Significance, *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*, Moscow: AIRO-XXI: 61–78. (In Russian).

Gordeeva, I.V. (2017). Territorial disputes in the South China Sea and the Position of Japan, *Aktual'nyye problemy sovremennoy Yaponii [Actual problems of modern Japan]*, Issue XXXI. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS: 91–109. (In Russian).

Heisei 26 nendo iko: ni kakawaru bo:ei keikaku no taiko: ni tsuite [On the National Defense Program Guidelines for FY2014 and beyond]. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217.pdf> (accessed: 3 November 2018). (In Japanese).

Hurst, D. (2018). Abe Wants 'New Era in China-Japan Relations. *The Diplomat*. 26 October, URL: <https://thediplomat.com/2018/10/abe-wants-new-era-in-china-japan-relations/> (accessed: 3 November 2018).

Iokibe, M. (2016). Revive U.S. sense of responsibility toward world order // *The Mainichi*. 11 November, URL: <http://mainichi.jp/english/articles/20161111/p2a/00m/0na/024000c> (accessed: 2 November 2018).

Kistanov, V.O. (2017). The Problem of Rocket-Nuclear Weapons of North Korea and Japan, *Aktual'nyye problemy sovremennoy Yaponii [Actual problems of modern Japan]*, Issue XXXI. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS: 81–90. (In Russian).

Kokka anzen hoshō: senryaku ni tsuite [On the National Security Strategy], URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy.pdf (accessed: 3 November 2018). (In Japanese).

Krauthammer, C. (1990). The Unipolar Moment, *Foreign Affairs*, 70(1): 23–33. DOI: 10.2307/20044692

Nezavisimaya Gazeta, 30 July 2018. (In Russian).

Panov, A.N. (2014). О Японии. Очерки и исследования дипломата [On Japan. A diplomat's essays and studies], Moscow: OLMedia Media Grupp. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2016). Japan's Policy in the Field of Military Security Pursued by the Abe Governments: New Approaches, *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], Is. 3: 21–31. (In Russian).

Suzuki, Y. (2016). Abe's Indo-Pacific Security Diamond Begins to Shine. *Sasakawa USA*, February 22, URL: <https://spfusa.org/nippon-com/abes-indo-pacific-security-diamond-begins-to-shine/> (accessed: 1 November 2018).

Yomiuri Shimbun, 5 July 2014.

Поступила в редакцию 05.11.2018

Received 5 November 2018

Для цитирования: Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. №4. С. 78–91. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

For citation: Panov A.N., Nelidov V.V. (2018). Vneshnyaya politika Yaponii v kontekste voyenno-politicheskoy obstanovki v Severo-Vostochnoy Azii [Japan's foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2018, 4: 78–91. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Японские исследования. 2018. № 4. С. 92–110.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 92–110.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10030

Университетские стартапы и венчуры и конкурентоспособность страны: опыт Японии

И.Л. Тимонина

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития университетской науки в Японии, освещается роль университетских стартапов и венчуров в инновационном развитии Японии и повышении национальной конкурентоспособности.

В условиях четвёртой промышленной революции, транснационализации бизнеса, перемещения фокуса конкурентной борьбы в инновационную сферу научно-техническая стратегия Японии претерпевает существенные изменения. В контексте решения амбициозной задачи построения Общества 5.0 – «супер смарт-общества», «где новые ценности и услуги будут создаваться путём активного использования киберпространства, которое принесёт процветание людям», приоритетными становятся такие направления научно-технической и инновационной политики, как консолидация усилий бизнеса, правительства и академических кругов, более активное использование потенциала университетской науки на принципах «открытых инноваций», коммерциализация результатов исследований, проводимых университетами, и развитие в них инновационного предпринимательства в форме стартапов и венчуров.

Государственная политика поддержки университетских венчурных компаний, которая реализуется уже в течение 20 лет, представлена тремя основными направлениями: содействие созданию новых стартапов, поддержка существующих, укрепление их финансовой базы. Наиболее актуальным направлением современной политики является создание «экосистемы стартапов» – механизма, в рамках которого предприниматели, существующие компании, университеты, научно-исследовательские институты, финансовые и государственные учреждения могут взаимодействовать как участники циклического процесса основания компании, роста, зрелости и обновления. Автор анализирует организационно-законодательную базу этой политики, её финансовые инструменты. Особое внимание автор уделяет изучению японской практики обеспечения прав интеллектуальной собственности на результаты исследований, проводимых в университетах, и создания систем технологического трансфера в университетах (TLO). В статье рассматриваются формы взаимодействия университетской науки и бизнеса, а также основные виды стартапов, ориентированных на университеты, освещается деятельность самих университетов в сфере активизации исследовательской деятельности, коммерциализации её результатов, в том числе путём патентования, а также проблемы управления университетской наукой и внедрения современных бизнес-практик в эту сферу.

Ключевые слова: Япония, университеты, инновационная политика, конкурентоспособность, стартапы, венчуры, «открытые инновации», «экосистема стартапов», права интеллектуальной собственности.

Автор: Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ, МГИМО (У) МИД РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: timonina2000@yahoo.com

University startups and ventures and the competitiveness of the country: experience of Japan

I.L. Timonina

Abstract. The article deals with the problems of development of university science in Japan, highlights the role of university startups and ventures in the innovative development of Japan and the improvement of national competitiveness.

In the age of the fourth industrial revolution, the transnationalization of business, and the shift of the focus of competition towards the innovation sphere, the scientific and technical strategy of Japan is undergoing significant changes. In the context of building the Society 5.0 – a “super smart society, where new values and services will be created through the active use of cyberspace, which will bring prosperity to the people” – what becomes prioritized are such directions of scientific-technical and innovation policy as the consolidation of efforts of business, government, and academia, a more active use of the potential of university science on the principles of “open innovation”, the commercialization of research results conducted by universities, and the development of innovative entrepreneurship in the form of startups and ventures.

The national policy of support for university venture companies, which has been implemented for 20 years, is represented by three main areas: assistance in the creation of new startups, support for existing ones, strengthening their financial base. The most relevant direction of modern-day policy is the creation of the “startup ecosystem” – a mechanism in which entrepreneurs, existing companies, universities, research institutes, financial institutions, and government agencies can interact as participants in the cyclical process of company foundation, growth, maturity, and renewal. The author analyzes the organizational and legal basis of this policy, its financial instruments. The author pays special attention to the study of the Japanese practice of protection of intellectual property rights to the results of research conducted at universities and the creation of technology transfer systems at universities (TLO). The article deals with the forms of interaction between university science and business, as well as the main types of startups focused on universities, highlights the activities of universities in the field of intensification of research, commercialization of its results, including through patenting, as well as the problems of management of university science and the introduction of modern business practices in this area.

Keywords: Japan, universities, innovation policy, competitiveness, startups, venture capital, “open innovation”, “startup ecosystem”, intellectual property rights.

Author: *Timonina Irina L.*, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, MGIMO University, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). E-mail: timonina2000@yahoo.com.

В современном динамично меняющемся мире Япония остаётся одним из мировых экономических лидеров, сохраняя свои позиции в пятёрке крупнейших мировых экспортёров и специализируясь на высокотехнологичной продукции.

Впечатляющий успех страны, потерпевшей поражение во Второй мировой войне и пережившей оккупационный период, был оценён в мире как «японское экономическое чудо». Однако это «чудо» имеет вполне рациональное объяснение. Залогом успеха стали консолидированные усилия правительства, бизнеса, граждан в реализации стратегии ускоренного роста, которая включала множество направлений. Одним из них было повышение качества продукции и уровня технологичности

процессов на основе заимствования зарубежного передового научно-технического опыта. Собственные же усилия японских компаний и научных центров концентрировались главным образом на совершенствовании и адаптации иностранных технологий и прикладных исследованиях.

Применение подобной стратегии в сочетании с такими факторами, как наличие высококвалифицированной, дисциплинированной и лояльной рабочей силы, возможность свободно приобретать лицензии за рубежом, высокая эффективность капиталовложений, низкие военные расходы, позволило создать в Японии комплекс передовых отраслей обрабатывающей промышленности, обладающих высокой международной конкурентоспособностью.

Научно-техническое развитие и конкурентоспособность Японии: современная повестка

В последние десятилетия XX в. и особенно в XXI в. ситуация на мировом рынке существенно изменилась. Продолжающаяся транснационализация бизнеса и ускорение научно-технического прогресса в условиях четвёртой промышленной революции стали важнейшими факторами перемещения фокуса конкурентной борьбы в инновационную сферу. В этих условиях научно-техническая политика Японии, нацеленная преимущественно на прикладные исследования и адаптацию зарубежного опыта, перестала быть эффективной.

Ещё в 2002 г. был опубликован доклад Национального института научно-технической политики, согласно которому Япония, занимая ведущие позиции в сфере разработки технологий по целому ряду направлений (например, биомедицинские материалы, энергосбережение и др.), не имела приоритета в сфере фундаментальных исследований в сравнении с США и европейскими странами [White Paper on Science and Technology 2003]. В том же докладе указывалось, что уже в 1980-е годы США начали проводить политику патентного протекционизма и критиковать Японию за то, что та свободно получает результаты фундаментальных исследований, проводимых в других странах.

В 1990-е годы Япония столкнулась с сильнейшей конкуренцией со стороны быстро развивающихся азиатских стран, причём в тех отраслях обрабатывающей промышленности, где Япония традиционно не имела себе равных. В результате с 1995 г. доля японских компаний в экспорте высокотехнологичных товаров, особенно электроники, начала снижаться¹.

С тех пор, когда были сделаны подобные выводы, прошло более 15 лет, однако проблема относительного отставания фундаментальной науки в Японии, судя по оценкам экспертов Министерства образования, культуры, спорта и науки (далее сокращенно – Министерство образования), приведённым в Белой книге по науке и технике за 2017 г., остаётся по-прежнему актуальной [White Paper on Science and Technology 2017].

¹ Данные по странам ОЭСР, по 5 высокотехнологичным отраслям – аэрокосмическая отрасль, электроника, офисное оборудование и компьютеры, фармацевтика; медицинское, точное, оптическое оборудование и инструменты [White Paper on Science and Technology 2003].

Безусловно, за последние годы в Японии было много сделано в области повышения эффективности научно-инновационной системы. Была кардинально обновлена сама концепция научно-технического развития, о чём свидетельствует даже подзаголовок упомянутого выше ежегодника «Accelerating Open Innovation. Toward Sustainable Innovation Co-created by Industry, Academia, and Government», во второй главе которого подробно разъясняется концепция Общества 5.0 («супер-смарт-общества»), «где новые ценности и услуги будут создаваться путём активного использования киберпространства, которое принесёт процветание людям» [White Paper on Science and Technology 2017]. В рамках данной концепции упор делается на развитие технологических инноваций и их коммерциализацию, что должно вести к укреплению экономической мощи страны и повышению конкурентоспособности её экономики на мировом рынке.

Разумеется, на путях к достижению амбициозной цели построения Общества 5.0 предполагается решить множество различных проблем и реализовать множество проектов. Однако в контексте проблематики данной статьи необходимо подчеркнуть, что одним из приоритетных направлений современной научно-технической и инновационной политики является консолидация усилий бизнеса, правительства и академических кругов, совершенствование системы образования и развитие инновационного (венчурного) предпринимательства в университетах.

Привлечение потенциала университетской науки к решению проблем научно-технического развития страны и повышения её конкурентоспособности на международном рынке актуальны сейчас для большинства стран и для России в том числе.

Требование расширения круга акторов научно-технических исследований и разработок находится в контексте перехода к так называемой концепции открытых инноваций, автором которой считается Генри Чесбро [Чесбро], на которого ссылаются и авторы японской Белой книги по науке и технике. Суть концепции заключается в пересмотре внутренних процессов управления НИОКР в целях повышения уровня их открытости, обеспечения диффузии технологий на основе объединения усилий университетов, национальных лабораторий, *start-up* компаний (далее – стартапов), поставщиков, потребителей, отраслевых консорциумов. Данный подход противопоставляется старой системе «закрытых инноваций», ориентированной на внутреннюю среду компаний. В масштабах страны такой подход нередко приводит к дублированию инновационных разработок, и, как следствие, растрачиванию ресурсов и недополучению значительной доли прибыли [Герасимова Н.Н.].

По мнению авторов японской Белой книги по науке и технике (2017), японским компаниям в целях повышения своей конкурентоспособности необходимо более активно переходить к системе «открытых инноваций». От себя заметим, что «открытые инновации» в определённой степени могут рассматриваться как разновидность и новый этап давно и активно применяемого компаниями разных стран аутсорсинга, поскольку речь здесь идёт о привлечении внешних ресурсов. Однако это, конечно, «аутсорсинг» особого рода, использование которого требует создания определённой институциональной среды (механизм совместных разработок, авторское право и др. аспекты).

Роль университетских венчуров и стартапов в инновационном развитии Японии

Именно в таком контексте мы и рассмотрим роль университетских венчуров и стартапов². В Белой книге по науке и технике Министерства образования Японии прямо говорится, что Четвёртая промышленная революция – это эпоха стартапов [White Paper on Science and Technology 2017, p. 80]. В то же время, по данным японского Национального института научно-технологической политики, в среднем лишь 5 % компаний используют университетские разработки и технологии. В настоящее время взаимодействие университетской науки и компаний (разного размера) осуществляется чаще всего в форме совместных проектов, что само по себе также является эффективной формой использования научного потенциала университетов и с организационной точки зрения представляет собой «горизонтальную коллаборацию на доконкурентной стадии» [White Paper on Science and Technology 2017, p. 46]. Однако проблема, по мнению японских экспертов, заключается в необходимости создания механизма перелива результатов исследований (в том числе фундаментальных), проводимых в самих университетах, в реальную экономику.

Ещё в 2006 г. в Основной закон об образовании была внесена поправка, содержащая чёткое заявление о том, что миссия всех университетов – национальных, общественных³ и частных – включает в себя не только образование и научные исследования, но и содействие общественному развитию путём предоставления результатов своих научных изысканий на основе сотрудничества бизнеса, академических кругов и правительства [White Paper on Science and Technology 2017, p. 47].

В 2015 г. Министерством образования была сформулирована стратегия управления национальными университетами, в которой упор делался на «максимизацию научно-исследовательских функций университетов», превращение университетов в организации, не только предоставляющие передовые образовательные услуги, но и генерирующие инновации. Для этого сами университеты должны реформироваться, а их президенты – демонстрировать лидерские качества и управленческие компетенции, в том числе в области стратегического управления ресурсами. В настоящее время привлечение финансов бизнес-

² **Венчур** (англ. venture company) – предприятие малого бизнеса, занимающееся опытно-конструкторскими разработками или другими наукоёмкими работами, благодаря которым осуществляются рискованные проекты. Венчур бывает внешний и внутренний. Внешний организуется самими авторами идеи и венчурным предпринимателем. Внешний занимается привлечением средств для осуществления рискованных проектов через пенсионные фонды, средства страховых компаний, накопления населения, средства государства и других инвесторов [Словари и энциклопедии].

Стартап (англ. start up) – молодая быстроразвивающаяся компания [Словари и энциклопедии].

Часто данные понятия используются как синонимы, что является отражением того реального факта, что в наше время многие стартапы связаны с высокими технологиями и интернет-бизнесом. Однако всё же следует иметь в виду, что если каждый венчур – это стартап, то не каждый стартап является венчуrom. В данной статье названные термины будут использоваться как синонимы, поскольку именно такой подход мы видим в Белых книгах по науке и технике и других правительственных документах.

³ Университеты в Японии делятся на 3 категории в зависимости от их «происхождения». Национальные университеты изначально создавались правительством Японии (всего на март 2017 г. их насчитывалось 86, в 2004 г. были преобразованы в специальные корпорации в сфере образования). Общественные университеты создавались местными властями или общественными корпорациями в сфере образования. Частные университеты создавались негосударственными корпорациями, действующими также в сфере образования [Higher Education in Japan; National Universities].

сектора в университетские исследования в Японии относительно невелико по сравнению с другими странами. Это лишь 2,6 % всех расходов университетов на НИОКР против 14 % в Германии, 12,3 % в Республике Корея (2015) [White Paper on Science and Technology 2017, p.67].

Детальное рассмотрение университетской реформы выходит за рамки данной статьи. Отметим лишь, что её реализация, помимо решения других задач, будет способствовать созданию новой среды для развития университетской науки и венчурного предпринимательства, внедрению современных бизнес-практик в концепцию управления университетами. Также показательно, что специально подчёркивается необходимость подготовки специалистов, которые готовы не только генерировать идеи и разработки, но и продвигать их. Иными словами, университеты в определённой степени должны выполнять и задачи, присущие бизнес-школам.

Университетские стартапы рассматриваются японским правительством как эффективный механизм передачи знаний от университетов обществу. Благодаря стартапам университеты должны стать не только «инкубаторами» идей, но и «инкубаторами» людей, которые смогут превратить эти идеи в инновации, т.е. коммерциализировать их. Особенно важны университетские стартапы для местных экономик, где благодаря им будут появляться новые рабочие места для людей с высшим образованием. Региональные кластеры университетских стартапов также могут стимулировать создание индустриальных кластеров в регионах. И в конечном итоге университетские стартапы могут внести свой вклад в рост и придание динамизма экономике в целом.

Государственная поддержка университетских стартапов

На протяжении последних 20 лет правительство Японии оказывает весьма существенную помощь развитию университетских стартапов. Политика государства в данной сфере концентрируется на трёх направлениях (содействие созданию новых стартапов, поддержка существующих, укрепление их финансовой базы) и формулируется в ряде законов, которые были приняты за последние 20 лет и предусматривают налоговые льготы для акционеров компаний-стартапов, специальные системы распространения акций, снижение требований к минимальному размеру капитала при выходе таких компаний на фондовый рынок.

В принятом МЭТП в 2001 г. Плане создания новых рынков и новых рабочих мест (Plan for the Creation of New Markets and New Jobs – Hiranuma Plan) ставилась цель увеличения числа университетских стартапов до 1000 в течение трёх лет. Хотя объёмы государственного финансирования были относительно невелики, всё же это был серьёзный сигнал от правительства. С 2002 г. Университетские стартапы получили возможность использовать инфраструктуру «своих» университетов за плату. В 2003 г. вступили в силу специальные меры, позволяющие регистрировать компании с капиталом в 1 иену. Такая косвенная поддержка способствовала тому, что в 2004 фин. г. цель плана была достигнута. Однако начиная с 2006 г. ежегодный «прирост» числа университетских стартапов начал сокращаться (до 50–60 в год). Особенно это было заметно в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. и продолжалось вплоть до 2014 г., когда наметилась тенденция к активизации создания стартапов [White Paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan 2017, p. 21]. Пока неясно, насколько эта тенденция устойчива, но важно отметить тот

факт, что в Японии начинают появляться университетские стартапы с совокупной рыночной стоимостью, превышающей десятки млрд иен. По данным на 2016 г., 5 университетских стартапов прошли листинг на фондовом рынке. Два из них присутствуют в первой секции Токийской биржи (оба принадлежат Токийскому университету), другие работают на рынке Mothers, куда попадают компании-«новички», обладающие значительным потенциалом и отличающиеся высоким темпом роста. Однако в целом по оценке экспертов Министерства образования, темпы создания новых фирм в Японии (не только университетских) ниже, чем за рубежом [White Paper on Science and Technology 2017, p. 77–78].

Проблемы университетских стартапов

Обеспечение прав интеллектуальной собственности регулируется принятым в 1998 г. Законом о содействии трансфертам технологий, полученных в университетах (The University Technology Transfer Promotion Act, “TLO Law”). Среди его целей – активизация научно-исследовательской деятельности в университетах и межуниверситетских исследовательских организациях, а также содействие передаче результатов исследований коммерческому сектору. В практическом плане Закон предусматривает создание в университетах Организаций лицензирования технологий (Technology Licensing Organizations – TLO), которые должны стать посредниками между университетами и компаниями, занимаясь патентованием результатов университетских исследований и затем продавая лицензии компаниям [Escoffier L.].

К настоящему времени этой возможностью воспользовались практически все ведущие университеты Японии. Одним из пионеров создания TLO стал Токийский университет, где действует Today TLO Ltd., полностью принадлежащая университету [Escoffier L.] и занимающаяся патентованием и лицензированием изобретений, полученных в университете. Кроме Today TLO в систему управления интеллектуальной собственностью университета входит Управление корпоративных связей (Division of University Corporate Relations – DUCR), которое находится в прямом подчинении президента университета и является управляющим органом в сфере интеллектуальной собственности, а также компания Edge Capital, поддерживающая создание спин-оф-венчуров⁴, и Инновационная платформа университета Токио (UTokyo Innovation Platform Co., Ltd. – UTokyo IPC), которая была основана в 2016 г. для реализации национального проекта по содействию инвестициям национальных университетов в венчурные фонды в соответствии с Законом о повышении конкурентоспособности промышленности [Related support companies]⁵.

По мнению автора исследования Japan’s Technology Transfer System: Challenges and Opportunities for European SMEs, результаты работы этой системы управления интеллектуальной собственностью поразительны и практически не уступают достижениям Массачусетского технологического университета, который также стал объектом упомянутого исследования. Так, в период 2010–2013 гг. Токийским университетом было подано 1775 заявок на регистрацию патентов в Японии и 1976 – за рубежом, было заключено 1262 лицензионных соглашений

⁴ Spin-off – малые инновационные предприятия, отделяющиеся от крупных компаний или академических учреждений и являющиеся связующим звеном между сферой научных исследований и бизнес-средой [Л. Фичи].

⁵ Вся система управления «креативными исследованиями» университета представлена на сайте Управления корпоративных связей [Related support companies].

и соглашений о совместных заявках), общий доход от продажи лицензий составил 1,3 млрд иен [Escoffier L.]. На базе университета действует 200 стартапов [Looking forward].

Несмотря на предпринимаемые на протяжении уже более двух десятилетий меры финансовой поддержки университетских стартапов, недостаток финансирования – и в момент создания, и на стадии роста – остаётся их общей проблемой. В Стратегии возрождения Японии 2016 г., где декларируется, что эпоха четвёртой промышленной революции – это время стартапов, о чём мы уже упоминали выше, была поставлена задача удвоения к 2022 г. венчурного финансирования стартапов (не только университетских) в пропорции к ВВП [White Paper on Science and Technology 2017, p.80].

В качестве меры поддержки стартапов национальным университетам разрешено инвестировать в венчурные фонды (Закон о повышении промышленной конкурентоспособности, № 98, 2013). Министерство образования выделило четырём национальным университетам (Университету Тохоку, Токийскому университету, Университету Киото и Осацкому университету), которые создали венчурные фонды, 100 млрд иен. И это, по замыслу, должно послужить стимулом для других университетов создавать подобные фонды [White Paper on Science and Technology 2017, p. 79]. Определённый оптимизм внушает то обстоятельство, что в настоящее время растёт доля университетских стартапов, которые начинают приносить прибыль.

На дальнейшее укрепление финансовой базы университетских стартапов направлена программа START (Science and Technology Agency's Program for Creating SStart-ups from Advanced Research and Technology) Управления по науке и технологиям, которая связывает бизнес-промоуторов, обладающих ноу-хау в области коммерциализации, с университетскими исследователями. Также действует так называемая система поддержки стратегии развития стартапов (Startup Development Strategy Task Force system) Института передовой промышленной науки и технологии, задачей которой является руководство созданием новых компаний с высоким потенциалом роста (высокотехнологичных стартапов).

Перспективная стратегия развития университетских венчуров

По данным на 2017 г., в Японии насчитывалось 2093 университетских стартапа⁶, среди которых МЭТП Японии выделяет следующие группы:

- ✓ венчурный бизнес, основанный на результатах научных исследований и опирающийся на реализацию патентных прав, на результаты исследований или новые технологии;
- ✓ венчурный бизнес, основанный на результатах совместных исследований (проведение совместных исследований в течение 5 лет со времени основания для коммерциализации навыков (skills) или ноу-хау основателей);
- ✓ венчурный бизнес, основанный на технологическом трансфере (получение лицензии в течение 5 лет после основания);
- ✓ венчурный бизнес, основанный студентами;
- ✓ ассоциированный венчурный бизнес (с привлечением инвестиций университета).

⁶ На странице доклада Results of FY2017 Survey on University-oriented Venture Business Compiled and Operation of Database There of Started МЭТП используется термин «венчурный бизнес». На странице базы данных используется термин «стартап» применительно к той же информации.

Важно отметить, что показатель 2017 г. на 247 единиц превышает показатель 2016 г., что может расцениваться как начало позитивной динамики после «застоя» 2008–2016 гг., когда число стартапов практически не росло [Results of FY2017 Survey on University-oriented Venture Business].

Безусловным лидером по венчурной активности (по числу вновь созданных венчуров) среди университетов Японии остается Токийский университет, о чём свидетельствуют рейтинги последних трёх лет [Results of FY2017 Survey on University-oriented Venture Business]:

Рейтинг 2017 фин.г.	Рейтинг 2016 фин.г.	Название университета	Число стартапов		
			2017	2016	2015
1	(1)	Токийский университет	245	216	189
2	(2)	Университет Киото	140	97	86
3	(3)	Университет Цукуба	98	76	73
4	(4)	Осакский университет	93	74	79
5	(5)	Университет Кюсю	81	70	63
6	(6)	Университет Васэда	74	62	65
7	(12)	Нагойский университет	69	38	33
8	(7)	Университет Тохоку	56	53	50
9	(8)	Токийский технологический институт	53	50	53
10	(10)	Цифровой университет Голливуд (Digital Hollywood University)	52	43	42
11	(11)	Университет Кэйо	51	42	40
12	(9)	Университет Хоккайдо	49	48	48
13	(15)	Университет Рюоку	43	36	33
13	(13)	Хиросимский университет	43	38	39
15	(12)	Технологический институт Кюсю	39	39	43
16	(19)	Университет Кобэ	31	26	24
16	(18)	Университет Окаяма	31	28	29
18	(17)	Университет Айдзу	29	29	28
19	(22)	Нагойский технологический институт	27	21	21
20	(16)	Университет Рицумэйкан	26	32	29

Вместе с тем обращает на себя внимание прогресс Нагойского университета, где число вновь образованных венчуров за год почти удвоилось. Вероятно, этому способствует политика университета, направленная не только на развитие университетской науки, но и на продвижение инновационных разработок, полученных в университете. В частности большое внимание уделяется кооперации университетских исследовательских единиц с компаниями,

соблюдению правил конфиденциальности и прав интеллектуальной собственности. Для анализа и выявления трендов развития науки в университете был создан Департамент инновационной стратегии. Активно поддерживается инициатива молодых исследователей, особенно работающих в новых сферах [Program for Promoting the Enhancement of Research Universities].

Что касается отраслевой принадлежности университетских венчуров, то лидером является сфера биологии, медицина и производство медицинского оборудования, на которую в 2017 г. приходилось 31,5 % всех венчуров и число их заметно увеличилось за три года. Далее следует создание программного обеспечения – 29,3 % всех венчуров [Results of FY2017 Survey on University-oriented Venture Business, University Startups DB].

Основными акционерами и инвесторами университетских стартапов, как показывают результаты опросов, являются основатели (63,2 %), директора и персонал (14,6 %). При этом обращает на себя внимание небольшой вклад компаний-ангелов и венчурных инвесторов – менее 5 %, и это обстоятельство в значительной мере объясняет существующую проблему финансирования университетских стартапов, которая отмечается во всех правительственных документах [Results of FY2017 Survey on University-oriented Venture Business].

Структура управления университетскими венчурами представлена по результатам опроса тремя группами – исследователи (63,3 %), женщины (26,6 %), иностранцы (4,7 %). Выбор подобного подхода оставим на совести экспертов, но интересно отметить, что доля женщин в управлении выше на начальных стадиях жизни венчура – до «доказательства концепции»⁷ (35,8 %) [Results of FY2017 Survey on University-oriented Venture Business].

В 2016–2018 гг. правительство стало уделять заметно большее внимание развитию стартапов вообще и университетских в частности, связывая с ними реализацию такого направления абэномики, как «возрождение японской экономики». В разделе «Повышение производительности» (подраздел «Обеспечение системы инноваций») предусматривается создание в университетах систем, которые позволят привлекать и принимать инвестиции частного сектора в целях укрепления научно-инновационного сотрудничества академического и производственного секторов. Достижению этой цели будет способствовать и льготное налогообложение [Abenomics].

Как было определено в документе Venture Challenge 2020, принятом Штаб-квартирой по экономическому возрождению Японии в 2016 г., правительство намерено предпринимать самые решительные действия по созданию «экосистемы стартапов», что является одним из направлений абэномики. Под «экосистемой» подразумевается механизм, в рамках которого предприниматели, существующие компании, университеты, научно-исследовательские институты, финансовые и государственные учреждения могут взаимодействовать как участники циклического процесса основания компании, роста, зрелости и обновления. По мнению японских экспертов, по уровню развития такой экосистемы Япония отстаёт от других стран, и преодоление этого отставания позволит создавать в Японии стартапы, на порядок отличающиеся от тех, которые появлялись до сих пор [White Paper on Science and Technology 2017, p. 80].

⁷ Доказательство концепции (*proof of concept*) – это реализация определённого метода или идеи, для того чтобы продемонстрировать их целесообразность, или демонстрация в целом с целью проверки того, что какая-то концепция или теория имеет практический потенциал [Циклопедия].

В феврале 2018 г. МЭТП Японии образовало исследовательскую группу по развитию университетского венчурного бизнеса (Study Group on Ideal Approaches to University-Oriented Venture Businesses), в июне того же года опубликовавшую доклад, в котором была представлена концептуальная схема «экосистемы стартапов» [Report by the Study Group for Ideal Approaches to University-Oriented Venture Businesses. Summary]. При этом японские эксперты ссылаются на опыт США, где в 1990-е годы такие стартапы и венчуры сыграли заметную роль в оживлении экономики страны.

В докладе также формулируются основные проблемы и обозначаются препятствия на пути развития стартапов и, что более важно, предлагаются меры по решению каждой из проблем (табл. 1).

Таблица 1. Проблемы развития университетских венчуров и пути их решения

Проблемы	Возможные решения
<i>Человеческие ресурсы</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • Организаторы университетских венчурных компаний нуждаются в привлечении персонала, не ограничиваясь ресурсами университетов. • Правила для преподавателей университетов, одновременно являющихся менеджерами/ работниками венчурных компаний, применение которых неясны. • Человеческие ресурсы для поддержки венчуров недостаточны. 	<ul style="list-style-type: none"> • Обучение предпринимательству. • «Предприниматель по месту жительства» (Entrepreneur in Residence, EIR)⁸. • Поощрение в крупных компаниях работы по совместительству и подработки сотрудников. • Подготовка и привлечение специалистов, которые могут консультировать по вопросам интеллектуальной собственностью и стратегиям капиталовложений.
<i>Финансирование</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • Предложение средств на этапе между фундаментальными исследованиями и получением «доказательства концепции» (PoC) недостаточно. • Средств, необходимых для заключения лицензионных договоров с университетом и предоставления услуг университетом, недостаточно. • Организаций, которые поставляют рисковое финансирование, недостаточно. • До получения доступа к частным фондам необходимо эффективное использование государственной поддержки. 	<ul style="list-style-type: none"> • Укрепление системы финансирования дефицита денежных ресурсов компаний на ранних стадиях их развития (GAP Fund system). • Поощрение университетов к приобретению акций университетских венчуров. Таким образом университеты будут поддерживать рост венчурного бизнеса и получать доход. • Содействие сотрудничеству между компаниями венчурного капитала и университетами.

⁸ Интрапренер (*Intrapreneur* или *Entrepreneur in Residence, EIR*) – это «корпоративный предприниматель», новая должность в технологических компаниях. Задачей этих людей является развитие духа предпринимательства и инновационности внутри существующих корпораций. Такие должности уже стали появляться в компаниях, входящих в список Fortune 500, например, Dell или венчурная компания Greylock Partners [TNW; Википедия].

	<ul style="list-style-type: none"> • Расширение эндаумент-системы⁹, привлечение средств из-за рубежа. • Поощрение ориентированных на университеты венчуров к дальнейшему использованию государственных закупок
<i>Интеллектуальная собственность и знания</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • Сфера патентных прав является узким местом для университетов: объём патентных прав, полученных ими, недостаточен. Подача патентных заявок в зарубежные страны не практикуется, поэтому ориентированные на университеты венчуры не могут довести технологии до стадии коммерциализации. • Университетские венчуры, как правило, автоматически отказываются от своих патентных прав по истечении срока действия патента. • Неясно определение органа, уполномоченного использовать данные. 	<ul style="list-style-type: none"> • Укрепление системы Фонда GAP для поддержки университетских венчуров в обеспечении расходов на приобретение патентов. • Внедрение системы ранней оценки возникающих венчуров внешними экспертами. • Подготовка и привлечение специалистов-консультантов по вопросам интеллектуальной собственности и стратегиям капиталовложений. • Контрактные соглашения в соответствии с Руководством по контрактам, связанным с использованием искусственного интеллекта и данных (Contract Guidelines on Data Utilization Rights ver. 1.0).

Составлено по: [Report by the Study Group for Ideal Approaches to University-Oriented Venture Businesses [Summary], [METI Releases Report by Study Group on Ideal Approaches to University-Oriented Venture]

В докладе также определяются роли основных участников университетских венчуров. В соответствии с выводами экспертов, управление университетами должно быть ориентировано на создание и рост университетских венчуров, а также на реализацию научных достижений в социальной сфере в качестве ключевого показателя эффективности (KPI)¹⁰ и поддержку брендинга венчуров путём широкого информирования о них. Задачей университетов

⁹ **Эндаумент** (англ. *endowment*) – целевой фонд, предназначенный для использования в некоммерческих целях, как правило, для финансирования организаций образования, медицины, культуры. Эндаумент наполняется преимущественно за счёт благотворительных пожертвований. Эндаумент может инвестировать свои средства с целью извлечения дохода, однако обязан направлять весь полученный доход в пользу тех организаций, для поддержки которых он был создан. Отличием эндаумента от обычной благотворительной организации является строго целевой характер деятельности (как правило, эндаумент создаётся для поддержки какой-либо одной организации, например, определённого университета) и нацеленность на получение дохода за счёт инвестирования средств [Словари и энциклопедии].

¹⁰ **Ключевые показатели эффективности** (англ. *Key Performance Indicators, KPI*) – система оценки, которая помогает организации определить достижение стратегических и тактических (операционных) целей. Их использование дает организации возможность оценить своё состояние и помочь в оценке реализации стратегии. KPI позволяет производить контроль деловой активности сотрудников и компании в целом в реальном времени [Словари и энциклопедии].

также должно стать развитие человеческих ресурсов и обеспечение венчуров кадрами, которые будут играть ключевую роль в создании и развитии университетских инновационных предприятий. Необходимо также предоставить венчурам возможность использовать университетскую инфраструктуру и помогать в управлении процессом продвижения идеи – от стадии разработки новых технологий до создания венчура.

В целях поощрения университетских стартапов и их популяризации с 2014 г. в Японии присуждается премия перспективным стартапам, которые отбираются из венчурных предприятий, использующих исследования, разработанные университетами и другими научными и образовательными организациями (технологические колледжи, научно-исследовательские институты при национальном правительстве и местных органах власти, национальные научно-исследовательские агентства и некоммерческие корпорации, включая общественные корпорации). МЭТП и Министерство образования объявляют претендентов на программу (в 2017–2018 фин. г. – 46 организаций). Затем комиссия внешних экспертов изучает заявки и проводит интервью с претендентами. После этого отбора МЭТП выбирает семь ориентированных на университет венчурных предприятий, а также университеты и компании, поддерживающие их в качестве победителей [Winners of the Award for Academic].

Крупные компании, по мнению экспертов, должны сосредоточить усилия на двух направлениях. Во-первых, развивать взаимодействие с университетскими венчурами путём закупок их продукта, проведения совместных НИОКР. Также компании могли бы инвестировать в университетские венчуры через корпоративные венчурные инвестиционные фирмы и/или приобретать университетские венчуры. Компании также существенно помогли бы университетским венчурам в вопросах обеспечения кадрами, если бы разрешали своим сотрудникам работать в них по совместительству [Report by the Study].

Вместо заключения

Идея активизации университетской науки и максимального использования потенциала университетов не нова. В большинстве стран университеты были и остаются одними из наиболее значимых субъектов научно-технологической и инновационной деятельности. Известно, что американская Кремниевая долина, где в настоящее время сосредоточено огромное число высокотехнологичных компаний, возникла на базе Стэнфордского университета.

В шведском технопарке Идеон было создано 10 тыс. рабочих мест в наукоёмком бизнесе благодаря переориентации сильного Университета Лунда (город на юге Швеции, провинция Сконе) на потребности рынка, обеспечению доступа начинающих предприятий к дешёвым деньгам и качественному консалтингу [Руководство по созданию и развитию], [Тройная спираль по-шведски].

В Японии университетская наука представлена 326 тыс. исследователей, на университеты и колледжи приходится около 20 % общенациональных расходов на НИОКР, из которых более 90 % идёт на фундаментальные и прикладные исследования в области естественных наук, в то время как бизнес-организации направляют около 70 % своих расходов на науку в разработки [Statistical Handbook of Japan 2018, Ch. 8].

Серьёзная и весьма успешная попытка реального соединения университетской науки с производством была предпринята в Японии ещё в 1980-е годы, когда была разработана программа «Технополис», направленная на оживление региональных экономик на основе

развития там высокотехнологичного производства, использующего результаты разработок местных исследовательских организаций, в том числе и в первую очередь – университетов. Наличие сильного университета было тогда необходимым условием номинации региона для участия в программе [Тимонина И.Л., 1992].

Естественным продолжением стратегии технополисов стала политика стимулирования создания кластеров¹¹. И современные производственные и научно-производственные кластеры, возникающие в Японии, также опираются на потенциал университетов и их кооперацию с компаниями и правительством.

Политику стимулирования университетских венчуров и стартапов вряд можно считать в прямом смысле продолжением стратегии технополисов и кластеров. Меры по поддержке университетских стартапов не объединены в единую программу. Правительство в лице МЭТП предлагает общую концепцию коммерциализации достижений университетской науки на основе создания «экосистемы», которую можно идентифицировать как совокупность благоприятных условий для венчурного бизнеса, ориентированного на университеты.

Распространение и успех университетских стартапов может способствовать решению целого ряда социально-экономических задач. Министерство образования видит университетские стартапы в контексте построения Общества 5.0 и превращения Японии в самое «инновационно дружественное» государство в мире («the most innovation-friendly country in the world»), рассчитывая также на омоложение науки и укрепление финансовой базы университетов. МЭТП полагает, что стартапы могут стать действенным инструментом повышения национальной конкурентоспособности благодаря выведению на рынок новых продуктов, полученных в результате инновационных разработок, а также способствовать созданию новых рабочих мест и оживлению региональной экономики. И хотя сейчас нет официально принятой стратегии развития университетских стартапов, усилия МЭТП и Министерства образования Японии по их поддержке в значительной мере согласованы, что обусловлено «междисциплинарным» характером задач по продвижению в деле коммерциализации университетских НИОКР. Общая платформа, на которой происходит координация усилий и государственных органов, и бизнеса – это финансовая поддержка и/или финансовое участие, а также либерализация законодательства, правил и постановлений государства, министерств и ведомств, а также внутренних правил и процедур компаний. Иными словами, ставка делается на инициативу самих университетов и бизнеса.

¹¹ Проект индустриальных кластеров МЭТП (The Industrial Cluster Project, or Project for Regional Regeneration and Industrial Clustering, 2001) предполагает создание системы, которая обеспечивает доступ к технологическим инновациям университетов и других государственных научно-исследовательских институтов и предприятий в регионе и стимулирует сотрудничество между университетами и предприятиями, между различными предприятиями, вызвав «цепную реакцию» инноваций и создания новых предприятий и отраслей.

Программа «кластеров знаний» (Knowledge Cluster, 2002) Министерства образования предусматривала формирование местных инновационных систем вокруг университетов и местных исследовательских организаций, разрабатывающих оригинальные темы и имеющих потенциал [White Paper on Land, Infrastructure; Industrial Cluster Project 2009].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Википедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Entrepreneur_in_Residence (дата обращения: 18.10.2018).

Герасимова Н.Н. «Инновационное взаимодействие» как принцип реализации открытых инноваций // *Инновации.* 2009. №11. URL: <http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/0d592545e5d69ff3c32568fe00319ec1/6349fd3f0fc048edc3257871003ae249?OpenDocument> (дата обращения: 18.10.2018).

Руководство по созданию и развитию инновационных центров. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17raznoe/576196-5-rukovodstvo-sozdaniyu-razvitiyu-innovacionnih-centrov-rukovodstvo-sozdaniyu-razvitiyu-innovacionnih-centrov-tehnologii.php> (дата обращения: 18.10.2018).

Словари и энциклопедии. URL: <http://vslovare.info> (дата обращения: 18.10.2018).

Словарь бизнес-терминов. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20355> (дата обращения: 18.10.2018). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/19021> (дата обращения: 18.10.2018).

Тимонина И.Л. Япония: опыт регионального развития. М.: Наука, 1992. 127 с.

Тройная спираль по-шведски. URL: <http://sk.ru/news/b/press/archive/2012/04/16/statya-o-tehno-parke-ideon-shveciya-na-osnovanii-intervyu-s-generalnym-direktorom-upravlyayushey-kompanii-tehno-parka-tomasom-myollerom-i-otcomosnovatelem-ideona-svenomtorom-holm.com.aspx> (дата обращения: 18.10.2018).

Фичи Л., Мальженков П.В., Пиккароцци М., Мелешина Е.С. Проектирование спин-оффов как организационная практика: Методологический подход // *Бизнес-информатика.* 2016. №3. С. 7–14. DOI: 10.17323/1998-0663.2016.3.7.14. URL: [https://bijournal.hse.ru/data/2017/01/25/1113626110/%D0%A4%D0%B8%D1%87%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B4%D1%80%20\(Ru\).pdf](https://bijournal.hse.ru/data/2017/01/25/1113626110/%D0%A4%D0%B8%D1%87%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B4%D1%80%20(Ru).pdf) (дата обращения: 18.10.2018).

Циклопедия. URL: http://cyclowiki.org/wiki/Proof_of_concept (дата обращения: 18.10.2018).

Чесбро Генри. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М.: Поколение, 2007.

Abenomics. June 2018. URL: https://www.japan.go.jp/abenomics/_userdata/abenomics/pdf/1806_abenomics.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

About Division of University Corporate Relations, University of Tokyo. Division of University Corporate Relations (DUCR). URL: <http://www.ducr.u-tokyo.ac.jp/en/organization/organization.html> (дата обращения: 03.10.2018).

Contract Guidelines on Data Utilization Rights ver. 1.0 Formulated. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2017/0530_002.html [http://www.meti.go.jp/english/press/2017/pdf/0530_002a.pdf](http://www.meti.go.jp/english/press/2017/0530_002a.pdf) (дата обращения: 03.10.2018).

Escoffier, L. Japan's Technology Transfer System: Challenges and Opportunities for European SMEs EU-Japan Centre for European SMEs. April 2015. URL: https://www.eu-japan.eu/sites/eu-japan.eu/files/TechnologyTransfer_final.pdf (дата обращения: 02.08.2018).

Higher Education in Japan. URL:
http://www.mext.go.jp/en/policy/education/highered/title03/detail03/___icsFiles/afieldfile/2012/06/19/1302653_1.pdf (дата обращения: 03.10.2018).

Industrial Cluster Policy. URL:
http://www.meti.go.jp/english/policy/sme_chiiki/industrial_cluster_en.html (дата обращения: 03.10.2018).

Industrial Cluster Project 2009. URL:
[http://www.meti.go.jp/policy/local_economy/tiikiinnovation/source/2009Cluster\(E\).pdf](http://www.meti.go.jp/policy/local_economy/tiikiinnovation/source/2009Cluster(E).pdf) (дата обращения: 03.10.2018).

Looking forward to research cooperation with industries by the University of Tokyo. URL:
<http://www.ducr.u-tokyo.ac.jp/en/mission/greeting.html> (дата обращения: 27.09.2018).

METI Releases Report by Study Group on Ideal Approaches to University-Oriented Venture Businesses. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2018/0619_002.html (дата обращения: 09.10.2018).

National Universities, URL:
<http://www.mext.go.jp/en/about/relatedsites/title01/detail01/sdetail01/1375122.htm> (дата обращения: 03.10.2018).

Program for Promoting the Enhancement of Research Universities. URL:
http://www.aip.nagoya-u.ac.jp/ru/english/menu_a/index.html (дата обращения: 27.09.2018).

Related support companies, University of Tokyo. Division of University Corporate Relations (DUCR). URL: <http://www.ducr.u-tokyo.ac.jp/en/activity/venture/support.html> (дата обращения: 03.10.2018).

Report by the Study Group for Ideal Approaches to University-Oriented Venture Businesses [Summary], June 2018. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2018/pdf/0619_002a.pdf (дата обращения: 03.10.2018).

Results of FY2017 Survey on University-oriented Venture Business Compiled and Operation of Database Thereof Started. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2018/0309_005.html (дата обращения: 27.09.2018).

Statistical Handbook of Japan 2018. URL:
<http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c0117.html#c08> (дата обращения: 03.10.2018).

TNW. URL: <https://thenextweb.com/russian/2014/08/18/entrepreneur-residence> (дата обращения: 03.10.2018)

University Startups DB. URL:
http://www.meti.go.jp/policy/innovation_corp/univ_startups_db/en (дата обращения: 03.10.2018).

White Paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan 2017. URL:
<http://www.mlit.go.jp/common/001216011.pdf> (дата обращения: 02.10.2018).

White Paper on Science and Technology 2003. Part1 1.1 1.1.1. URL:
http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/hpag200301/hpag200301_2_004.html#tb1010101 (дата обращения: 03.10.2018).

White Paper on Science and Technology 2006. URL:
<http://www.mext.go.jp/en/publication/whitepaper/title03/detail03/sdetail03/sdetail03/1372926.htm> (дата обращения: 17.10.2018).

White Paper on Science and Technology 2017. URL:
http://www.mext.go.jp/component/english/___icsFiles/afieldfile/2018/04/05/1403453_004.pdf

URL: http://www.mext.go.jp/component/english/_icsFiles/afieldfile/2018/04/05/1403453_010.pdf (дата обращения: 03.10.2018).

Winners of the Award for Academic Startups 2018 Program Selected. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2018/0810_001.html (дата обращения: 03.10.2018).

REFERENCES

Abenomics. June 2018, URL: https://www.japan.go.jp/abenomics/_userdata/abenomics/pdf/1806_abenomics.pdf (accessed: 27 September 2018).

About Division of University Corporate Relations, University of Tokyo. Division of University Corporate Relations (DUCR), URL: <http://www.ducr.u-tokyo.ac.jp/en/organization/organization.html> (accessed: 3 October 2018).

Chesbrough Henry. (2003). *Open Innovation: The New Imperative For Creating and Profiting From Technology*, Harvard Business School Press, 2003.

Contract Guidelines on Data Utilization Rights ver. 1.0 Formulated, URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2017/0530_002.html; http://www.meti.go.jp/english/press/2017/0530_002.html; URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2017/pdf/0530_002a.pdf (accessed: 3 October 2018).

Escoffier, L. (2015). Japan's Technology Transfer System: Challenges and Opportunities for European SMEs EU-Japan Centre for European SMEs. April 2015, URL: https://www.eu-japan.eu/sites/eu-japan.eu/files/TechnologyTransfer_final.pdf (accessed: 2 August 2018).

Fichi, L., Malyzhenkov, P., Pikkarotstsi, M., Meleshina, E. (2016). *Proyektirovaniye spin-offov kak organizatsionnaya praktika: Metodologicheskiiy podkhod [Spin-off design as an organizational practice: A methodological approach]*, *Biznes-informatika*, 3: 7–14, URL: [https://bijournal.hse.ru/data/2017/01/25/1113626110/%D0%A4%D0%B8%D1%87%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B4%D1%80%20\(Ru\).pdf](https://bijournal.hse.ru/data/2017/01/25/1113626110/%D0%A4%D0%B8%D1%87%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%B4%D1%80%20(Ru).pdf) (accessed: 18 October 2018). (In Russian).

Gerasimova, N. (2009). «Innovatsionnoye vzaimodeystviye» kak printsip realizatsii otkrytykh innovatsiy [«Innovation interaction»: as the principle of open innovation], *Innovatsii*, 11, URL: <http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/0d592545e5d69ff3c32568fe00319ec1/6349fd3f0fc048edc3257871003ae249?OpenDocument> (accessed: 18 October 2018). (In Russian).

Higher Education in Japan, URL: http://www.mext.go.jp/en/policy/education/highered/title03/detail03/_icsFiles/afieldfile/2012/06/19/1302653_1.pdf (accessed: 3 October 2018).

Industrial Cluster Policy, URL: http://www.meti.go.jp/english/policy/sme_chiiki/industrial_cluster_en.html (accessed: 3 October 2018).

Industrial Cluster Project 2009, URL: [http://www.meti.go.jp/policy/local_economy/tiikiinnovation/source/2009Cluster\(E\).pdf](http://www.meti.go.jp/policy/local_economy/tiikiinnovation/source/2009Cluster(E).pdf) (accessed: 3 October 2018).

Looking forward to research cooperation with industries by the University of Tokyo, URL: <http://www.ducr.u-tokyo.ac.jp/en/mission/greeting.html> (accessed: 27 September 2018).

METI Releases Report by Study Group on Ideal Approaches to University-Oriented Venture Businesses, URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2018/0619_002.html (accessed: 9 October 2018).

National Universities, URL: <http://www.mext.go.jp/en/about/relatedsites/title01/detail01/sdetail01/1375122.htm> (accessed: 3 October 2018).

Program for Promoting the Enhancement of Research Universities, URL: http://www.aip.nagoya-u.ac.jp/ru/english/menu_a/index.html (accessed: 27 September 2018).

Related support companies, University of Tokyo. Division of University Corporate Relations (DUCR), URL: <http://www.ducr.u-tokyo.ac.jp/en/activity/venture/support.html> (accessed: 3 October 2018).

Report by the Study Group for Ideal Approaches to University-Oriented Venture Businesses [Summary], June 2018, URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2018/pdf/0619_002a.pdf (accessed: 3 October 2018).

Results of FY2017 Survey on University-oriented Venture Business Compiled and Operation of Database Thereof Started, URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2018/0309_005.html (accessed: 27 September 2018).

Rukovodstvo po sozdaniyu i razvitiyu innovatsionnykh tsestrov [Guidelines on creating and developing innovation centers], URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17raznoe/576196-5-rukovodstvo-sozdaniyu-razvitiyu-innovacionnih-centrov-rukovodstvo-sozdaniyu-razvitiyu-innovacionnih-centrov-tehnologii.php> (accessed: 18 October 2018). (In Russian).

Slovar' biznes-terminov [Dictionary of business terms], URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/20355> (accessed: 18 October 2018). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/19021> (accessed: 18 October 2018). (In Russian).

Slovari i entsiklopedii [Dictionaries and encyclopedias], URL: <http://vslozare.info> (accessed: 18 October 2018). (In Russian).

Statistical Handbook of Japan 2018, URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/c0117.html#c08> (accessed: 3 October 2018).

Timonina I.L. (1992). Yaponiya: opyt regional'nogo razvitiya [Japan: the experience of regional development], Moscow: Nauka. (In Russian).

TNW, URL: <https://thenextweb.com/russian/2014/08/18/entrepreneur-residence> (accessed: 3 October 2018).

Troynaya spiral' po-shvedski [Swedish Triple Spiral], URL: <http://sk.ru/news/b/press/archive/2012/04/16/statya-o-tehnoparke-ideon-shveciya-na-osnovanii-intervyu-s-generalnym-direktorom-upravlyayushey-kompanii-tehnoparka-tomasom-myollerom-i-otcomosnovatelem-ideona-svenomtorom-holmom.aspx> (accessed: 18 October 2018). (In Russian).

Tsiklopediya, URL: http://cyclowiki.org/wiki/Proof_of_concept (accessed: 18 October 2018). (In Russian).

University Startups DB, URL: http://www.meti.go.jp/policy/innovation_corp/univ_startups_db/en (accessed: 3 October 2018).

White Paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan 2017, URL: <http://www.mlit.go.jp/common/001216011.pdf> (accessed: 2 October 2018).

White Paper on Science and Technology 2003. Part1 1.1 1.1.1, URL: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/hpag200301/hpag200301_2_004.html#tb1010101 (accessed: 3 October 2018).

White Paper on Science and Technology 2006, URL: <http://www.mext.go.jp/en/publication/whitepaper/title03/detail03/sdetail03/sdetail03/1372926.htm> (accessed: 17 October 2018).

White Paper on Science and Technology 2017, URL: http://www.mext.go.jp/component/english/___icsFiles/afieldfile/2018/04/05/1403453_004.pdf; URL: http://www.mext.go.jp/component/english/___icsFiles/afieldfile/2018/04/05/1403453_010.pdf (accessed: 3 October 2018).

Wikipedia, URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Entrepreneur_in_Residence (accessed: 18 October 2018).

Winners of the Award for Academic Startups 2018 Program Selected, URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2018/0810_001.html (accessed: 3 October 2018).

Поступила в редакцию 12.11.2018

Received 12 November 2018

Для цитирования: Тимонина И.Л. Университетские стартапы и венчуры и конкурентоспособность страны: опыт Японии // Японские исследования. 2018. № 4. С. 92–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10030

For citation: Timonina I.L. (2018). Universitetskiye startapy i venchury i konkurentosposobnost' strany: opyt Yaponii [University startups and ventures and the competitiveness of the country: experience of Japan], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2018, 4: 92–110. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10030

Научная жизнь**Academic Events**

Японские исследования. 2018. № 4. С. 111–123.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 111–123.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10031

«Я – переводчик»**Беседа с В.С. Сановичем о переводе
«Стародавних повестей» и многом другом***

Аннотация. В.С. Санович рассказывает об истории своей работы над переводом «Стародавних повестей», вспоминает о встречах с Н.И. Конрадом, В.Н. Марковой и другими японоведами, на разных примерах сопоставляет различные подходы к прочтению и переводу японских классических текстов, делится опытом редактора русских изданий сборников японской поэзии и японских сказок.

Ключевые слова: японская литература, перевод, японоведение в России, «Кондзяку моногатари сю».

Авторы:

Санович Виктор Соломонович, переводчик, редактор.

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, зам. главного редактора журнала «Вопросы философии», ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, профессор ИСАА МГУ. E-mail: trubnikovann@mail.ru

Коляда Мария Сергеевна, редактор журнала «Вопросы философии», научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС. E-mail: warriormary@yandex.ru

“I am a translator”**Interview with Viktor Sanovich about the translation
of the Konjaku monogatari shū and many other things****

Abstract. Viktor Sanovich talks about the history of his work on the translation of the “Konjaku Monogatari Shū”, recalls meetings with Nikolai Konrad, Vera Markova, and other Russian scholars, using various examples, compares different approaches to the reading and translation of Japanese classical texts, shares the experience of editing Russian editions of collections of Japanese poetry and Japanese fairy tales.

Keywords: Japanese literature, translation, Japanese Studies in Russia, Konjaku monogatari shū.

Authors:

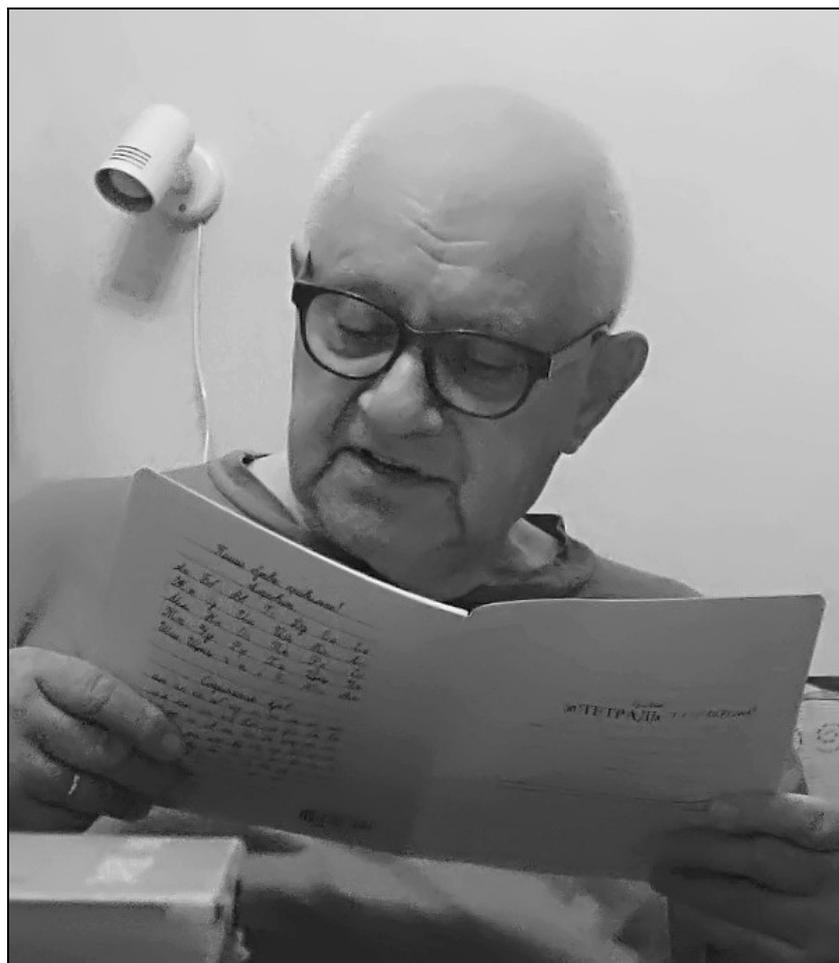
Sanovich Viktor S., interpreter, editor.

Trubnikova Nadezhda N., DSc (Philosophy), deputy chief redactor, Voprosy Filosofii Journal; leading researcher, School of Actual Studies in Humanities RANEPА, professor, The Institute of Asian and African Studies, Lomonosow Moscow State University. ORCID: 0000-0001-6784-1793 E-mail: trubnikovann@mail.ru

Kolyada Maria S., editor, Voprosy Filosofii Journal, researcher, School of Actual Studies in Humanities RANEPА. E-mail: warriormary@yandex.ru

* Беседа подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 «“Собрание стародавних повестей” (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

** The paper is granted by RFBR, Project No 18-011-00558, «“Konjaku monogatari shu” in the history of Japanese religious philosophy».

В.С. Санович читает отрывок из перевода «Стародавних повестей».
Фото М.С. Коляда, июнь 2018 г.

Виктора Соломоновича Сановича читатели знают прежде всего как переводчика японской поэзии: «Ста стихотворений ста поэтов» («Хякунин иссю:»), стихов из собраний Идзуми Сикибу, Фудзивара-но Тэйка и множества других поэтических сборников¹. Как редактор В.С. Санович выпустил немало томов японской классики в издательствах «Художественная литература» и других². В публикациях В.С. Сановича восстановлены многие забытые страницы истории отечественного японоведения [Санович, 2008].

В.С. Сановичу принадлежит первый русский перевод «Собрания стародавних повестей» («Кондзяку моногатари сю:»): работа над памятником, начатая ещё в 1960-х, продолжается и сейчас. Вышло несколько подборок избранных рассказов: [Санович, 1973; Санович, 1975; Санович, 1988; Санович, 2005]. Однако в них предисловия по необходимости самые краткие и почти ничего не сказано ни о подходе к выбору рассказов, ни о принципах перевода. Приступая к исследованию «Кондзяку», мы задали В.С. Сановичу вопросы, на которые не нашли ответов в изданиях «Стародавних повестей».

Беседу провели Н.Н. Трубникова и М.С. Коляда.

¹ Из недавних изданий см. [Маркова, Санович, 2017].

² [Санович, Чулков, 1974; Санович, Чулков, 1975; Санович, Ваксмахер, 1976; Санович, Ваксмахер, 1977; Конрад, Санович, 1979]; [Акутагава, 2001] (в переводе В.С. Сановича – рассказы «Табак и дьявол» и др.); [Повесть, 2014] (в переводе В.С. Сановича – «Записки из беседки над прудом» Есисигэ-но Ясутанэ).

— Я не исследователь, я переводчик. Исследователь только в том смысле, что каждый раз ишу, как сказать по-русски. Иногда получается довольно точно, а иногда совершенно не точно. Вот пример: рассказ про Ки-но Тосукэ, который был слугой у Фудзивара-но Таканори, который в свою очередь был вассалом Фудзивара-но Ёримити (рассказ 27–21)³. Ки-но Тосукэ был послан с поручением, и в пути перед ним вдруг очутилась женщина. И сказала: «Не передадите ли вы такой-то женщине этот ларец? Она вас будет встречать у такого-то моста». Он сказал: «Ну, отчего же нет?». Когда приехал домой, он проехал мимо той женщины и вспомнил о ларце только дома. Положил его в кладовую, а жена заметила и подумала, что это он какой-то своей любовнице привёз. И когда он ушёл, жена ларец, естественно, открыла. Там она увидела кучу вырванных глаз и еще кучу «тайных удов». «Уд», конечно, имеет множественное число, но это звучало бы ужасно. Поэтому я в данном случае придумал, что сначала она увидела эти глаза, а потом: «О ужас! И вырваны под самый корень!» – и захлопнула ларец. Когда муж воротился, она ему это все рассказала. А ведь та женщина говорила: «Ни в коем случае не открывай!». Он и не открывал, и теперь говорит жене: что ж ты наделала... Ну, дальше неинтересно – он умер.

Именно эта новелла связана с датировкой «*Кондзяку моногатари*», я давно её хотел перевести. Здесь глагол в прошедшем времени имеет постфикс *-ки*, а обычно *-кэри*, и именно потому, что тут *-ки*, нужно было как-то передать, что рассказчик этой истории был с Фудзивара-но Таканори знаком. Я обычно пишу – «В стародавние времена...», а в данном случае будет так: «В стародавние, как говорится, времена, но, впрочем, не так уж и давно...», *-ки* выросло в целую фразу. Хотя такого я обычно не допускаю, объясню в примечаниях, поскольку это важно для датировки собрания.

Сейчас я готовлю к изданию небольшую подборку из «Стародавних повестей» и решил начать с этого перевода. Вообще в новом томе рассказы пойдут по порядку, от первого свитка к тридцать первому. Первый рассказ – начало земной жизни Будды, а последний – про дерево, которое давало огромную тень, им заканчивается дошедший до нас текст «*Кондзяку моногатари*». Дальше буду готовить другие тома, постепенно увеличивая объём. И если буду здоров, сделаю «*Кондзяку*» полностью.

— **Как началась Ваша работа над собранием?**

— На третьем курсе Института восточных языков. И таскал я эти переводы к Вере Николаевне Марковой. А диплом писал у Ирины Львовны Иоффе. Конечно, я тогда был совершенный неуч. Только в полном невежестве можно за такую работу браться. Рассказы брал, какие попадались.

Я слышал, как Вера Николаевна читала первые переводы Сайгё. Без её переводов меня бы не было, ни на копейку. Это был летний день, и я его никогда не забуду. Она очень красиво читала. Она была прекрасна.

Первые мои переводы выходили в университетском вестнике, три или четыре рассказа – это было, конечно, очень ребяческое дело, хотя я старался. Однажды – уже после защиты, Ирина Львовна мне поставила пятёрку, – я встретил её, и она сказала: «А я вам скажу, Витя, вам рано переводить “*Кондзяку моногатари*”». И она была права! У неё была единственная странность: она всю жизнь занималась японской литературой, но её любимый писатель был

³ Здесь и ниже первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нём.

Лермонтов, и она говорила: как можно сравнивать? Она всё делала с изумительной аккуратностью, русский язык у неё был – ого-го, петербургский русский язык! Но не любила японскую литературу, в том смысле, что считала её второстепенной.

А потом я пришёл к Николаю Иосифовичу Конраду, имея под мышкой «*Нихон рёики*» в издании «Асахи симбун». Вот тут-то и произошёл резкий поворот в моей биографии. Конрад полистал и сказал: «А давайте-ка мы начнём заниматься». Это было прекрасно, но он уже очень болел и видел, что меня до защиты не доведёт. Он сказал: «Я плохой руководитель». И у меня сердце сжалось, и стало уже не до защиты. А «*Нихон рёики*» в итоге стал переводить А.Н. Мещеряков.

На самом деле ничего не бывает случайно. Николай Иосифович со мной читал, во-первых, «*Кодзики*», потом – «*Мурасаки Сикибу никки*». Тогда только что вышла одна из работ М.М. Бахтина, их ещё было не так много опубликовано. У Конрада и Бахтина в 1920-е годы были очень сложные отношения, в те времена, когда Николай Иосифович взялся быть ректором Орловского университета и там же опубликовал свою первую серьёзную работу, о Камо-но Тёмэй. И вот, теперь Конрад мне предложил написать что-то вроде эссе в подражание Бахтину. Я написал. А потом я стал переводить «*Идзуми Сикибу никки*», перевёл полностью, не опубликовал. Николай Иосифович, когда я приносил перевод по кусочкам, в соседнюю комнату кричал: «Наташа! Виктор Санович сейчас будет читать “*Идзуми Сикибу никки*”, иди сюда!». И Наталья Исаевна приходила, нехотя, потому что тогда как раз шла работа над «Словарём» [Конрад, 1970].

Наталья Исаевна Фельдман была душой этого дела. Она не считала себя профессиональным переводчиком, хотя перевела очень много – потому что нужно было. Когда в «Библиотеке всемирной литературы» готовился большой том Акутагавы [Акутагава, 2001], она сказала: «А я давно хотела это перевести!», – и перевела «*Куклы-хина*» и «*Снежок*», уже будучи очень старым человеком, причём очень легко. Два дивных перевода. Но переводы её были иные, чем у Марковой. Маркова была гений, переводчик. А Наталья Исаевна была Наталья Исаевна. Никто, как она, не чувствовал грамматику, синтаксис. Это то, что ей удавалось всегда. Это очень честная работа.

Так она перевела «*Оку-но хосомити*» Басё. Во-первых, ей не нравился Басё. Во-вторых, она считала *хокку* полной чепухой, о чём просто написала открытым текстом. Но она перевела это так, что сейчас любой смельчак, кто взялся бы это переводить, должен будет смотреть, что она сделала. Это не классический перевод, но это так талантливо! А талант – это единственная новость, которая всегда нова, как сказал один поэт. Это было чудом. Мне пришлось, когда Николая Иосифовича не стало, видаться с ней довольно часто, она уже не хотела жить. Это была любовь. Один раз я ей сказал, что у Николая Иосифовича есть две очень хороших рецензии: по поводу Пу Сунлина и по поводу переводов Ю.К. Щуцкого; у неё их не было. И как-то я зашел в Ленинку, в третий научный зал, он был совершенно пуст, и в самом конце сидела маленькая седая фигурка. Перед ней стояла чернильница, лежала ручка с пером, и Наталья Исаевна переписывала от руки рецензии Конрада. И переписала, и издала в собрании сочинений.

Николай Иосифович никого никогда не предавал. Его старший брат, Иван Иосифович, священник, был расстрелян большевиками. Но как-то Конрад мне сказал: «Если бы в соседней комнате допрашивали Наталью Исаевну – я не знаю, что я бы наговорил»...

Потом я потерял много времени. Честно говоря, состоялся я очень поздно. Меня не брали ни в один академический институт, а чтобы такими вещами заниматься, как «*Кондзяку моногатари*», нужно зарплату получать. А я работал в издательстве «Художественная литература», там было много замечательного, и все же... Свои старые переводы я не люблю. Мне хотелось, чтобы это было как Боккаччо какой-нибудь, в смысле стилистики, и в переводах это видно. А должно быть иначе. Почему я сейчас и схватился за «Стародавние повести», хотя прошло уже так много лет.

— **Заглавие «Стародавние повести» – Ваше?**

— Моё. И к моему горю, В.Н. Маркова его подхватила из любви ко мне. Это было неправильно. *Има ва мукаси* – это что хотите может быть, это повторяется во всех рассказах, но всегда имеет оттенки. Недавно я сказал Т.И. Редько: уже жалею, что выбрал заглавие «Стародавние повести». Она: «Не трогайте, не трогайте!». А я думаю: может, тронуть? *Има ва мукаси* – очень хорошее словосочетание. Это же рассказчик говорит: «Ну теперь-то это уж вон когда было»...

Кстати, о «стародавнем». В «*Кондзяку моногатари*» есть и свой Такэтори (рассказ 31–33), есть своё «*Исэ моногатари*» (рассказы 24–35, 24–36 и 30–4). И есть рассказ про Урасима (16–15). Заметьте, что в основных текстах про Урасима нигде не говорится, сколько именно лет он пробыл в подводном царстве. Этого нет и в гениальной балладе в «*Манъёсю*». Если взять весь период Нара – Хэйан, то баллада об Урасима войдёт в пятёрку лучших текстов, наряду с «*Гэндзи*»: по композиции, по сжатости. У Марковой сказано, что для Урасима остановилось время. Вот тема баллады. Она про то, что рай – там, где остановилось время. А в конце – какая короткая человеческая жизнь... Недаром А.Е. Глускина пишет в примечаниях, что этот текст считается самым древним. Не записи в «*Нихон сёки*» и в *фудоки*. В *фудоки* Урасима очень скучный, но для комментатора – раздолье: почему черепаха, пиры какие-то бесконечные... А вот баллада в «*Манъёсю*»...

Но что касается комментариев – если я буду сидеть над тем, откуда пошли *има ва мукаси* и *катари цутаэтару то я*, я не двинусь с места, как та сороконожка. Моя главная задача иная. Надо понимать: весь индийский, например, раздел тесно связан с китайскими буддийскими текстами. Но я не уверен, для какой цели мне надо это фундировать. Я перевожу, тема моей жизни – ««Стародавние повести» – выдающийся памятник японской классической литературы», и никак иначе. Иначе можно ничего не успеть.

— **На какие издания Вы опираетесь в работе?**

— Прежде всего, «*Кондзяку моногатари*» издательства «Иванами» под редакцией Ямада [Кондзяку, 1959–1963]. Кроме него – тома издательства «Сёгаккан», там редакторы Кунисаки Фумимаро, Мабути Кадзуо и Конно Тоору [Кондзяку, 1971–1976]. И ещё издание из серии «Асахи симбун» [Кондзяку, 1953–1956]: помню, как я в Японии выходил из книжного магазина с этими томами в охапке, и это было счастье... Для меня комментарий в этих изданиях – основа того, что нужно для перевода, для понимания, что я сам могу сказать, а от чего воздержусь. Эти комментарии – и ещё словарь Нагано Дзёити [Нагано, 1969] и другие его книги, без них никуда. Но понимаете, переводить или пересказывать японские комментарии как они есть – по-моему, дело неблагодарное. За ними тысячелетняя традиция, и вот возьму я примечание Ямада в три строчки – чтобы уже его объяснить по-русски, понадобится невесть сколько времени и страниц. И сколько ещё текстов перевести, чтобы стало понятно... А мне важна живая жизнь в «Стародавних повестях». И вот что ещё:

система возникает после перевода. Заранее, пока перевода нет, пока не зазвучала эта жизнь, – нет и системы мысли, которую надо поддержать комментарием.

Из переводов «*Кондзяку моногатари*» на современный японский назову Нагадзуми Ясуаки [Кондзяку, 1966–1969], его я читал ещё в старой Иностранке. Если говорить о западных переводах – их много, замечательную вещь сделала Мэриан Юри [Угу, 1979], но я перевожу совсем по-другому, чем она. Её перевод – лёгкий, такой, чтобы прочесть и по избранному увидеть целую книгу. Моя задача – и это всё тоже, но ещё и чтобы перевод можно было цитировать, насколько возможно, точный. И чтобы он читался вслух.

Ещё из исследователей – Дональд Кин, конечно. В.Н. Маркова говорила про него: суховат. А я эту суховатость его обожаю, настоящую английскую, хоть он и американец. Его перевод Басё, «*Нодзараси кико:*» – блистательная работа (я эту вещь тоже перевёл в прошлом году, ещё не издал). Кин просто не любит преувеличений. Он обожает японскую литературу и при этом точно знает, что Шекспир писал лучше. Но просто так из этого ничего не следует, а вот если показать, что Тикамацу был великий поэт и драматург – да, вот это задача.

— **Как Вы теперь выбираете рассказы для перевода?**

— Я не думал, что меня так увлечёт первый свиток, о жизни Будды. Очень боялся этой работы. Ведь эти рассказы ни на что не похожи. Я прочёл изложения жизни Будды у В.П. Андросова, у В.К. Шохина, а особенно у В.Г. Лысенко – это здорово, сухо и хорошо. Но в «*Кондзяку*», у условного Минамото-но Такакуни, я вижу не пересказ готовых жизнеописаний, а совершенно оригинальный текст. И стараюсь это передать как можно ближе. Чтобы звучала устная речь. Такакуни или кто бы он ни был, составитель «*Кондзяку моногатари*», – хочет, чтобы это читали вслух. И я читаю, скандирую. «Так рассказывают, а я передаю здесь только то, что слышал от других», *катари цутаэтару то я...*

Из первого свитка я перевёл семь рассказов. Это трудно. Когда царица Майя берётся за ветку – этот эпизод я переписывал несколько раз. Там ведь дерево живое. Обязательно будут рассказы из китайского раздела, в нём есть превосходные вещи. Рассказчики очень были уже фундированы высокой прозой, все они прекрасно разбирались в китайских книгах. Но очень настаивали на том, что они японцы. Вот Л.Н. Меньшиков: его перевод Гань Бао – это классика, и я смотрел, как сделано у него. Не у Алексеева, которого все обожают, а у Меньшикова. Он очень хорошо чувствовал эту деловитую китайскую прозу. Из ничего рождается что-то очень важное для китайцев.

Из японского раздела – о начале рода Фудзивара (22–1) и другие знаковые рассказы, они у меня уже переведены. Знаменитый рассказ про Ёринобу и Ёриёси (25–12), этот перевод нужно переделать. Мне хочется, чтобы от зубов отскакивало, потому что там – чистый Хемингуэй! «Он хотел сказать это, но не сказал, а кратко сказал...» И потом, тоже моё любимое: про то, как в храме крадут приношения, а герою снится сон, а он влюблен, и вот, он видит её во сне... (19–20) это здорово. Это очень талантливо и очень богато реалиями, в этом смысле Акутагава прав: действительно, «человеческая комедия» [Акутагава, 1927].

Я перевёл и заново сейчас переведу мой любимый рассказ о том, как старший брат Мурасаки Сикибу, Фудзивара-но Нобунори, приехал к отцу и вскоре умер (31–28). И когда он умирал, к нему пришёл монах, стал ему рассказывать всякие благостные вещи. А Нобунори видел уже тот путь, что после смерти. И вот он что-то сказал, что бы ему хотелось увидеть, от чего этот самый монах взревел и удрал. Я хочу сделать из этого блестящий, боккаччиевский

текст, такой философский. «Декамерон» ведь тоже вещь глубоко продуманная, и она обращена вообще-то тоже к Небесам, а не к чему-то ещё.

Есть у меня мечта: перевести всё собрание стихов Мурасаки, её дочери и её брата. Этот брат, Нобунори, мой любимец, был большой озорник. Всё хочется успеть, а это невозможно...

Для новой подборки я беру рассказы, которые читал Акутагава, из которых получились у него «Барышня Рокуномия», «Имогаю»... Я хочу показать, как Акутагава с ними работал. Его очерк о «Стародавних повестях» очень хорош. Акутагава вообще был очень образованный человек. Он же говорил: «*Гэндзи моногатари*» читали два человека – я и господин Танидзаки».

Кстати, о выборе. Когда готовился том Акутагава, я предложил В.Н. Марковой выбрать – и получилась «Паутинка». Несколько рассказов перевел Аркадий Стругацкий. Вообще он переводил не один: «Луна в тумане», как вы знаете, вышла под двумя фамилиями: Рахим Зия и Стругацкий. Он очень любил это дело, был очень азартный человек, но ему было некогда. Я видел, как он работает. У него была большая амбарная книга – это он у Марковой научился – и он там писал мелким почерком. Это ещё от Ленинграда идёт, когда бумагу надо было беречь. А вот Евгений Маевский, мой друг, вспылил, когда я его попросил кое-что перевести для большого однотомника Акутагава, сказал: «Ну, ты что! Хочешь, чтобы я тебе перевёл вот эту гадость?!». Японисты – народ странный...

— **А у Вас – амбарная книга? Как построена работа?**

— У меня такая тетрадь есть, но я пишу на клочках бумаги. Вера Николаевна очень сердилась. У меня есть рукопись её последней работы, «*Кагэро-никки*», первые несколько глав, они изданы в томе «Тысяча журавлей». Её черновики идут один за другим, и видно, как она движется постепенно-постепенно к результату. Но она уже слеpla, и это была трагедия. «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон требовали очень скрупулёзной работы над реалиями, и Маркова её выполнила, но при её тщательности это требовало невероятного времени. Как ни странно, «*Гэндзи-моногатари*» переводить было бы легче, потому что роман летел бы, а Сэй Сёнагон никуда не летит, и это в конце концов утомляет.

Сейчас я подготовил к изданию двести четыре японских сказки в переводах Веры Николаевны. Переводы сказок – это вещь не меньшая по значению, чем её *хокку*. Потому что сказки – великий вклад Японии в мировую культуру. У Марковой есть маленькая статья в альманахе [Маркова, 1981, с. 550–556], лучшее, что вообще написано о японской сказке. Она пишет, что сказки насыщены реалиями позднего феодализма с реликтами разных древних эпох, и там, где Урасима курит трубочку – это и есть знак вечного существования сказки. Другой пример: *карёбинга*, птица калавинка, появляется в «Сутре об Амитабхе» – а потом во что она превратилась, безобразница, в *отоги дзоси*!

Вот это Вера Николаевна любила: живое существование сказки. Она сама была сказочница! Записывала фольклор в пушкинском Михайловском в 1920-е годы. В неопубликованной автобиографии она говорит, что хотела было отправить эти записи в Академию наук, но испугалась. Там же она пишет, как рассказала девочкам в деревне, где жила, французскую сказку, а назавтра услышала эту сказку уже в русском изложении. Замечательно! Эта автобиография не издана и вряд ли будет издана, к сожалению. Что касается меня, я все свои силы положу на то, чтобы это сделать.

— **У Акутагавы сказано, что в «Кондзяку» грубый язык. Вы согласны с этим?**

— Согласен. Но эта грубость очень изысканная. Вот, как в случае с Марковой. Разговоры о «*Гэндзи*» шли, и она говорила: «А я не знаю, как всё это переводить». Японский язык

Мурасаки Сикибу, её синтаксис – это вот даже вязью назвать нельзя, это невоспроизводимо. Можно сравнить с Пушкиным. Г. Шенгели сделал опыт, взял первые слова Татьяны в разговоре с Онегиным: если бы не рифмы, была бы обычная русская речь [Шенгели, 1960, с. 7–8]. Просто Пушкину удавалось то, что больше никому не удавалось. И вот так же у Мурасаки. Я пробовал переводить её, Конрад закончил на четвёртой главе, а я взялся за пятую. Но вот это бесконечное движение женской прозы – фраза начинается, длится, длится и кончается глаголом... А *«Кондзяку моногатари»* написано мужчинами, которые с детства учили китайский прежде всего. Я стараюсь передать и это, и сакральное значение текста, и в то же время хочу, чтобы получился рассказ для всякого простого человека, как и задумано.

Хочу сейчас переписать заново переведённый мною рассказ про башню Расёмон и вора, как тот пришёл заниматься своим ремеслом и увидел эту несчастную старуху... Вот тут Акутагава прав. Но грубость – это не так сложно для переводчика. А вот передать всю странность и страшность... В.Н. Маркова перевела 205 сказок, а я включил в новое издание только 204. Одна – это настолько страшно! Как прозекторская, описанная Булгаковым в *«Белой гвардии»*, когда Николка приходит искать тело... Хотя для японцев это не было так уж страшно. Вот есть книжка с написанной по-китайски историей Оно-но Комати. И там в конце картинка. Вот она красотка, потом старуха, потом тело... А потом лежит горстка костей. Но горстка костей – это ладно, а вот что в середине...

Но вообще эти рассказчики очень весёлые. В.Н. Маркова в той же статье о сказках пишет о Японии как ойкумене, о чуде Японии, а в конце рассказывает одну из сказок. Там рассказчик говорит: «... и вот он пошёл, пошёл. И посохом тыкал, тыкал. И однажды тыкнул, а в мосту дырка!» Дальше говорить, что? Говорю: он провалился! Это конец сказки. Вот это прелесть...

— Для Вас *«Кондзяку моногатари»* – это отдельные рассказы или целостный текст?

— Цельный, конечно. Существует великолепное исследование Кунисаки Фумимаро [Кунисаки, 1962]. Он показывает, как рассказы идут двойчатками, и это очень важно. *«Кондзяку»* вообще вещь глубоко продуманная, почему я не думаю на самом деле, что это написал Минамото-но Такакуни, хоть он и был очень образованный человек. Дело в том, что конструкция *«Кондзяку моногатари»* очень строгая, она просто не закончена. Там всё продумано. Тематически это – подражание китайским сборникам, но только японское. Должны быть Индия, Китай, Япония, как в предисловии к *«Нихон рё:ики»*, эта триада непреложна, исторически неопровержима, и ей должно соответствовать всё построение. Правда, я эти двойчатки сейчас не перевожу, потому что если уж делать так, то всё время, а я хочу в новом издании показать книгу в целом. А в подборке будет всего листов шесть или семь.

Но кстати о цельности. Придумывают всякую ерунду про «Сто стихотворений», когда Тэйка это и не приходило в голову. На самом деле Тэйка просто выполнял просьбу, а уже другое дело – что было у него в голове, все прежние сборники, начиная от сокращённого *«Кокинсю:»*, который сделал на старости лет Цураюки.

А.И. Юсупова предложила мне в своё время перевести 24 стихотворения Тэйка «О цветах и птицах», когда готовила выставку в Кремле. На выставку должны были привезти ширму, с которой связаны эти стихи. Первый вариант я читал в Грановитой палате десять лет назад. А потом продолжил работать над переводом, а я работаю очень медленно, потом издал их в *«Новом мире»*, а теперь вот в сборнике [Маркова, Санович, 2017]. Тэйка эти

24 стихотворения написал, когда ему принц приказал сочинить для картин. Это работа как у Баха, на заказ, только так её и надо воспринимать.

Вот в *«Кондзяку»* есть знаменитый рассказ о Фудзивара-но Тосиюки (14–29). Хороший поэт, каллиграф, просыпается, а перед ним стоят стражники и говорят: тебе, мол, пора в ад. Он: как так? Это ж совершенно тридцать седьмой год! Они его тащат, тащат и подтаскивают к реке, по которой течёт чёрная вода. «Ты знаешь, что это? Это – тушь с твоих кистей, которыми ты писал на заказ, переписывал сутры, чтобы тем, кто тебя просил, было хорошо. А им не хорошо, ничего не получилось, никакой благодати. А почему так? Потому что сам ты в жизни грешил очень, и это ты писал не от души».

Кстати, Тэйка переписал *«Сутру об Амитабхе»* девять раз в течение двух лет, в пору заговора Готоба-ин. А Готоба-ин был хороший поэт, и может быть (хотя это и недостоверно) от него идёт многое из того, что будет у Синрана в традиции Дзёдо-синсю. И вот, этот замечательный поэт за здорово живёшь положил столько людей в той смуте, Кубота Дзюн писал об этом. А Тэйка политиком не был. Он кошек любил и свою семью, девочек своих, кого он усадил переписывать *«Гэндзи»*...

А в той большой новелле гениальный конец. Стражникам каллиграфа стало жалко, но они стражники, им сказали – в ад, значит, в ад. Они говорят: ты вспомни, может быть, ты что-нибудь сделал хорошее? И когда его уже подтащили к воротам, он вспомнил какую-то малость. В конторе сидит человек с книгой, смотрит, какие у Тосиюки грехи. И говорит: у тебя, мол, тут всё очень плохо. И Тосиюки – а надо себе представить, он же не просто Фудзивара, а царского рода, – шею тянет и говорит: вон там, внизу страницы, есть одно дельце, посмотри. А это всё-таки было время честных людей, даже в аду. Говорят: действительно есть. Иди – и веди себя как следует. Ну, где ещё, у какого Боккаччо такое можно найти?

Из стихов Синрана я перевёл *«Дзё:до васан»*, не знаете?

— Да, было японское издание [Санович, 1999].

— Его хвалил покойный Г.Г. Свиридов. Я со Свиридовым не был знаком, встретил его всего один раз в Японии, когда он уже очень тяжело болел. Но я помню, что он отозвался на тот мой перевод. Из Синрана я в скором времени постараюсь доработать и издать *«Ко:со: васан»* и *«Сё:дзомацу васан»*. У меня всегда есть в запасе один выход. Мой друг Хатабэ Хацуё, есть такая замечательная женщина – я отошлю ей сделанные три свитка, чтобы она издала их в Японии. Это для меня – святое дело, я обещал.

— И всё же: что для Вас главное в *«Стародавних повестях»*?

— «Человеческая комедия». И, конечно, энциклопедичность. Ничто не должно пропасть, вот в чём их цель. Сохранить лучшее – это уже другая задача, из неё вышел следующий шедевр, *«Удзи сю:и»*, и его стилистика другая. В том же тексте про Такэтори видно, насколько изысканная манера рассказа. *«Кондзяку моногатари»* полны юмора, но этот юмор ближе к народному рассказу, а *«Удзи сю:и»* сочинял очень изысканный человек, там всё время есть усмешка. И недаром там берутся тексты из *«Чжуан-цзы»*, а Чжуан-цзы, будем прямо говорить, опередил не только то время, но и наше. Когда читаешь в любом переводе, то ли Л.Д. Позднеевой, то ли В.В. Малявина, – это абсолютно современно. Кстати говоря, сказка *«Карёбинга»*, где птица летит, ищет, где свету конец, – это просто первая глава из *«Чжуан-цзы»*, это же видно... Только каким образом это до острова Танэгасима доехало, я не очень понимаю. Доказать я не могу, поэтому в итоге снял этот комментарий. Я только

написал, что Танэгасима – маленький остров, который открыт океану, чтобы кто хочет, об этом подумал.

Ещё у В.Н. Марковой есть сказка «Угусу-химэ». В сборнике «Нихон-но мукаси банаси» Янагита Кунио после каждой сказки указывает источник [Янагита, 1942], и для «Угусу химэ» это – «Кайдо:ки». Значит, текст начала XIII века, неизвестного автора, который едет по тем местам, где только что шли бои в пору смуты годов Дзёкю. Д. Кин пишет, что путешественник ехал именно по тем местам, которые связаны с одним из ближайших к Готоба-ин людей, которого после смуты казнили [Кин, 1996, с. 100–106]. Так вот, в «Кайдо:ки» есть пересказ «Кагуя-химэ», то есть «Такэтори». И я совершенно уверен, что эту сказку сократил и изумительно изящно передал сам Янагита. Там Кагуя-химэ, поскольку она была предана идее *онгаэси*, благодарности, снова вернулась на землю в виде маленькой соловьишки, её подобрал Такэтори и стал воспитывать, и вот, старик опять находит золотые монеты и богатеет... Но это не Кагуя-химэ, просто она помнит добро, которое ей сделал вот этот человек в сказке «Такэтори-моногатари». И конечно, написано, какая она была красавица, а какая? Конечно, как Ян-гуйфэй! И тут автор «Кайдо:ки» не поспешил, прямо всё пересказал по «Чан хэнь гэ» Бо Цзюй-и. А Янагита Кунио это всё похерил, оставил сказку. И там два главных пункта. Это мотив пятнадцатой ночи восьмой луны и мотив Фудзи, над которой дымок. Янагита Кунио выстроил это с волшебной совершенно соразмерностью. Вера Николаевна, когда это переводила, «Кайдо:ки» не читала. Она вообще не любила читать то, что не нужно. А я люблю! Поэтому я это прочёл. Иначе бы она столько не сделала, Вера Николаевна отличалась качеством гения – она никогда не делала ничего лишнего. Так, рассказывают, хорошие шахтёры в шахте знают, куда надо бить, ударишь – и сразу рушится целый кусок. У неё так было. И вот почему я возился с этим комментарием так долго. В издании сказок под редакцией А.Р. Садовой такое ощущение, что японцы только и знают, что празднуют. Вот попадаетесь какой-то праздник – и даётся комментарий на две-три страницы об этом празднике. А вообще-то говоря, пятнадцатая ночь восьмой луны – это ночь, когда мстительный дух Рокудзё убил бедную Югао. В комментарии к «Гэндзи» издательства «Сёгаккан» [Мурасаки Сикибу, 1970–1976] написано, что вообще эта ночь – время, очень нехорошее для любовных союзов, опасное. А откуда это взял комментатор, не сказано. Значит, ему кто-нибудь, допустим дедушка, рассказал! Но, действительно, глядеть на луну – главный мотив и в «Такэтори». Девушка всё время призывает – смотрите на луну, там я! И это Янагита Кунио оставил, он оставил всё, что надо. Перевод «Угусу химэ» Маркова сделала *con amore* – прямо каждое словечко там к месту! Но это не она, это Янагита сделал вот этот пересказ. Вот так!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акутагава Рю:носукэ. Кондзяку моногатари кансё: : [Оценка «Стародавних повестей»] / Нихон бунгаку ко:дза : [Лекции по японской литературе]. Токио: Синтё:ся, 1927. С. 29–34.

Акутагава Рюносукэ. Муки ада / сост.: Р. В. Грищенко. СПб: Кристалл, 2001.

Акутагава Рюносукэ. Новеллы / ред. В. Санович и С. Чулков. М.: Художественная литература, 1974.

Большой японско-русский словарь / под ред. Н.И. Конрада. В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1970.

Исэ моногатари / перевод, статья и примечания Н.И. Конрада; издание подготовил В.С. Санович. М.: Наука, 1979 (серия Литературные памятники).

Кин Д. Странники в веках. Перевод с английского. М.: Восточная литература РАН, 1996. С. 100–106.

Классическая драма Востока: Индия, Китай, Япония / ред. В. Санович и М. Ваксмахер. М.: Художественная литература, 1976.

Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / ред. В. Санович и М. Ваксмахер. М.: Художественная литература, 1977.

Классическая проза Дальнего Востока / Вступительная статья Б. Рифтина; редакторы В. Санович и С. Чулков. М.: Художественная литература, 1975.

Кондзяку моногатари : [Стародавние повести] / Комментарий Нагано Дзё:ити. Токио: Асахи симбунся, 1953–1956 (серия Нихон котэн дзэнсю: : [Полное собрание японской классики]).

Кондзяку моногатари-сю: : [Собрание стародавних повестей] / Нихон котэн бунгаку дзэнсю: : [Полное собрание памятников японской классической литературы]. Т. 21–24. Под ред. Мабути Кадзуо, Кунисаки Фумимаро и Конно Тоору. Токио: Сё:гаккан, 1971–1976.

Кондзяку моногатари-сю: : [Собрание стародавних повестей]. Пер. Нагадзуми Ясуаки и Икэгами Дзюньити. В 6 т. Токио: Хэйбонся, 1966–1969.

Кондзяку моногатари-сю: : [Собрание стародавних повестей] / Нихон котэн бунгаку тайкэй : [Большое собрание памятников японской классической литературы]. Т. 22–26. Под ред. Ямада Ёсио, Ямада Тадао, Ямада Хидэо, Ямада Госио. Токио: Иванами, 1959–1963.

Кунисаки Фумимаро:. Кондзяку моногатари-сю сэйрицу-ко: : [Размышления о происхождении «Собрания стародавних повестей»]. Токио: Васэда дайгаку , 1962.

Маркова В.Н. Японские народные сказки / Начало пути. Восточный альманах. Вып. 9. М.: Художественная литература, 1981. С. 550–556.

Мурасаки Сикибу. Гэгндзи-моногатари : [Повесть о Гэгндзи]. Под ред. Абэ Акио, Акияма Кэн, Имаи Гэнъэ / Нихон котэн бунгаку дзэнсю: : [Полное собрание памятников японской классической литературы]. Т. 12–17. Токио: Сё:гаккан , 1970–1976.

Нагано Дзё:ити. Сэцува бунгаку дзитэн : [Литература поучительных рассказов. Словарь]. Токио: То:кё:до: 1969.

Повесть о прекрасной Отикубо. Записки у изголовья. Записки из кельи. М.: Эксмо, 2014.

Санович В.С. Из истории русских переводов японской художественной литературы // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / сост. И. Н. Никулин; отв. ред. Б.Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2008. С. 247–345.

Санович Виктор. Росиаго яку «Дзё:до васан» : [Русский перевод «Дзё:до васан» Синрана] // Рю:коку дайгаку Буккё бунка кэнкю:дзё киё: [Бюллетень Института буддийской культуры университета Рю:коку]. 1999. Вып. 38. С. 27–1 (обратная пагинация).

Стародавние повести / Предисловие, перевод и комментарий В.С. Сановича // Сердце зари. Восточный альманах. Вып. 1. М.: Художественная литература, 1973. С. 517–540.

Стародавние повести / Предисловие, перевод и комментарий В.С. Сановича // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 18. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Художественная литература, 1975. С. 649–657.

Стародавние повести / Предисловие, перевод и комментарий В.С. Сановича // Луна в тумане. М.: Правда, 1988. С. 123–150.

Стародавние повести / Предисловие, перевод и комментарий В.С. Сановича // Тысяча журавлей. Антология классической японской литературы VIII–XIX вв. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 324–346.

Шенгели Г.А. Техника стиха. М.: ГИХЛ, 1960. С. 7–8.

Янагита Кунио. Нихон-но мукаси банаси : [Японские сказки]. Токио: Сангоку сёбо., 1942.

Японская классическая поэзия / переводы со старояпонского и предисловие В.Н. Марковой; переводы со старояпонского, составление, комментарий В.С. Сановича. М.: Издательство «Э», 2017.

Ury Marian B. Tales of times now past: sixty-two stories from a medieval Japanese collection. Trans. Ury, Marian B. Berkeley: University of California Press. 1979.

REFERENCES

Akutagawa, Ryūnosuke. (1927). Konjaku monogatari kanshō [Konjaku monogatari Appreciation], *Nihon bungaku kōza*, Shinchōsha, Tokyo: 29–34. (In Japanese).

Akutagawa, Ryūnosuke (1927). Muki ada [Hell], ed. R. Grishchenkov, St. Petersburg: Kristall. (In Russian).

Keene, Donald L. (1989). Travelers of a Hundred Ages: The Japanese As Revealed Through 1,000 Years of Diaries. (Russian Translation 1996).

Konrad, Nikolai I. (1970). Bolshoi yaponsko-russkii slovar' [Japanese-Russian Dictionary], 2 vols., Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian).

Konrad, Nikolai I., tans., Sanovich, Viktor S., ed. (1979). Ise monogatari, Moscow: Nauka. (Russian Translation).

Kunisaki, Fumimarō. (1962). Konjaku monogatari shū seiritsu kō [On Establishment of Konjaku monogatari shū], Tokyo: Waseda daigaku. (In Japanese).

Mabuchi, Kazuo et al., eds. (1971–1976). Konjaku monogatari shū, Tokyo: Shōgakkan. (In Japanese).

Markova, Vera N. (1981). “Yaponskie skazki”, Nachalo Puti [“Japanese Folk Tales” Beginning of the Way], *Vostochnyi almanakh*, Moscow: Khudozhestvennaya literature: 550–556. (In Russian).

Markova, Vera N., trans., Sanovich, Viktor S., trans., ed. (2017). Yaponskaya klassicheskaya poesiya [Japanese waka Poetry], Moscow: “E” Publ. (In Russian).

Murasaki Shikibu. (1970–1976). Genji monogatari, eds. Abe Akio et al., Shōgakkan, Tokyo. (In Japanese).

Nagano Jōichi, ed. (1953–1956). Konjaku monogatari shū, Tokyo: Asahi shinbunsha. (In Japanese).

Nagano, Jōichi. (1969). Setsuwa bungaku jiten [A Dictionary of Setsuwa Literature], Tokyo: Tōkyōdō (2nd Ed. 1980). (In Japanese).

Nagazumi, Yasuaki, Ikegami Jun'ichi, trans. (1966–1969). Konjaku monogatari shū, Heibonsha, Tokyo. (In Japanese).

Sanovich, Viktor S. (2008). Iz istorii russkikh perevodov yaponskoj hudozhestvennoj literatury [From the History of Japanese Fiction in Russian Translations], in *Vostochnaya klassika v russkikh perevodah: obzory, analiz, kritika* [Oriental Classics in Russian Translations: Reviews,

Analysis, Critics], eds. I.N. Nikulin, B.L. Riftin, Moscow: Vostochnaya literature: 247–345. (In Russian).

Sanovich, Viktor S. et al., trans. (2014). *Ochikubo monogatari, Makura no sōshi, Hōjōki, Chiteiki*, Moscow: Eksmo. (Russian Translation).

Sanovich, Viktor S., Chulkov S., eds. (1974). *Akutagawa Ryūnosuke, Novelly [Short Stories]*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Sanovich, Viktor S., Chulkov S., eds. (1975). *Klassicheskaya proza Dalnego Vostoka [Classical Prose of Far East]*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Sanovich, Viktor S., trans. (1973). *Konjaku monogatari shū, Selected Tales, Serdtse Zari [Heart of Down]*, *Vostochnyi almanakh*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura: 517–540. (Russian Translation).

Sanovich, Viktor S., trans. (1975). *Konjaku monogatari shū, Selected Tales, Klassicheskaya proza Dal'nego Vostoka [Classical Prose of Far East]*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura: 649–657. (Russian Translation).

Sanovich, Viktor S., trans. (1975). *Konjaku monogatari shū, Selected Tales, Luna v Tumane [Moon in the Mist]*, Moscow: Pravda: 123–150. (Russian Translation).

Sanovich, Viktor S., trans. (1975). *Konjaku monogatari shū, Selected Tales, Tsyacha Zhuravlei [Thousand Cranes, Anthology of Classical Japanese Literature, 8th – 19th Centuries]*, St. Petersburg: Azbuka-klassika: 324–346. (Russian Translation).

Sanovich, Viktor S., trans. (1999). *Roshiago Jōdo wasan [Jōdo wasan in Russian]*, *Ryūko daigaku Bukkyō bunka kenkyūjo kiyō*, 38: 27–1 (reverse pagination). (In Russian and Japanese).

Sanovich, Viktor S., Vaksmakher Moris N., eds. (1977). *Klassicheskaya poeziya Indii, Kitaya, Korei, Vyetnama, Yaponii [Classical Poetry of India, China, Korea, Vietnam, Japan]*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Sanovich, Viktor S., Vaksmakher, Moris N., eds. (1976). *Klassicheskaya drama Vostoka: Indiya, Kitai, Yaponiya [Classical Drama of the East: India, China, Japan]*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Shengeli, Georgii A. (1960). *Tekhnika stikha [Poetic Technic]*, Moscow: GIKhL. (In Russian).

Ury, Marian B., Trans. (1979). *Tales of times now past: sixty-two stories from a medieval Japanese collection*, Berkeley: University of California Press.

Yamada Yoshio et al., eds. (1959–1963). *Konjaku monogatari shū*, Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Yanagita, Kunio. (1942). *Nihon no mukashi banashi [Japanese Folk Tales]*, Tokyo: Sangoku shobō. (In Japanese).

Поступила в редакцию 23.08.2018

Received 23 August 2018

Для цитирования: «Я – переводчик». Беседа с В.С. Сановичем о переводе «Стародавних повестей» и многом другом // Японские исследования. 2018. № 4. С. 111–123. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10031

For citation: «Ya – perevodchik». Beseda s V.S. Sanovichem o perevode «Starodavnikh povestey» i mnogom drugom. (2018). [“I am a translator”. Interview with Viktor Sanovich about the translation of the *Konjaku monogatari shū* and many other things], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2018, 4: 111–123. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10031

Японские исследования. 2018. № 4. С. 124–134.

Japanese Studies in Russia, 2018, 4, pp. 124–134.

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10032

«Короткая песня» о Цунода Бунъэй и его европейских коллегах

Е.В. Детлова

Аннотация. Имя Цунода Бунъэй (Tsunoda Bun-ei) (1913–2008) не слишком известно в научном сообществе Европы и Японии. Хотя реальные заслуги этого выдающегося учёного – археолога, историка, литератора, как и его огромный вклад в развитие мировой науки, не вызывают сомнений. Цунода Бунъэй – профессор университетов в г.Осаке и г.Киото, основатель и глава Японского исторического общества, автор многочисленных научных трудов, редактор и издатель журналов по древней истории. При его непосредственном участии в Японии был основан Музей эпохи Хэйан, а также центры исследования древностей и античной литературы Запада. Под его руководством проводились раскопки памятников не только на территории Японии, но и за её пределами – в Ираке, Сирии, Египте, Европе. К сожалению, в биографии Б. Цунода имеется немало лакун. Так, мало известными широкому кругу исследователей страницами биографии учёного являются его стажировки и исследования в Европе в 1940-е–1970-е годы, обстоятельства его русского плена во время Второй мировой войны, нюансы визитов в 1971 и 1997 гг. в Советский Союз и общения с советскими учёными. Практически не изучена тема международных контактов профессора Цунода. Вне поля зрения до поры до времени остаётся его обширная переписка с коллегами за пределами Японии. На протяжении многих лет судьба и интерес к евразийской тематике связывали его с известными в Европе специалистами: Аарне Михаэлем Тальгреном, Геро фон Мергартом, Эллисом Миннзом, Францем Ганчаром и другими. Отчасти пролить свет на историю взаимоотношений Цунода Бунъэй с европейскими и русскими коллегами и познакомить научное сообщество с фрагментами писем из личных архивов его корреспондентов призвана настоящая статья.

Ключевые слова: Цунода Бунъэй, международные научные связи, история мировой археологии, переписка, Геро фон Мергарт, Аарне Михаэль Тальгрэн, археология Северной Евразии.

Автор: Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей. E-mail: detlova2012@yandex.ru

«Short song» about Tsunoda Bun-ei and his European colleagues

E.V. Detlova

Abstract. The name of Tsunoda Bun-ei (1913–2008) is not particularly well-known in the academic community of Europe and Japan. However, the contribution of this outstanding scholar, archaeologist, historian, and writer to the development of world science is beyond doubt. Tsunoda Bun-ei was a professor of universities in Osaka and Kyoto, the founder and head of the Japanese Historical Society, the author of numerous scholarly works, the editor and publisher of journals on ancient history. The Heian Museum of Ancient History and centers for the study of antiquities and ancient literature of the West were founded in Japan with his direct participation. Excavations of monuments were carried out under his leadership not only in Japan, but also abroad – in Iraq, Syria, Egypt, Europe. Unfortunately, there are many gaps in the biography of B. Tsunoda. For example, the little known pages of his biography include his study trips and research in Europe in the 1940s – 1970s, the circumstances of his captivity in the USSR during the Second World War, the nuances of his visits to the Soviet Union and Russia in 1971 and 1997, as well as of his meetings with Soviet scholars. The topic of Professor Tsunoda's international contacts has hardly been studied. His extensive correspondence with colleagues outside Japan remains, for now, out of scholarly spotlight. For many years, his interest towards Eurasia connected him with famous European scholars, such as Aarne Michael Tallgren, Gero von Merhart, Ellis Minns, Franz Hančar, and others. The present article aims to shed some light on the history of the relationship of Tsunoda Bun-ei with his European and Russian counterparts, and to acquaint the academic community with fragments of letters from the personal archives of his correspondents.

Keywords: Tsunoda Bun-ei, international relations, history of world archaeology, correspondence, Gero von Merhart, Aarne Michael Tallgren, archaeology of Northern Eurasia.

Author: Detlova Ekaterina V., Senior researcher, Krasnoyarsk Museum of Local Lore.
E-mail: detlova2012@yandex.ru

«Европейские каникулы» фронтовой осени Цунода Бунъэй. 1941 год

Швеция, Стокгольм, сентябрь сорок первого. В скромном номере отеля «Стокгольм» склоняется над письмом молодой японец в очках. Его зовут Цунода Бунъэй (1913–2008). Жизнь в Европе ему не в новинку: за три года пребывания здесь он успел посетить Италию, Грецию, Болгарию, Турцию, Румынию, Германию, Австрию, Венгрию. За его плечами – годы учёбы в 1934–1937 гг. в университете г. Киото на гуманитарном факультете. Затем аспирантура. И – счастливая возможность научной стажировки в Европе, под руководством лучших специалистов в области евразийской археологии. Особенно ему запомнился визит к известному финскому археологу Аарне Михаэлю Тальгрёну осенью 1941 г. Именно тому пишет сейчас аспирант Цунода. Писать по-английски не слишком удобно, поэтому послания получаются

лаконичными¹ (рис. 1, 2). Только самое важное: благодарность за радушие, с которым финский археолог принимал его в своём доме в Хельсинки, просьбы о присылке русских изданий и одного из выпусков издаваемого А.М. Тальгренем журнала *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, посвящённого проблемам евразийской археологии. Обилие тем, которыми занимается японский учёный, порождает у него массу вопросов. Но в письме многого не спросишь, и Б. Цунода ограничивается двумя: первый касается происхождения, языковой и этнической принадлежности населения Северной Европы в эпоху мезолита и ранней бронзы, другой связан с проблемой происхождения саамов – коренного народа Северной Европы. Интересоваться столь отдалёнными, на первый взгляд, от Японии народами Б. Цунода заставляет проблема генезиса и связей древних культур Японии и Северной Евразии.

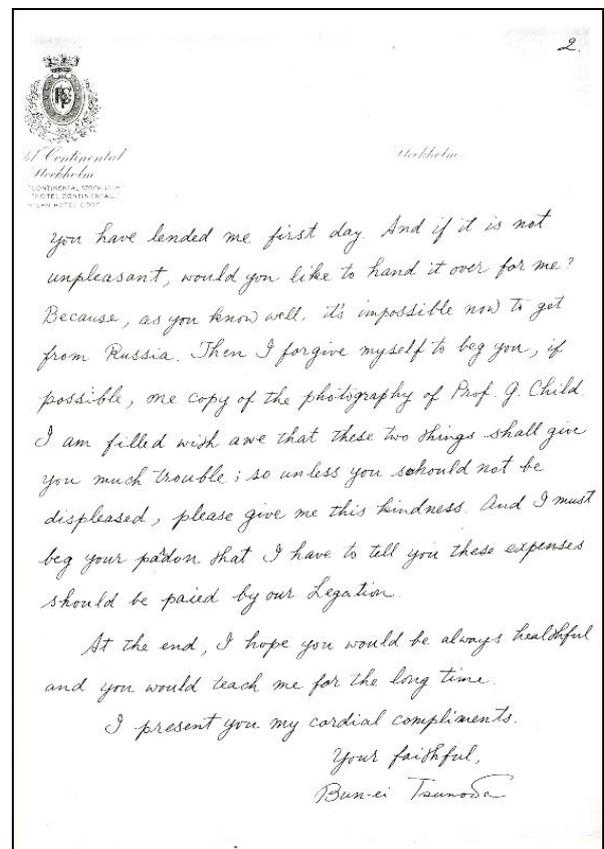
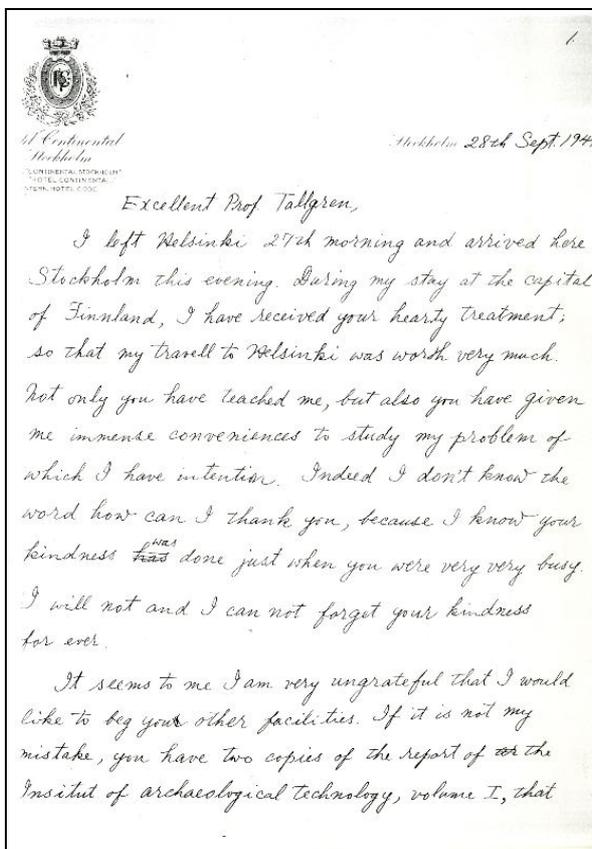

Рис. 1. Письмо Б. Цунода А.М. Тальгрену, стр. 1. Копия из Рукописного отдела Национальной библиотеки Финляндии (РОНБФ) (Coll. 230.10, 230.13)

Рис. 2. Письмо Б. Цунода А.М. Тальгрену, стр. 2. Копия из Рукописного отдела Национальной библиотеки Финляндии (РОНБФ) (Coll. 230.10, 230.13)

¹ Здесь и далее – фрагменты писем Цунода Бунъэя из Рукописного отдела Национальной библиотеки Финляндии (РОНБФ) (Coll. 230.10, 230.13) и личного архива Геро ф. Мергарта в Университете Филиппа в г. Марбурге-на-Ланне (Германия). За предоставленные материалы искренне благодарю своего коллегу С.В. Кузьминых из Института археологии РАН (г. Москва).

Ещё одна просьба довольно необычна. Молодого учёного так впечатлили портреты знаменитых европейских археологов, развешанные на стенах холла в доме А.М. Тальгрена, что у него появилась идея создать нечто подобное у себя на родине. И первое место в этом ряду по праву должен занять портрет известного английского археолога Вира Гордона Чайлда, о фотографии которого Б. Цунода также просит финского коллегу.

Более чем двухнедельное вынужденное пребывание в Швеции в ожидании визы для поездки в Германию японский учёный использует с максимальной пользой. За это время он активно знакомится с археологическими коллекциями здешних музеев, завязывает контакты со шведскими археологами. С одним из них, профессором Биргером Нерманом, директором Стокгольмского музея национальных древностей, он даже договорился об обмене между Швецией и Японией неолитическими керамикой и орудиями. Такой же обмен предполагается наладить с Финляндией. И в этом отношении помощь финского коллеги также представляется Б. Цунода бесценной.

Дальнейшие планы японского аспиранта относительно пребывания и работы в Европе обширны и не ограничиваются скандинавскими странами. Ещё одно письмо А.М. Тальгрену следует месяцем позже из Рима. Копилка европейского опыта за это время успевает пополниться свежими впечатлениями от посещения Берлина, Будапешта, Бухареста, Софии, а также новыми контактами: в Будапеште молодой учёный встречался с венгерским искусствоведом и археологом Нандором Феттихом, в Берлине познакомился с главой германского Союза древней истории Гансом Райнертом. Несмотря на его титулованность, занимаемый им высокий пост и обещание взять японского аспиранта в поездку по такой заманчивой, но мало известной в научном плане «новой немецкой территории» – Украине. Оценить великодушное предложение, как и профессионализм немецкого «корифея», по достоинству, Цунода Бунъэй что-то мешают². Небольшая ремарка в письме А.М. Тальгрену из Рима от 18 ноября 1941 г. (*«да, он очень деятельный человек, но я очень извиняюсь, что не смог оценить его в полной мере»*) недвусмысленно свидетельствует об отношении японского археолога к вышеупомянутому немецкому коллеге.

Несмотря на ностальгию Б. Цунода по родине и активной «работе в поле», незамедлительно вернуться в Японию не так-то просто. Эта, по его выражению, «прискорбная» война затрудняет курсирование судов между Европой и Японией, сообщение крайне нерегулярное. Только в 1942 г. учёный возвращается на родину. Маршрут его пролегает через Будапешт, Софию, Стамбул, Ташкент, Новосибирск, Маньчжурию.

В 1943–1944 гг. Цунода Бунъэй продолжает работать в археологической лаборатории университета г. Киото ассистентом, принимает участие в раскопках.

Столь многообещающую научную карьеру прервала Вторая мировая война...

² В своё время Г. Райнерт сыграл довольно неприглядную роль в гонении на собратьев по цеху в нацистской Германии. Одним из плодов его усилий стало отстранение от должности Геро фон Мергарта, первого штатного профессора древней истории Германии, речь о котором пойдёт далее.

«Прощальные стихи» Арне Михаэлю Тальгрёну. 1951–1956 гг.

Десятилетие спустя. Отгремела страшная и кровопролитная Вторая мировая война – трагедия для всего мира, национальная трагедия для Японии и личная трагедия для Цунода Бунъэй. В июле 1944 г. его призвали в армию и направили в пограничные войска в Маньчжурию. Здесь в 1945 г. он попал в русский плен, первоначально был интернирован в лагерь для военнопленных рядом с Тайшетом в Иркутской области, а в 1948 г. его перевели в Иркутск, где он получил возможность работать с коллекциями музея и в университетской библиотеке.

В июле того же года учёный вернулся в Японию. Здесь в 1949 г. он становится доцентом, а впоследствии – профессором археологии в университете в г.Осаке и возглавляет Историческое общество Японии. Впоследствии при его непосредственном участии был основан Музей эпохи Хэйан (1967), а также центры исследования древностей и античной литературы Запада. В Японии профессор Цунода становится известен, в первую очередь, своими исследованиями творчества известной писательницы Мурасаки Сикибу. Под его руководством проводятся раскопки на территории страны и за её пределами – в Ираке, Сирии, Египте, Европе.

19 июля 1950 г. профессор археологии Осацкого университета Цунода Бунъэй вновь пишет в Финляндию. В эти годы его не покидает мысль о возобновлении прерванного войной сотрудничества с европейскими коллегами. В первую очередь, конечно же, с А.М. Тальгрёном, о котором японский археолог давно ничего не слышал. Письмо из Финляндии, от ученицы А.М. Тальгрёна Эллы Кивикоски, стало для него «пронзительным ударом». Когда Б. Цунода переживал тяготы русского плена, А.М. Тальгрён скончался после долгой болезни, не дожив нескольких месяцев до окончания Второй мировой войны и наступления мира. Отдать дань памяти собрату по профессии, столь уважаемому и в Японии, Б. Цунода намеревается публикацией посвящённой тому мемориальной статьи. За помощью и сведениями о жизни и научных достижениях учёного Б. Цунода обращается к его сестре Айли. В каждом из писем он с благодарностью и глубочайшим уважением вспоминает финского археолога, встречи с ним, любезность и гостеприимство, с которым тот принимал молодого коллегу в своём доме, ценные советы и профессиональные консультации по вопросам и проблемам евразийской археологии. Ещё в 1941 г. в послании А.М. Тальгрёну Б. Цунода признавался:

«Я бы хотел сказать Вам правду; в моей жизни я знаю лишь немногих профессоров, которым я мог бы выказать моё искреннее уважение, а здесь, в Хельсинки, я получил благоприятную возможность встретить профессора, к которому я испытываю величайшее почтение. Мне не следовало бы признаваться Вам в этом прямо, но не могу не выразить Вам моё незабываемое впечатление и чувство благодарности» (из Стокгольма, от 11 октября 1941 г.).

Этому признанию он вторит и в письме сестре финского учёного:

«Для меня было пронзительным ударом, что профессор Тальгрён умер в 1945 году (об этом я узнал недавно из письма профессора Кивикоски). Смерть такого известного исследователя, я убеждён, исключительная потеря не только для вашей страны, но и для археологической науки всего мира. Вместе со всеми археологами я высоко ценю многие его труды по ранней культуре Евразии <...>

Я вспоминаю ваш спокойный и изысканный дом с прекрасным садом, где я встретил его осенью 1941 года. Он был всегда очень сердечным и поучал меня относительно важных проблем евразийской археологии. Я никогда не смогу забыть его глубокие указания и достойный приём, который я встретил у него во время моего пребывания в Хельсинки. Зная, что он болен, я всё же был далёк от дурных предчувствий; и я молился про себя, чтобы он восстановил своё здоровье и развивал науку так, как он это делал до сих пор. Судьба чересчур поспешно забрала жизнь такого превосходного учёного!» (из Осаки, от 19 июля 1950 г.).

Строки каждого из писем пронизаны горечью утраты, которую понесла не только мировая наука, но и лично Б. Цунода: для него А.М. Тальгрэн был не просто другом по переписке, но наставником, единомышленником, близким по духу человеком. По примеру финского коллеги, репутация которого как одного из ведущих специалистов в области евразийской археологии подкреплялась и славой его как основателя и редактора известного журнала *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, долгие годы Цунода Бунъэй был редактором японского журнала «Палеология». Идею издания после окончания войны нового международного журнала, который бы охватывал всё мировое пространство и выпускался в партнерстве с японскими археологами, вынашивал в своё время сам А.М. Тальгрэн. К сожалению, этот многообещающий проект реализован не был. Однако профессор Цунода приложил все усилия к тому, чтобы его журнал был хотя бы «полумеждународным»: к участию и публикации в нём он старался привлечь многих археологов, в том числе и европейских.

Айли Тальгрэн он просит о присылке краткой биографии брата и о тексте «Речи памяти А.М. Тальгрэна», автором которой был коллега А.М. Тальгрэна Аарне Европеус [Äugärää A., 1945]. Эту «мемориальную речь» профессор намеревается перевести на японский язык и напечатать в одном из выпусков университетского журнала. Правда, некоторые моменты в этом тексте, который был прислан незамедлительно, для Цунода Бунъэй как представителя иной культуры не вполне понятны: вызывают вопросы, например, уменьшительное имя А.М. Тальгрэна «Микко» и что такое «младофинское землячество», членом которого А.М. Тальгрэн являлся. Прояснить эти нюансы, как и уточнить некоторые данные о жизни и научном творчестве финского археолога, японский учёный также просит его сестру.

К ней же он обращается с просьбой о фотопортрете А.М. Тальгрэна.

«Мергарт первый и второй». 1955–1958 гг.

«Японские археологи называют меня Мергартом Вторым, так как я изучал археологию Сибири, как и Вы, будучи военнопленным. Когда я попал туда как переводчик военнопленных, я обратился к властям, что страстно хочу изучать археологию Сибири в Иркутске, как в своё время профессор Мергарт <...> К счастью, они разрешили мне заниматься в областном музее Иркутска» (из Осаки, от 14 марта 1955 г.).

Эти строки адресованы первому штатному профессору Древней истории Германии, руководителю кафедры в университете Филиппа в г. Марбурге-на-Ланне Геро Мергарту фон Бернеггу. Сам Б. Цунода в эти годы ведёт активную научную и общественную жизнь, является успешным исследователем, профессором археологии университета г. Осаки и одним из

редакторов журнала «Палеология». В орбиту его интересов включена и Древняя история Северной и Центральной Азии. Со смертью А.М. Тальгрена, казалось, угасла и возможность наладить прерванные контакты с европейскими учёными, которые занимались евразийской проблематикой, однако судьба преподносит Б. Цунода неожиданный сюрприз в виде знакомства с другом и коллегой А.М. Тальгрена австрийским археологом Геро фон Мергартом. Учёных роднит многое, и это не только схожесть научных интересов. Удивительны параллели в их биографии. Оба прошли тернистый фронтальной путь: Геро Мергарт – в качестве офицера австро-венгерской армии во время Первой мировой войны, Цунода Бунъэй – как участник Второй мировой. Оба благополучно пережили сибирский плен. Оба состоялись как превосходные археологи и музейщики. Преподавательская деятельность – ещё один объединяющий фактор. Геро Мергарт – «отец-основатель» марбургской научной школы археологии в Германии, воспитавшей плеяду замечательных учёных. Успехом увенчалась и преподавательская деятельность профессора Цунода, целью которой он считал подготовку нового поколения исследователей, *«безупречно разбирающихся в археологии и истории и способных объективно оценивать и комплексно продвигать исследования истории Древнего мира»* [Sakazume H., 2009].

Геро Мергарт и Цунода Бунъэй никогда не встречались лично. К началу 1940-х годов, когда японский археолог был в Германии, Геро Мергарт уже был в опале у новой немецкой власти: в 1938 году его отстранили от преподавания, а 1942 г. отправили на пенсию. Однако имя Геро Мергарта, по словам Б. Цунода, было «широко известно в Японии» по «превосходному труду «Бронзовый век на Енисее» [Merhart G., 1926]. Об австрийском археологе ему говорил и А.М. Тальгрэн как о «единственном профессоре в Германии, с которым мы можем объединиться для изучения древних культур Северной Евразии» (из Осаки, от 14 марта 1955 г.).

Заочное общение учёных также началось довольно поздно – письмо Б. Цунода из Осаки было первым в переписке. Помимо сведений о себе, предложений о сотрудничестве и публикации в журнале «Палеология», оно содержит также просьбу поделиться воспоминаниями о Сергее Александровиче Теплоухове, выдающемся исследователе древних культур Южной Сибири:

«С точки зрения истории археологии, мы, японские археологи, очень интересуемся методом исследования микрорайонов С.А. Теплоухова и его личностью. Вы писали о нём в предисловии к Вашей упомянутой выше работе. И я думаю, что Вы – единственный за пределами Советского Союза, кто был знаком с Теплоуховым. Поэтому не хотели бы Вы сотрудничать с нашей “Палеологией” в связи с доктором Теплоуховым, его личностью и его археологическими достижениями?» (там же).

Геро Мергарт не мог остаться равнодушным к призыву японского коллеги. Несмотря на то, что австрийский археолог уже разменял седьмой десяток и был почти слеп из-за приобретенной в Сибири глазной болезни, на просьбу профессора Цунода он откликается пространством письмом-воспоминанием о сибирских годах жизни, коллегах, с которыми в тех далеких краях свела его судьба, в том числе и С.А. Теплоухове. Однако подробного отчёта или статьи о личности сибирского исследователя он дать не смог – его последние связи с Россией и русскими коллегами оборвались ещё в начале 1930-х годов, за эти годы информации оттуда почти не поступало, да и личные воспоминания значительно потускнели за давностью лет.

Это несколько не умалило исторической и литературной ценности «Последнего воспоминания о Сибири», которое было напечатано в 1958 г. в журнале «Палеология» на немецком языке [Merhart G., 1958].

Были ли последующие письма, или переписка учёных ограничилась этими двумя письмами – этот факт пока скрыт от глаз историографов. Во время одного из своих более поздних визитов в Германию Б. Цунода познакомился с учеником Г. Мергарта из послевоенного выпуска – известным немецким археологом, профессором Германом Мюллером-Карпе, с которым впоследствии состоял в переписке и письма которого хранил до конца дней. Можно предположить, что среди прочих тем своего Учителя и коллегу они вспоминали неоднократно.

Кстати, фотография Геро Мергарта у профессора Цунода уже была. В своё время японский учёный получил её от А.М. Тальгрена.

«Последнее воспоминание о Сибири». 2000-е годы

Прошло больше 50 лет. Начало новой информационной эры, прогресс в сфере коммуникации и бурное развитие новых технологий кардинальным образом изменили стиль жизни и качество общения: канули в прошлое времена, когда писем приходилось ждать месяцами. Да и мир порядком изменился, в этом Цунода Бунъэй имел возможность убедиться лично: 1970–1990 гг. были щедры на заграничные поездки и исследования древних памятников в Дании, Норвегии, Германии, Франции, Италии, Англии, Болгарии, Египте, Сирии. Не угас в эти годы и его интерес к русской культуре: в августе 1964 г. он принял участие в открытии выставки «Сокровища России» в Осаке, а позже неоднократно (1971, 1997) бывал в Советском Союзе, встречался с советскими учёными и видел коллекции сибирских древностей в Эрмитаже.

2007 год. Цунода Бунъэй, профессору университетов Осаки и Киото, директору Института Палеологических исследований Японии, основателю Музея эпохи Хэйан и экс-директору Музея культуры в Киото, многочисленные титулы и почётные звания которого вряд ли уместятся в один абзац, уже 94 года. Возраст не мешает ему оставаться активным и, помимо профессиональной деятельности, вести насыщенную общественную жизнь (с 1977 г. он также является членом Ротари-клуба).

И вдруг профессор получает неожиданное письмо из Сибири, от сотрудницы Красноярского краевого краеведческого музея. Та занимается личностью Геро фон Мергарта и в поисках информации о нём обращается ко всем, кто как-то был связан с его судьбой. И хотя давно ушли из жизни многие легендарные персоны и те, с кем Б. Цунода общался, но тема европейско-японских научных связей, как и прежде, близка сэнсёю и живо интересуется его. На запрос сибирской исследовательницы он откликается незамедлительно. Текст его письма почти полностью, за исключением приветственных фраз, приводится далее:

«Я прочитал Ваше письмо с большим удовольствием и тоской. И прошу прощения за задержку с ответом, потому что лежал больной в постели, когда получил Ваше письмо.

Прежде всего, я слышал, что Вы собираетесь представить письмо профессора Мергарта ко мне в своей публикации на русском языке, и эта новость доставила мне большое удовольствие. Так что используйте письмо, как Вам угодно. В 1933 году я учился в Европе как

студент от Министерства образования, культуры и науки (сейчас это Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий). Затем я посетил Хельсинки и встретился с профессором Тальгреном (я бы предпочел подробно рассказать об этом в следующий раз). В то время имена профессора Мергарта и профессора Тальгрена были широко известны в археологической среде Японии. Так как профессор Мергарт изложил плоды археологических исследований древних культур бассейна Енисея, то мы очень восхищались им, и я прочитал его «Бронзовый век на Енисее» с большим интересом. И я хотел встретиться с тем, кто меня с ним познакомил, – с профессором Тальгреном. Тогда я не знал, где он, но когда я поехал в Финляндию, профессор Тальгрэн пригласил меня на обед в свой дом в Хельсинки. Это было во время войны, когда ему было приказано быть цензором международной почты.

В 1997 году я посетил С.-Петербург и видел предметы из Минусинска в Эрмитаже. Потом я попросил м-ра Вадима Климова, который был куратором Института Восточных исследований в С.-Петербурге и являлся нашим гидом, написать биографию С.А. Теплоухова, который проводил раскопки в Минусинске; он согласился на наше предложение, но из этого ничего не вышло. Если Вы или Ваши друзья напишут его [Теплоухова. – Е.Д.] биографию для нашего журнала, мы будем счастливы. Если Вы примете наше предложение, пожалуйста, пишите на Вашем языке. Мы переведем Ваше эссе на японский язык» (из Осаки, ноябрь 2007 г.).

К сожалению, тот диалог прервался очень быстро. Профессор тогда уже тяжело болел, подолгу лежал в больнице. Однако он ещё успел порадоваться тому, что одно из его самых заветных желаний, его просьба к русским коллегам – эссе о жизни С.А. Теплоухова, которому сибирская археология столь многим обязана, было исполнено. Л.Ю. Китова из Кемеровского университета написала замечательный очерк и передала его в Японию. Профессор ознакомился с ним. Но опубликован он был уже после смерти японского учёного, в 2009 г., в сборнике, который друзья и коллеги издали в память о своём Учителе [Cultura Antiqua, 2009].

Профессор Цунода и «мисс Екатерина Детлова» успели обменяться лишь несколькими письмами. Со стороны сэнсэя их было всего три. В них он упоминает и о встрече с А.М. Тальгреном, и о Г. Мергарте, и о С.А. Теплоухове.

И даже о том, что, по примеру А.М. Тальгрена, который создал у себя дома галерею портретов известных учёных, такую же галерею Цунода Бунъэй устроил в Музее эпохи Хэйан.

Постскрипtum

Мы сидим в кабинете профессора Цунода за чашечкой ароматного чая и ведём неторопливую беседу. Говорим о многом: об истоках археологии, её прогрессе, вспоминаем Г. Мергарта, А.М. Тальгрена, В.Г. Чайлда, русских коллег. Сэнсэй – в строгом костюме, как и подобает мэтру, хотя обычно предпочитает кимоно (рис. 3). Интеллигентный, благородный облик – образец истинного учёного, безупречного во всем, вплоть до мельчайших деталей. Удивительно мудрые глаза, излучающие спокойствие и огромную доброту, доброжелательная улыбка. «С годами его благородная внешность не померкла, а природное обаяние лишь усилилось. Его элегантная и утончённая манера общения создавала скорее образ опытного художника, а не ученого», – вспоминают его ученики [Setouchi J., 2009]. Мне представляется,

что и содержание полностью соответствовало форме. Гуманист до мозга костей, который сумел сохранить чистоту души, человечность, любовь к жизни. На вопрос, почему к нему так тянутся ученики и коллеги, профессор ответил: «Это потому, что я люблю людей» [Yamada K, 2009]. Лучше не скажешь. Добавлю ещё, что даже заочное знакомство с этим человеком дало мне многое. Не только в плане информации. Для меня это было, прежде всего, соприкосновение с ещё одной из легенд мировой науки, которые преобразуют мир.

Такое вполне могло бы быть. Но – увы. Мы познакомились с профессором Цунода слишком поздно. 24 мая 2008 г. его не стало. *«Цунода-сэнсэй прожил долгую жизнь и в 95 лет тихо отошёл в светлый мир Будды <...> Я скорблю о великом гении, чьи исследования на протяжении более чем 70 лет продвигали археологию вперед, и молюсь об упокоении его души»* [Otsubo T., 2009]. Могу лишь присоединиться к этим словам.

А фотография профессора отныне занимает почётное место в моей личной галерее портретов.

Рис. 3. Профессор Цунода Бунъэй.
Фотопортрет из журнала *Cultura Antiqua*, IV (60), 2009.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Äyräpää Aarne*. Puhe A.M. Tallgren muistolle: [Речь памяти А.М. Таллгрена] // Suomen Museo. 1945. № 1. С. 6–16.
- Cultura Antiqua. Kyoto: The Paleological Association of Japan, Inc. 2009. № 4(60)
- Merhart Gero*. Bronzezeit am Enissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens: [Бронзовый век на Енисее. Очерк о древней истории Сибири]. Wien: A.Schroll & Company. 1926.
- Merhart Gero*. Einige Erinnerungen an Sibirien: [Некоторые воспоминания о Сибири] // Palaeologia. 1958. № 7. С. 227–229.
- Otsubo Takao*. A Memorial Address // Cultura Antiqua. 2009. № 4 (60). С. 1–3.
- Sakazume Hideichi*. Tsunoda's Paleology and Research Projects // Cultura Antiqua. 2009. № 4 (60). С. 3–34.
- Setouchi Jakucho*. Enviablen Milestones of His Life // Cultura Antiqua. 2009. № 4 (60). С. 3–5.
- Yamada Kunikazu*. Dr. Bun-ei Tsunoda's Paleology // Cultura Antiqua. 2009. № 4 (60). С. 5–8.

REFERENCES

- Äyräpää, A. (1945). Puhe A.M. Tallgren muistolle [A.M. Tallgren's Memory Speech], *Suomen Museo*, 1: 6–16. (In Finnish).
- Cultura Antiqua (2009), 4 (60), Kyoto: The Paleological Association of Japan, Inc.
- Merhart, G. (1926). Bronzezeit am Enissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens [Bronze Age on the Yenisei. Contributions to the Siberian Prehistory], Wien: A.Schroll & Company. (In German).
- Merhart, G. (1958). Einige Erinnerungen an Sibirien [Some Memories of Siberia], *Palaeologia*, 7: 227–229. (In German).
- Otsubo, T. (2009). A Memorial Address, *Cultura Antiqua*, 4 (60): 1–3.
- Sakazume, H. (2009). Tsunoda's Paleology and Research Projects, *Cultura Antiqua*, 4 (60): 32–34.
- Setouchi, J. (2009). Enviablen Milestones of His Life, *Cultura Antiqua*, 4 (60): 3–5.
- Yamada, K. (2009). Dr. Bun-ei Tsunoda's Paleology, *Cultura Antiqua*, 4 (60): 5–8.

Поступила в редакцию 05.09.2018

Received 5 September 2018

Для цитирования: Детлова Е.В. «Короткая песня» о Цунода Бунъэй и его европейских коллегах // Японские исследования. 2018. №4. С. 124–134. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10032

For citation: Detlova E.V. (2018). «Korotkaya pesnya» o Tsunoda Bun'ey i ego evropeyskikh kollegakh [«Short song» about Tsunoda Bun-ei and his European colleagues], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2018, 4: 124–134. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10032

Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2018 год

Борькина А.Ю. О международной конференции, посвящённой 150-летию революции Мэйдзи в Японии // Японские исследования. 2018. №2. С. 107–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10014

Ванеян Е.С. Иллюстрации в книге «Полезные записи об изготовлении бумаги» («Камисуки тэхоки»): функция, приёмы, контекст // Японские исследования. 2018. №3. С. 97–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10021

Гришачев С.В. Снова о Стране чудес, или Двадцать лет спустя. Рецензия на коллективную монографию «Японский феномен глазами российских японоведов» // Японские исследования. 2018. №3. С. 128–133. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10024

Детлова Е.В. «Короткая песня» о Цунода Бунъэй и его европейских коллегах // Японские исследования. 2018. №4. С. 124–134. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10032

Добринская О.А. О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии // Японские исследования. 2018. №2. С. 23–37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009

Ермакова Л.М. О трёх риторических жанрах современной Японии // Японские исследования. 2018. №2. С. 89–106. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10013

Есипова М.В. Уникальный образ Гаруды-«музыканта» в японской буддийской иконографии // Японские исследования. 2018. №3. С. 6–33. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10017

Жанг Тхи Тхом, Муратшина К.Г. Проявления «мягкой силы» в гуманитарном сотрудничестве Японии и Вьетнама // Японские исследования. 2018. №1. С. 38–50. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10003

Казиков О.И. О конференции «Япония в Восточной Азии: политика, экономика» // Японские исследования. 2018. №1. С. 81–98. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10007

Карелова Л.Б. Пространство и время в философии Нисида Китаро // Японские исследования. 2018. №1. С. 71–80. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10006

Катасонова Е.Л. Военнопленные Халхин-Гола // Японские исследования. 2018. №1. С. 51–59. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10004

Киктева М.М. Книжный иллюстратор в контексте своего времени: творческая биография Нива Токэй (1760–1822) // Японские исследования. 2018. №3. С. 78–96. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10020

Кириченко М.А. О книге «30 уникальных лиц Японии и России – 2» // Японские исследования. 2018. №2. С. 119–126. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10016

Корчагина Т.И. О конференции «Культурные традиции Японии и их проявление в современном японском обществе» // Японские исследования. 2018. №3. С. 125–127. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10023

Кужель Ю.Л. Японская иконография в камне // Японские исследования. 2018. №1. С. 19–37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10002

Кузьминков В.В. Японская историография проблемы территориального размежевания между Россией и Японией // Японские исследования. 2018. №1. С. 60–70. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10005

Кульнева П.В. Экономическая терминология в японском и китайском языках: сходство и различия // Японские исследования. 2018. №4. С. 24–43. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10026

Лебедева И.П. Япония: проблемы занятости пожилых работников // Японские исследования. 2018. №4. С. 60–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10028

Магера Ю.А. История появления первых японских комиксов на русском языке // Японские исследования. 2018. №4. С. 6–23. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10025

Оськина А.С., Пасивкина С.А. «Полезные записи об изготовлении бумаги» («Камисуки тёхоки») как первое иллюстрированное руководство по изготовлению бумаги // Японские исследования. 2018. №3. С. 49–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10019

Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. №4. С. 78–91. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Петрова А.А. Книга «Полезные записи об изготовлении бумаги» («Камисуки тёхоки»): графические особенности текста // Японские исследования. 2018. №3. С. 111–124. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10022

Полхов С.А. Наставления Мори Мотонари сыновьям: ценности, идеалы и политическая стратегия даймё периода Сэнгоку (Часть 1) // Японские исследования. 2018. №1. С. 5–18. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10001

Полхов С.А. Наставления Мори Мотонари сыновьям: ценности, идеалы и политическая стратегия даймё периода Сэнгоку (Часть 2) // Японские исследования. 2018. №2. С. 6–22. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10008

Санович В.С., Трубникова Н.Н., Коляда М.С. «Я – переводчик». Беседа с В.С. Сановичем о переводе «Стародавних повестей» и многом другом // Японские исследования. 2018. № 4. С. 111–123. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10031

Санчирова К.В. Истоки становления японской фотографии Японии // Японские исследования. 2018. №2. С. 38–53. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10010

Сахарова Е.Б. О XX ежегодной конференции «История и культура Японии» // Японские исследования. 2018. №2. С. 111–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10015

Сковоронских М.В. Сиракава Кинсуй: жизнеописание выдающихся женщин в эпоху модернизации // Японские исследования. 2018. №2. С. 72–88. (На англ.) DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10012

Стрельцов Д.В. Политическая коррупция в Японии в период «системы 1955 года» // Японские исследования. 2018. №4. С. 44–59. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10027

Тимонина И.Л. Университетские стартапы и венчуры и конкурентоспособность страны: опыт Японии // Японские исследования. 2018. № 4. С. 92–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10030

Толстогузов С.А. Финансовый кризис и Мэйдзи исин // Японские исследования. 2018. №2. С. 54–71. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10011

Фёдорова А.А. Кинематограф XII века: традиционалистские теории кино в Японии 1930-х – 1940-х годов // Японские исследования. 2018. №3. С. 34–48. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10018

The bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” for 2018

Borkina A.Yu. On the International Conference, Dedicated to the 150th Anniversary of the Meiji Revolution in Japan // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 107–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10014

Detlova E.V. «Short song» about Tsunoda Bun-ei and his European colleagues // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 4, pp. 124–134. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10032

Dobrinskaya O.A. On Some Aspects of Evolution of Japan’s Foreign Policy // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 23–37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10009

Ermakova L.M. On Three Rhetoric Genres of Contemporary Japan // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 89–106. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10013

Esipova M.V. Unique image of Garuda-«musician» in Japanese buddhist iconography // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 3, pp. 6–33. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10017

Fedorova A.A. Twelfth-century cinema: traditionalist film theories in Japan of the 1930s–1940s // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 3, pp. 34–48. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10018

Giang Thi Thom, Muratshina K.G. Soft Power in Japan–Vietnam cultural interaction // *Japanese studies in Russia*, 2018, 1, pp. 38–50. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10003

Grishachov S.V. Wonderland again or Twenty years after // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 3, pp. 128–133. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10024

Karelova L.B. Space and Time in the Philosophy of Nishida Kitaro // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 1, pp. 71–80. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10006

Katasonova E.L. Khalhin-Gol: The Prisoners of the War // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 1, pp. 51–60. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10004

Kazakov O.I. On the Conference “Japan in East Asia: Politics, Economics” // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 1, pp. 81–98. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10007

Kikteva M.M. Book illustrator in the context of his epoch: art heritage of Niwa Tokei (1760–1822) // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 3, pp. 78–96. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10020

Kirichenko M.A. On the Book “30 Unique Figures of Japan and Russia – 2” // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 119–126. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10016

Korchagina T.I. On the conference “Japanese culture and traditions in contemporary Japanese society” // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 3, pp. 125–127. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10023

Kulneva P.V. Economic terminology in Japanese and Chinese languages: similarities and differences // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 4, pp. 24–43. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10026

Kuzhel Yu.L. Japanese Stone Iconography // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 1, pp. 19–37. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10002

Kuzminkov V.V. Modern Japanese historiography debates over the territorial delimitation between Russia and Japan // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 1, pp. 61–70. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10005

Lebedeva I.P. Japan: the problems of employment of elderly workers // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 4, pp. 60–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10028

Magera Yu.A. The history of the first Russian language publications of Japanese comics // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 4, pp. 6–23. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10025

Oskina A.S., Pasivkina S.A. “Precious notes on papermaking” (“Kamisuki chohoki”) as the first illustrated guide to papermaking // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 3, pp. 49–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10019

Panov A.N., Nelidov V.V. Japan’s foreign policy in the context of military-political situation in North East Asia // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 4, pp. 78–91. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Petrova A.A. “Precious notes on papermaking” (“Kamisuki chohoki”): graphic features of the text // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 3, pp. 111–124. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10022

Polkhov S.A. Teachings of Mori Motonari for the Sons: Values, Ideals and Strategy of the Sengoku Daimyo (Part 1) // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 1, pp. 5–18. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10001

Polkhov S.A. Teachings of Mori Motonari for the Sons: Values, Ideals and Strategy of the Sengoku Daimyo (Part 2) // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 6–22. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10008

Sakharova E.B. The 20th Annual International Conference “History and Culture of Japan” // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 111–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10015

Sanchirova K.V. The origins of Japanese photography // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 38–53. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10010

Sanovich V.S., Trubnikova N.N., Kolyada M.S. “I am a translator”. Interview with Viktor Sanovich about the translation of the Konjaku monogatari shū and many other things // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 4, pp. 111–123. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10031

Skovoronskikh M.V. Shirakawa Kinsui: Writing Biographies of Exemplary Women in the Age of Modernization // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 72–88. (In English). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10012

Streltsov D.V. Political corruption in Japan during the “1955 system” // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 4, pp. 44–59. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10027

Timonina I.L. University startups and ventures and the competitiveness of the country: experience of Japan // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 4, pp. 92–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10030

Tolstoguzov S.A. Financial Crisis and Meiji Restoration // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 2, pp. 54–71. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10011

Vaneian E.S. Illustrations in “Precious notes on papermaking” (“Kamisuki chohoki”): function, methods and context // *Japanese Studies in Russia*, 2018, 3, pp. 97–110. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10021

Научное издание

Японские исследования

№ 4, 2018

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	Е.В. Белилина
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков

Дата публикации:	25.12.2018
------------------	------------

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia

No. 4, 2018

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	E.V. Belilina
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov

Date of issue:	25 December 2018
----------------	------------------

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日本研究